

Т Е Р М Е З

ШАХРИСЯБЗ

Х И В А

Г. ПУГАЧЕНКОВА

72С1
ПЗЗ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
I—XIX ВЕКОВ

MONUMENTS
DES I^e — XIXe SIÈCLES

П 80102-019
025(01)-76 158-75

© Издательство «Искусство», 1976 г.

Ташкент, Самарканд, Бухара — эти крупные города Узбекистана, прославленные своими историко-культурными памятниками или художественными собраниями, почти обязательно входят в основные маршруты по республике, начиная от пионерских походов и «поездов дружбы», кончая международными вояжами «Интуриста». А между тем есть в Узбекистане ряд небольших городов, таящих архитектурные шедевры былых эпох и потому давно оцененных историками архитектуры, но мало известных широкому кругу любителей странствовать во имя приобщения к Прекрасному, завещанному трудом далеких поколений.

Познакомить их, любознательных, с памятниками трех городов — Термеза, Шахрисябза и Хивы — ставит целью эта книга.

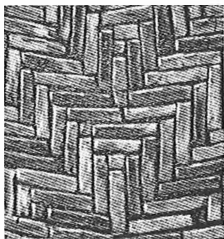
Что же побудило автора объединить три столь удаленных друг от друга пункта, один из которых лежит на южном рубеже нашей страны, другой — в горной зоне на востоке Узбекистана, а третий — на противоположном конце республики? Ответим так: логика развития самой архитектуры Средней Азии. Ибо со смещением в разные периоды историко-культурных центров изменялись и места созидания лучших архитектурных творений, наиболее ярко запечатлевших дух своей эпохи. И в этом отношении три названных города как бы подхватывают друг у друга историко-культурную эстафету. Возникновение Термеза относится к периоду до нашей эры, он процветал во времена античности и средневековья, но после разгрома его монголами занял положение второстепенного городка. Шахрисябз пережил период взлета в XIV—XV веках, при Тимуре и Тимуридах. Хива сохранила единичные памятники средневековья, но формировалась как целостный архитектурный ансамбль с конца XVIII по начало XX века.

Таким образом, архитектурные памятники этих трех городов позволяют окинуть единым взглядом историю среднеазиатской архитектуры на почти двухтысячелетнем пути ее развития. И тот, кто уже знаком с архитектурными памятниками Бухары и Самарканда, не сможет не ощутить, сколь многие

хронологические и архитектурно-типологические пробелы ими восполняются на этом пути.

Памятники Термеза, Шахрисябза, Хивы представляют огромный интерес и потому, что это важные звенья в общей цепи истории среднеазиатского зодчества, и потому, что многие из них — это подлинные шедевры архитектуры. С первых же лет Советской власти они находятся под государственной охраной. В археологических списках Термез значится как одно из крупнейших городищ всесоюзного значения. Укрепленное ядро Хивы — Ичан-кала с 1969 года в целом объявлена государственным заповедником. А так как и Шахрисябз и Хива из года в год растут, как и все города советской Средней Азии, то новая застройка входит в них, сообразуясь с расположением архитектурных памятников и ансамблей. В частности, генеральный план Хивы целиком соподчинен функциям охраны Ичан-калы и расположенных вне ее стен памятников. Охраны не только физической, но и моральной, то есть учета того, чтобы современная архитектура не соперничала со старой, а служила для нее скромным фоном, подобно тому как серебро и чернь новой оправы браслета лишь оттеняют вделанные в него старинные самоцветы.

T E P M E 3

ГОРОД. В школьных учебниках по географии Термез упоминается как самый южный и один из самых жарких пунктов Советского Союза. Термез также и один из самых древних городов нашей страны.

Для тех, кто поедет по Главному узбекскому тракту и пересечет Термезское городище, бескрайним покажется его огромный пустырь, где вырисовываются всхолмления бывших кварталов, вздымаются местами куски глинобитных стен, высятся вдали силуэты древней крепости и куполов мавзолея Хакими ат-Термези и всюду рассеяны обломки кирпичей и керамики. Вехи истории города запечатлены в этих бесформенных археологических остатках.

Название Термеза некоторые ученые связывают с санскритским словом Тара-мато (в переводе — Зареченск), другие — с именем греко-бактрийского царя Деметрия (в последующем Дармит — Тармид — Термез). По археологическим данным, первоначальное укрепленное ядро Термеза возникло в III—II веках до н. э., когда древняя область Амударьинского бассейна — Бактрия — входила во владение греко-бактрийских царей. Главным фактором, способствовавшим возникновению и последующему развитию города, явилось расположение его у одной из немногих удобных речных переправ через капризное, изменчивое русло Амударьи. Предполагают, что еще ранее, в IV веке до н. э., фаланги Александра Македонского именно здесь переправлялись через реку Окс (Амударью) с помощью понтонов, наведенных из набитых соломой бараньих шкур. Если это и не так (более вероятно, что греки пересекли Амударью у Келифа), то несомненно, что уже в античную эпоху расцвет и значение Термеза определяла его роль как узлового пункта связи право- и левобережной Бактрии и еще шире — южных и северных областей центральноазиатского региона на одной из трасс той главной коммерческой магистрали древнего мира, которую называли Великим шелковым путем. Термез благодаря переправе сохраняет важное значение и до наших дней, являясь одним из главных пунктов деловых контактов с соседней дружественной страной — Афганистаном.

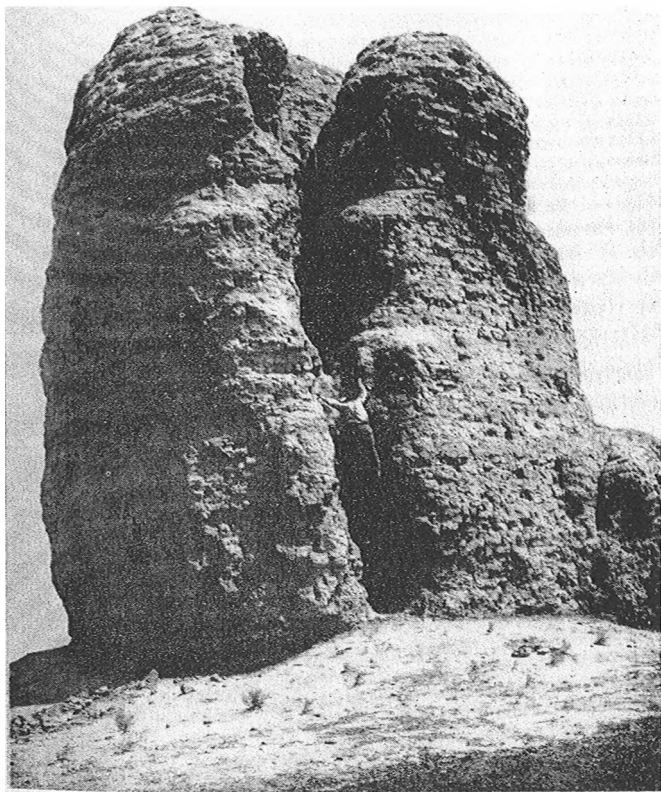
Пунктиры исторического развития Термеза, на основе письменных источников и археологических данных, таковы. К III веку

до н. э. близ упомянутой переправы уже существует какое-то поселение. В III—II веках до н. э. естественное возвышение над Амударьей — как бы самой природой приуготованный пункт обороны — было заключено в прямоугольник крепостных ограждений площадью до 10 гектаров. Возможно, что произошло это при Деметрии (около 200 г. до н. э.), имя которого навсегда отразилось в наименовании города. Античные стены были выведены монолитной кладкой из сырца, их толщина у основания достигала 11 метров, они были фланкированы башнями и охвачены рвом.

Территория греко-бактрийского города со временем разрастается вне этих укреплений. В правление династии Кушан (I—III вв.) площадь Термеза уже достигает 500 гектаров; для защиты населения от врагов его неправильный полигон окружают крепостными стенами. Былая Деметрия в эту пору играет лишь роль цитадели, жилая застройка, ремесленные кварталы, культовые комплексы располагаются на территории раскинувшегося вокруг нее кушанского города, а некоторые сооружения выходят и за пределы его крепостных стен.

В IV—V веках античный город переживает полный упадок. Но в VI—VII веках вновь начинается частичное его заселение и формирование раннефеодального города. В 689 году Термез впервые захватывают арабы, а через пятнадцать лет он уже окончательно входит в состав обширных владений арабского халифата.

Расцвет средневекового Термеза падает на IX—XII века. В этом интервале времени, несмотря на ряд потрясений, связанных с политической борьбой различных династий и правителей (в IX—X вв. город подчинен Саманидам, в XI—XII вв. является объектом притязаний Газневидов, Караханидов, Сельджукидов, переходя от одних к другим), городская жизнь в Термезе кипит, экономика на подъеме, торговля и ремесла процветают. Реставрируется пристань, в цитадели осуществляются большие перестройки, усиливающие ее обороноспособность. Город разрастается в размерах и включает цитадель (в эту пору ее именуют Кухендиз — «Старая крепость»), укрепленный шахристан, обширный пригород-рабад и еще одну пригородную часть, именовавшуюся сурадикат. При Саманидах в шахристане среди густо застроенных жилых кварталов кипят базары, высится дворец, уходит под землю зиндан-

1. Развалины ступа (Башня Зурмала) в Старом Термезе.
Первые века н. э.

2. Горельеф на тему «Великого чуда». Камень. I—II вв. Термез, музей

3. Сидящий будда. II—III вв. Найден близ Башни Зурмала в Старом Термезе. Термез, музей

тюрьма. В рабаде также располагаются базары и ремесленные мастерские, здесь находится мечеть-намазга, где справляют крупные мусульманские празднества — курбан и рамазан.

В XI—XII веках площадь бывшего шахристана уже становится тесной, и потому он переклещивается в зону пригорода. Усиливаются старые и возводятся новые городские крепостные стены, периметр которых уже столь значителен, что в них устраивается девять ворот.

В средневековом Термезе процветают разнообразные ремесленные производства — ткацкое, гончарное, металлообрабатывающее, стеклодувное, ремесла, связанные со строительным делом, с парфюмерией и фармакопеей. Некоторые из них запечатлены многочисленными археологическими остатками — гончарные и кирпичные шлаки, железные крицы, бракованная керамика и сейчас в обилии усеивают термезское городище.

Конец все нараставшему развитию города положило в 1220 году завоевание и опустошение его монголами. Лишь на исходе XIII века Термез возрождается, но уже на новом месте — к востоку от мертвого домонгольского города, в местности Салават, исторически связанной с влиятельным семейством термезских сейидов. В начале XV века, по словам очевидца, это был «большой город, хорошо отстроенный, с прекрасными базарами». Застройка его продолжалась на протяжении всего XV столетия; тогда же в Старом Термезе был произведен капитальный ремонт пристани и цитадели.

К XVIII веку, как и иные города Средней Азии, Термез захирел и лежал в развалинах вплоть до 1758 года, когда близ него начал слагаться кишлак Патта-Кесар. Здесь в 1895 году военные инженеры И. Т. Пославский и Б. Н. Кастальский закладывают небольшой, хорошо распланированный пограничный городок. На его основе разросся современный Термез — крупный город, административный и культурный центр Сурхан-Дарьинской области Узбекской ССР.

Городище Старого Термеза является государственным археологическим заповедником, где ведутся многолетние раскопки. Ряд его архитектурных памятников являются подлинными шедеврами архитектуры. На некоторых, наиболее интересных, остановимся подробнее: на тех, что высятся до наших дней на городище, на тех, что были погребены в земле, но выявлены заступом археолога, и даже тех, которые существовали в руинах и были доступны для изучения еще несколько десятилетий тому назад, но, к сожалению, по воле невежд оказались снесенными или разрушенными.

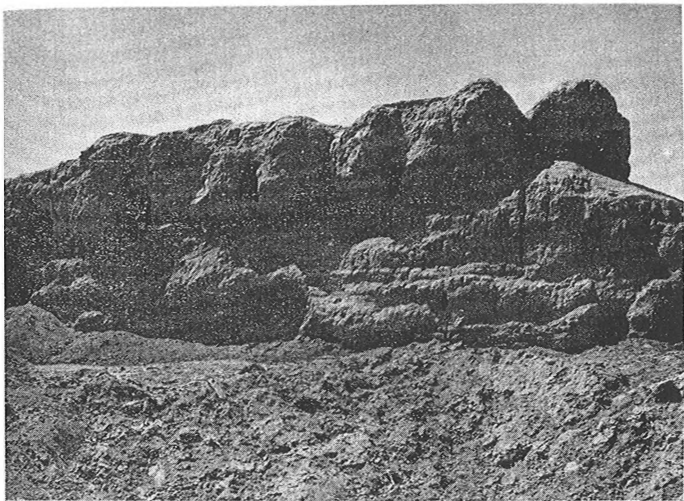
ПАМЯТНИКИ БУДДИЗМА. Буддизм, зародившийся в Индии в середине I тысячелетия до н. э., с III века до н. э. стал основным вероисповеданием на большей части Индийского полуострова, а к началу нашей эры начал интенсивно распространяться на северо-запад. Этому способствовали вхождение Индии в состав огромной империи Кушан, простиравшейся от Гиссарского хребта до долины Ганга, и проводившаяся кушанскими царями политика веротерпимости. Проникнув в Бактрию, буддизм постепенно закрепил здесь свои позиции, показателем чего служит создание буддийских монастырей и возведение разнообразных буддийских построек. Немало было сооружено их и в Термезе. И хотя руины их в большинстве

своим погребены в земле, археологические исследования выявили здесь уже ряд буддийских памятников эпохи Великих Кушан.

Кара-тепе, «Черный холм», — так именуется естественное всхолмление сцементированных песчаников, расположенное неподалеку от цитадели-калы Старого Термеза. В первых веках н. э. Кара-тепе был использован колонией буддистов для основания буддийского монастыря, помещения и целые блоки которого они частично высекли в скале, частично возвели на ее склонах и на вершине. Археологические раскопки на Кара-тепе, начатые еще в 1930-х годах и возобновленные в последние десятилетия, выявили пока лишь часть его сложной планировочной композиции.

Вскрытые вдоль юго-восточного склона участки показывают, что монастырь формировался (в основном во II в.) в виде самостоятельных блоков, иногда взаимосвязанных проходами и соединенных с верхними строениями посредством лестничных шахт. Стандартной схемы в планировке этих отделов нет, но вместе с тем заметен некий общий принцип. В каждом из них имеется замкнутый дворик; он окружен возвышением-суфой; найденные на этих суфах каменные базы или следы от баз свидетельствуют об устройстве здесь обводных террас с деревянными колоннами — они обеспечивали тень в солнечное время дня. В нишах на стенах террас располагались статуи будд и бодисатв. К дворику примыкал пещерный отдел — обычно он включает высеченный в скале сводчатый коридор, обходящий массив породы по квадрату и дающий доступ к пещерным кельям. Со двора можно пройти и к полуназемным помещениям — кельям монахов, хозяйственным комнаткам, а также к святилищу. Одно из таких святилищ представляет собой квадратное помещение, окруженное коридором с трех сторон; в оформлении его были использованы блоки мергелистого известняка, а также окраска в красный цвет.

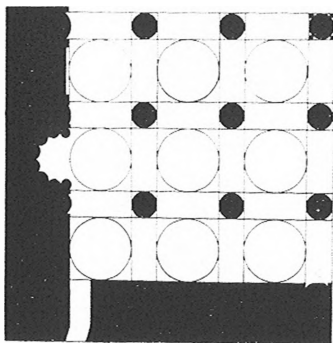
Планировка исследованных участков каратепинского монастыря отвечает нормам замкнутого монашеского быта, предписанного уставом. Вместе с тем по самому своему местоположению он был доступен и для буддистов Термеза и для прибывших из-за Амударьи буддийских паломников и купцов, которые сразу же от пристани могли направиться в общежитие, располагавшееся, видимо, на самой вершине холма.

4. Кешк. VI—VII вв. Западная стена

В художественное оформление монастыря входили красные и белые штукатурки, орнаментальные росписи, сюжетная живопись, скульптура. Все это дошло лишь в незначительных фрагментах. Среди орнаментальных мотивов (исполненных по белому грунту красной краской в сочетании с черной либо с зеленой) — треугольники, квадраты, шестиконечные звезды, круги, которые получают широкое развитие в средневековом архитектурном декоре Средней Азии.

В росписях монастыря имелись и сюжетные изображения. Остатки многофигурной сцены обнаружены в нижней части одной из стен: по́лы длинных женских платьев и мужские ноги в мягкой «кушанской» обуви. Вероятно, это была группа знатных буддистов-дароносцев. Другие композиции включали образ Будды в сияющем нимбе, выполненный в традиционном

5. Чор-Сутун. IX—X вв. План

изобразительном каноне, и монахов, стоявших на фоне деревьев с плодами. Найден также фрагмент росписи, где сохранился очень выразительный профиль отшельника-архата, видимо, обращенного к Будде. Каратепинские росписи выполнены в сочной красочной гамме и следуют высоким традициям кушано-буддийской живописи.

Среди других находок на Кара-тепе — рука глиняной статуи, малые фрагменты каменных изваяний, капитель с человеческой фигуркой среди листов аканта, голову хищника в центре вверху и двумя бычками-зебу по краям. (Эти и другие материалы из раскопок Кара-тепе хранятся в Государственном музее искусств народов Востока в Москве.)

Полное вскрытие Кара-тепе потребует еще многих лет. Но и уже выявленные участки дают представление о типе крупного скального буддийского монастыря-вихара, созданного в кушанской Бактрии. В нем запечатлен процесс проникновения из северо-западной Индии приемов буддийского строительства и их трансформации в духе тех местных архитектурных традиций, которые сложились в бактрийском зодчестве предшествующих веков.

Другой буддийский монастырь, поименованный археологами Фаяз-тепе, располагался к северо-западу от городской стены кушанского Термеза. Эта наземная постройка была воз-

ведена в I—II веках и спешно покинута и разрушена в III веке, в V столетии, уже в оплыве, использована для эфталитских захоронений. Памятник принадлежит эпохе Великих Кушан и является прекрасным воплощением зрелого стиля кушано-бактрийского зодчества, скульптуры и живописи. (Раскопки на Фаяз-тепе еще не завершены.)

Создавая буддийский культовый комплекс, зодчие возвели здесь монастырь того архитектурного типа, который именуется сангарамой, ступу для хранения священных реликвий, различные хозяйственные и подсобные сооружения, обеспечивающие всем необходимым монашескую общину.

Монастырь имеет почти квадратный план с внутренним двориком, который с двух сторон был обведен террасой с деревянными колоннами и охвачен по периметру большими и малыми помещениями. В состав последних входят святилища, кельи, зал для трапез и собраний общины. Стены всех построек были сложены из сырца и пахсы, перекрытия были балочные, а при небольших пролетах — сводчатые.

К востоку от сангарамы высится ступа. Она имеет цилиндрическое основание с плинтом и карнизом «аттической» профилировки, на котором покоится основной колоколообразный массив. Вса ступа сложена сплошь из сырца, поверхность ее оштукатурена белоснежным ганчем, наверху массива сохранилось квадратное основание реликвария — «хармика» и круглое гнездо для установки шеста с «зонтиками почета». В III веке, перед тем как монастырь был покинут, почитатели-буддисты, дабы сохранить ступу, замуровали ее в кожух из сырцового кирпича.

Сангарама Фаяз-тепе имела богатое художественное убранство. Внутри монастыря находились какие-то небольшие каменные ступы — найдены фрагменты их пластического оформления с фигурками нагих мальчуганов, несущих тяжелые гирлянды с густой листвой и свисающими плодами. В нишах галереи и в святилище располагались гипсовые, с внутренним глиняным заполнением статуи. Обнаружен также белокаменный блок с великолепным изваянием: Будда, сидящий под священным деревом, и по обе стороны от него — два монаха с молитвенно сложенными руками.

Фаяз-тепе украшала живопись. Среди ее многочисленных фрагментов — лик Будды в нимбе и изображения почитателей-

буддистов. Гамма красок ее богата, рисунок уверен, росписи нанесены сильной кистью. В одной из многофигурных композиций сохранились нижние части мужских фигур в широкополых кушанских кафтанах из богато орнаментированных тканей и в мягких сапогах. В другом сюжете особенно выразительны волевые профили мужчин, напоминающие римлян эпохи Августа. И наряду с этими образами в монастырских росписях встречаются совсем иные, такие, например, как головка женщины с полным лицом и тяжелыми фигурными серьгами, взывающая, скорее, к индийскому идеалу. При всем том прямых изобразительных аналогов лица термезских донаторов и донатрисс не имеют. В них отражены юго-восточные и западные художественные связи, но выполнены они прежде всего в нормах местного кушано-бактрийского искусства.

Еще один буддийский памятник — так называемая Башня Зурмала (илл. 1) — высится к северо-востоку от крепостных стен кушанского Термеза. Некогда здесь, в загородной зоне, располагался, видимо, целый комплекс буддийских построек, но уже в средневековые эта территория была занята полями. Лишь главное строение — огромная ступа, лишенная своих облицовок, пережила века. Ныне это почти бесформенный массив, однако раскопки показали, что здание имело прямоугольный пьедестал, на котором был воздвигнут цилиндрический башнеподобный монолит с куполообразным венчанием. Вся кладка выполнена из сырцового кирпича, но пьедестал был некогда облицован белокаменными плитами, а основное тело ступы — жженым кирпичом, окрашенным с лицевой стороны в ярко-красный цвет. Диаметр ступы равен 14,5 метрам, общая высота достигала когда-то метров шестнадцати, ее еще увеличивал шест с «зонтиками почета». Возведение Зурмалы восходит к эпохе Великих Кушан, а ее масштабы (намного превосходящие ступу Фаяз-тепе) говорят об особом значении этого сооружения в буддийском строительстве Термеза.

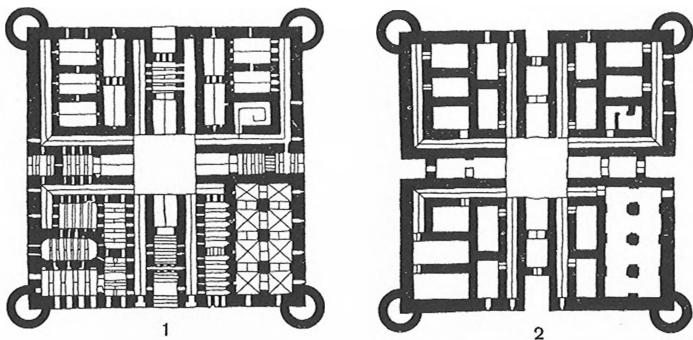
КЕШК, МЕЧЕТЬ И МИНАРЕТ. На самой окраине средневекового рабада, близ его северной стены, находилась группа строений, часть которых давно уже разобрана ради жженого кирпича. Тем не менее старинные фотографии и раскопки руин, осуществленные в 1938 году археологами, позволяют составить суждение об этих постройках, имеющих большой историко-архитектурный интерес.

6. Кырк-кыз. IX—X вв. Вид со стороны двора

Установлено, что эти здания подстилаются древним культурным слоем: в кушанское время вся территория здесь была заселена, в III—IV веках запустела, новое ее освоение приходится уже на время раннего средневековья. В VI—VII веках на этом участке был сооружен феодальный замок-кешк (в народе его руину именуют Кургон) — небольшой по размерам, но монументальный в своих архитектурных формах (илл. 4).

Нижняя часть кешка состояла из монолитной возвышенной платформы (около 25×25 м) глинобитной кладки, со скошенными внешними гранями. На ней располагался основной этаж: на главной оси находился центральный коридор, по обе его стороны — по пять продолговатых комнат. И коридор и комнаты

7. Кырк-кыз. План первого и второго этажей

перекрывались сводами повышенно-коробового очертания; в щипцовых стенах были устроены щелевидные оконца. Материалом для стен и сводов служил сырец. Вполне вероятно, что выше имелся еще один этаж помещений — также сырцовый или же облегченной глинокаркасной конструкции, но, может быть, и нет; просто была плоская кровля, использовавшаяся жителями в теплое время года. Оформление фасадов кешка составляли гофры — сомкнутые полуколонны, вздымавшиеся в монотонном ритме над гладью платформы.

Термезский Кургон — это типичный для среднеазиатской архитектуры замок-кешк. Подобные «гофрированные» кешки рассеяны на территории Хорезма и в оазисе Мерва, но планировочная композиция их в разных областях варьируется. Коридорная система термезского Кургона представляет, по-видимому, какой-то локально тохаристанский архитектурный тип.

Капитальные конструкции предопределили многовековое функционирование этого кешка. В эпоху ислама он использовался как подсобное строение при сложившемся рядом комплексе мусульманских культовых зданий, быть может, являлся общежитием для паломников или же ханакой — обителью странствующих дервишей.

К юго-западу от кешка расположены постройки иного рода: мечеть Чор-Сутун и минарет. Чор-Сутун в переводе означает «Сорок колонн», но это чисто нарицательное название, так как в действительности мечеть имела всего девять колонн (илл. 5). Она была невелика: около 10 × 10 метров по внутреннему контуру. Пространство ее перекрывали девять куполов, основанных на арках, покоящихся на колоннах (или, точнее, на столбах) и на стенах. Столбы — массивные, метрового диаметра, сложены из жженого кирпича на ганчевом растворе.

План мечети необычен: у нее лишь две стены, а с двух других сторон она открыта. Первоначальный пол был глинобитным, а стены сырцовыми; после ремонта в XI веке появились кирпичный пол и облицовка стен и михраба жженым кирпичом. Михраб, расположенный в центре юго-западной стены, имеет вид глубокой подковообразной ниши, оформленной гофрами.

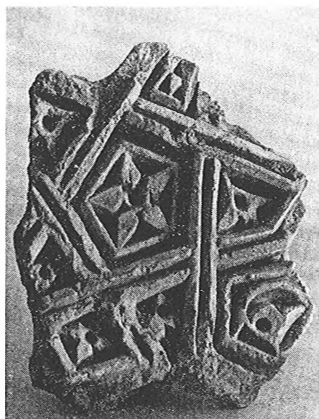
К северу от михрабной стены мечети высился минарет. Уже к прошлому столетию он сохранился лишь частично, притом с выщербленной внизу кладкой. Сложен минарет был из жженого кирпича-маломерка, имел многогранное основание и цилиндрический ствол, гладкая кладка которого перебивалась двумя эпиграфическими поясами. В надписях, выполненных по-арабски письменах куфи, из тесаного кирпича содержалась дата постройки мечети: 423 год хиджры, то есть 1032 год.

Термезский минарет — один из древнейших в Средней Азии, важное звено в эволюции этих характерных башенных сооружений средневекового зодчества. Форма его проста, декор сдержан — пройдут десятилетия, пока на минаретах Мавераннахра и Хорасана появятся сложные орнаментальные членения и богатые узорные выкладки из фигурно отесанного кирпича.

В отношении датировки мечети Чор-Сутун существуют разные точки зрения. Одни относят ее к IX—X векам, другие считают современной минарету. Истина посередине. Судя по характеру архитектурных форм, конструкций и планировки (сближающих термезскую мечеть с мечетями IX в. Ну-Гумбед в Балхе и Тари-Хана в Дамгане), возведение Чор-Сутуна восходит, по крайней мере, к эпохе Саманидов (IX—X вв.). Тогда же, очевидно, около нее стоял какой-то сырцовый минарет. Но в

8. Украшение стен из Дворца правителей Термеза. Резьба по ганчу. XII в. Термез, музей

9. Украшение стен из Дворца правителей Термеза. Резьба по ганчу. XII в. Термез, музей

первой трети XI века, при Газневидах, был возведен минарет из жженого кирпича, а мечеть подверглась упомянутой выше реставрации.

Мечеть сохранила следы неоднократных ремонтов, функционировала же она (с перерывом в период разгрома Термеза монголами) вплоть до XV—XVI веков. Такое внимание к постройке, расположенной среди руин покинутого города, со стороны верующих может быть объяснено древностью мечети: пронесшиеся века как бы освящали ее в глазах мусульман.

Исследователи ставят в тупик необычность планировки мечети: почему она была открытой с двух сторон? Думается, что Чор-Сутун — это не что иное, как упоминавшаяся арабским географом ал-Мукаддаси в середине X века мечеть-намазга Термеза, располагавшаяся в рабаде города. Это предположение подтверждают и расположение Чор-Сутуна на самой окраине средневекового рабада и архитектурные аналогии, сближающие памятник с другими мечетями IX—X веков. Сред-

10. Потолочная роспись из Дворца правителей Термеза.
XII в. Термез, музей

невековые мечети-намазга обычно представляли собой небольшое полуоткрытое сооружение с михрабом, обращенное в обширный двор, где собиралось на моление два раза в год мужское население города и округи. Михрабный отдел намазги, откуда главный имам возглашал молитву, ориентировал взоры толпы, располагавшейся под открытым небом, на кыблу (то есть в сторону Мекки). В эпоху раннего средневековья архитектура мечетей намазга (или мусалля) еще не имела канонизированной архитектурной типологии.

В архитектуре термезской намазги Чор-Сутун запечатлены как общие для ранних мусульманских зданий Среднего Востока формы и черты, так и чисто локальные: таково, в частности, украшение ниши михраба гофрами, как бы зеркально-обратно повторяющее в малом масштабе прием оформления фасадов расположенного рядом феодального кешка.

КЫРК-КЫЗ И ДВОРЕЦ ТЕРМЕЗСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ. Здание

К ы р к - к ы з, что значит «Сорок дев», народная молва

11. Крылатые львы. Резьба по ганчу. XII в. Дворец правителей Термеза

связывает с широко распространенным в Средней Азии сказанием о девушках-амазонках, проживавших в укрепленном замке.

По поводу назначения этого здания исследователями выдвигались разные гипотезы — замок, странноприимный дом девиц — ханака, караван-сарай. В последние годы на основе сопоставления письменных источников, исторической топографии самого памятника и его архитектурно-композиционных особенностей он получает совсем иное историческое определение.

Кырк-кыз (илл. 6) расположен вне укреплений раннесредневекового Термеза, на загородных землях, в местности, еще в прошлом веке именовавшейся Шахри-Саман, в названии

12. «Див». Резьба по ганчу. XII в. Дворец правителей Термеза

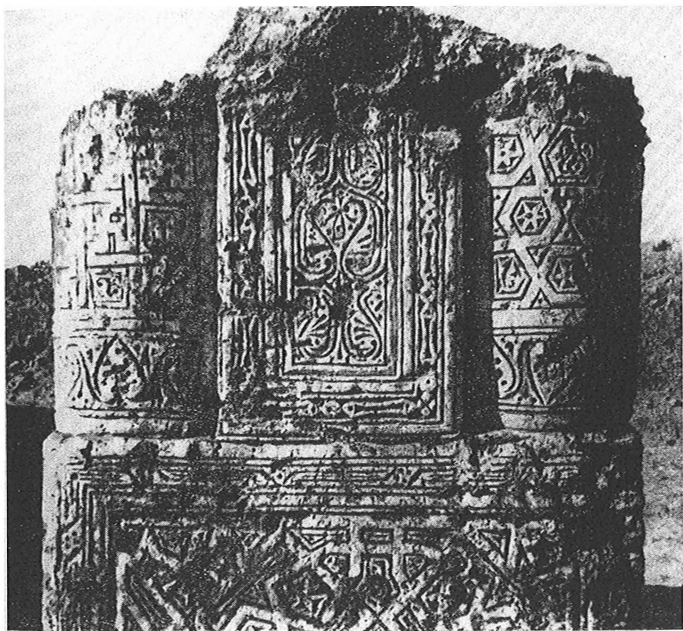
которой не случайно запечатлена связь с династией Саманидов. По всем данным им-то и принадлежала огромная дворцовая загородная усадьба, каковой является Кырк-кыз. По-видимому, это была летняя резиденция царствующего рода (столица Саманидов находилась в Бухаре), выполненная в монументальных архитектурных формах.

Здание имеет строго центрическую композицию (илл. 7). Оно квадратное в плане (54×54 м.), крестообразно рассечено по осям сводчатыми коридорами, которые ведут в центральный квадратный дворик ($11,5 \times 11,5$ м.). Высказывавшееся в литературе предположение о том, что здесь был расположен крытый куполом зал, раскопками не подтвердилось: то был именно дворик с глубокими сводчатыми айванами на осях, дававший доступ к многочисленным помещениям. Они располагались в два этажа в четырех секторах здания, охваченных узкими сводчатыми кулуарами. Общее число помещений Кырк-кыза достигало полусотни — здесь были прямоугольные комнаты, коридоры, а также обширный трехстолпный зал — вероятно, гостиная-михманхана. Углы здания фланкированы полыми круглыми башнями.

Материалом постройки служит сырцовый кирпич, стены оштукатурены глиной — во всем царит желтоватый цвет среднеазиатского лёсса.

Фасады Кырк-кыза почти однозначны: гладь стен, ритмически перебитая вертикальными щелями световых проемов, массивные башни на углах и глубокий айван со стрельчатым сводом в центре. Щипцовые стены этих айванов имеют более детализированную архитектурную разработку: здесь над обширной входной аркой размещены в два ряда особые фигурные нишки, выложенные ступенчатым напуском кирпичей.

В интерьерах Кырк-кыза поражает разнообразие сводчатых систем, выведенных из сырцового кирпича. Здесь используются своды коробовые, крестовые, балхи; арки треугольные, овальные, стрельчатые, уступчатые со скруглением у пят; купола «ложной» и нормальной кольцевой кладки. Некоторые из этих конструкций в последующие времена исчезнут, другие закрепятся на века и будут использованы в строительстве из жженого кирпича. Кырк-кыз — это своего рода музей строительно-технических поисков и конструктивных экспериментов раннесредневековых зодчих Средней Азии.

13. Орнаментальная резьба по ганчу. XII в. Дворец правителей Термеза

Оформление интерьеров небогато деталями. Ведущую роль в них играет архитектурный ритм оконных проемов и нишек, оформленных в виде разнообразных фигурных арок.

Для Кырк-кыза характерно сочетание старых доисламских традиций и новых исканий, вызванных запросами иной эпохи. Замкнутость композиции, аскетическая гладь оштукатуренных глиной стен напоминают раннефеодальные замки-кешки. Но оборонное назначение здесь сведено до минимума — с ним не

согласуются четыре открытых входа, многочисленные окна в разных уровнях, не фортификационное, а хозяйственно-бытовое использование башен. Кырк-кыз — это крупная феодальная усадьба дворцового типа, принадлежавшая правящей династии, где летом, после духоты густо заселенного термезского кухендиза и шахристана, так легко дышалось среди тенистых садов и журчащих арыков.

Совсем по-иному выглядел загородный дворец термезских правителей, возведенный в XI веке и украшенный новым орнаментальным декором в XII веке (но не позднее 1129/30 г.), в правление газнийского султана Абул-Музаффар Бахрамшаха.

Обширный дворцовый участок охватывала высокая стена. Вход был выделен монументальным порталом и вел в прямоугольный двор, окруженный строениями, с большим квадратным бассейном посередине. Напротив главного входа, на одной с ним оси, располагался аудиенц-зал, обращенный во двор арочным портиком-айваном. Айван был пятипролетным, со стрельчатыми арками, опирающимися на стены и на массивные устои, средняя арка была шире и, вероятно, выше остальных.

Сам аудиенц-зал состоял из среднего возвышенного нефа и обводящей его с трех сторон двухъярусной сводчатой галереи. Лицевая сторона оставалась открытой — если ее и прикрывали, то лишь драгоценными занавесами. Видимо, в глубине центрального нефа находился трон правителя. Не его ли инкрустировали те стеклянные медальоны с изображениями птиц, всадников, розеток, символов, которые здесь были найдены при раскопках?

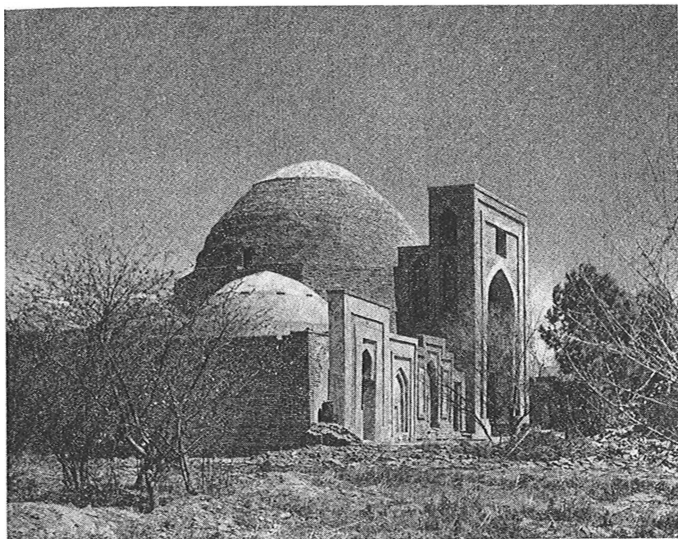
Строительный материал дворца — в основном сырец, хотя местами (например, в отмытке полов) использован и жженный кирпич. Архитектурный декор XI века прост и сдержан. Он исчерпывался фигурными кирпичными кладками с рельефными узорами, образованными перевязкой кирпичей, выкладкой их на геометрической сетке, резными узорами вставками. В XII веке все поверхности аудиенц-зала — от панелей и до замков сводов — были покрыты слоем ганча, по которому была нанесена богатейшая глубокая трехслойная резьба. Она как бы облекала их сплошным ковром, однако архитектурная ясность при этом не была утрачена благодаря четкости разбивки, выделяющей панель, колонки, стены, пяты, софиты и обрамления сводов. В резьбе преобладают геометрические орнаменты — гирихи. Они предстают здесь в поразительном разнообразии построений, замысловатых, как ребусы, не повторяющихся ни в одном из панно. Внутренним заполнением рельефно выделенных геометрических фигур служат стилизованные растительные элементы — завитки, побеги, розетки. В широкие полосы иногда введены надписи. На стенах, в обрамленных арках полах, предстают фантастические образы — пары львоподобных крылатых хищников во встречной позиции или вставших на задние лапы, с единой, сросшейся от шеи человекообразной личиной. Эти разнообразные «дивы» предстают как хранители дворца, устрашающие существа, образы которых полны символики, связанной с верой в присущую им сверхъестественную силу.

Помимо резного штука зал украшали ганчевые решетки, заполненные цветным стеклом и вставлявшиеся наподобие люнетов в криволинейные поверхности сводов. Стены айвана были оформлены также росписями: растительные орнаменты и надписи, выполненные в бело-синей гамме с черными контурами рисунка и красными деталями узор.

В сравнении с Кырк-кызом термезский дворец Бахрамшаха представляет совершенно новое звено в эволюции гражданских сооружений, происшедшей на протяжении полутора-двух веков: это как бы качественный скачок от компактной к развернутой композиции плана, от замкнутой михманханы — к открытому аудиенц-залу, от простоты ничем не декорированных архитектурных форм — к безудержной роскоши декоративных покрытий и богатству узоробразующих орнаментальных мотивов и систем.

АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС ХАКИМИ ТЕРМИЗИ. Уже к IX столетию ислам закрепился повсеместно на территории Средней Азии как общегосударственная религия. Однако с этого же времени и далее, на протяжении веков, наряду с официальным толком мусульманства, поддерживавшимся авторитетом халифата, здесь существовали и развивались различные мистические направления как своеобразная оппозиция ортодоксальной догматике ислама. Проводниками их были подвижники — суфии, создатели различных суфийских сект и дервишских орденов. Одни призывали к отшельничеству и уходу от суетной житейской борьбы, другие — к философическим размышлениям как средству постижения божества, третьи — к мистическим радениям как форме духовного слияния с божественным началом, разлитым во всей природе. Влияние и авторитет видных суфиев среди широких масс были огромны, и потому в X—XII веках их поддержки искали в своей политической игре правители, завоеватели и знать. Причем нередко это был уже авторитет лишь освященных временем могил.

Архитектурный комплекс Хакими Термизи (илл. 15), расположенный на городище Старого Термеза, неподалеку от Калы, слагался на протяжении веков у одной из таких могил. Здесь был захоронен видный термезский подвижник — суфий IX века, основатель суфийского ордена «хакими» Абу-Абдаллах-Мухаммед бини-Али бини-Хусейн ал-Хакими Термизи. В народе его еще недавно именовали Термез-ата — «Отец Термеза» и чтили как духовного покровителя города; прозвище же Хакими Термизи, вошедшее уже в средневековую восточную литературу и запечатленное в надписи, сделанной на его мраморном намогильнике, означает «термезский мудрец». Он таковым и был.

15. Комплекс Хакими Термизи. XI—XV вв. Общий вид

Биографические сведения об Абу-Абдаллах-Мухаммеде Хакими Термизи очень скудны. По преданию, он происходил из бедной семьи, десятилетним мальчиком, собирая в степи топливо, получил откровение и знания от явившегося ему чудесного старца, с годами приобрел все возрастающую славу, но обитал по-прежнему в бедной хижине своих родителей. Уже в преклонных годах он был обезглавлен вторгшимися в город врагами. Год рождения Хакими Термизи неизвестен, исторические источники дают две даты его кончины — 255 год хиджры, или 869 год, и 285 год хиджры, или 898 год, — из них последняя более вероятна. По-видимому, какие-то штрихи биографии Хакими Термизи запечатлены в одном из его

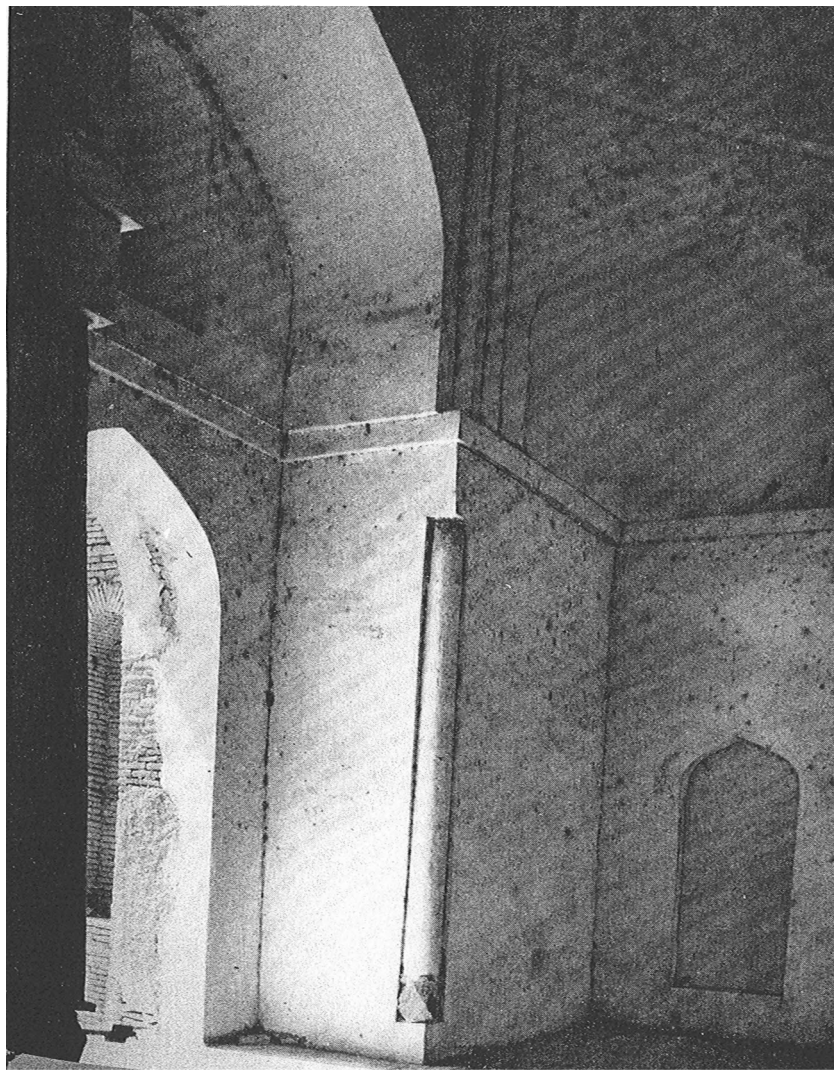
изречений: «Я не сочинил ни одной буквы по [заранее принятому] намерению, но когда для меня наступало бедственное, predetermined [судьбою] время, я находил утешение в своих сочинениях». Видимо, «бедственное время» не раз наступало термезского мудреца, написавшего до тридцати разнообразных и богатых по своему содержанию сочинений мистико-философского характера, в числе которых — первый историко-биографический труд о суфизме и суфиях.

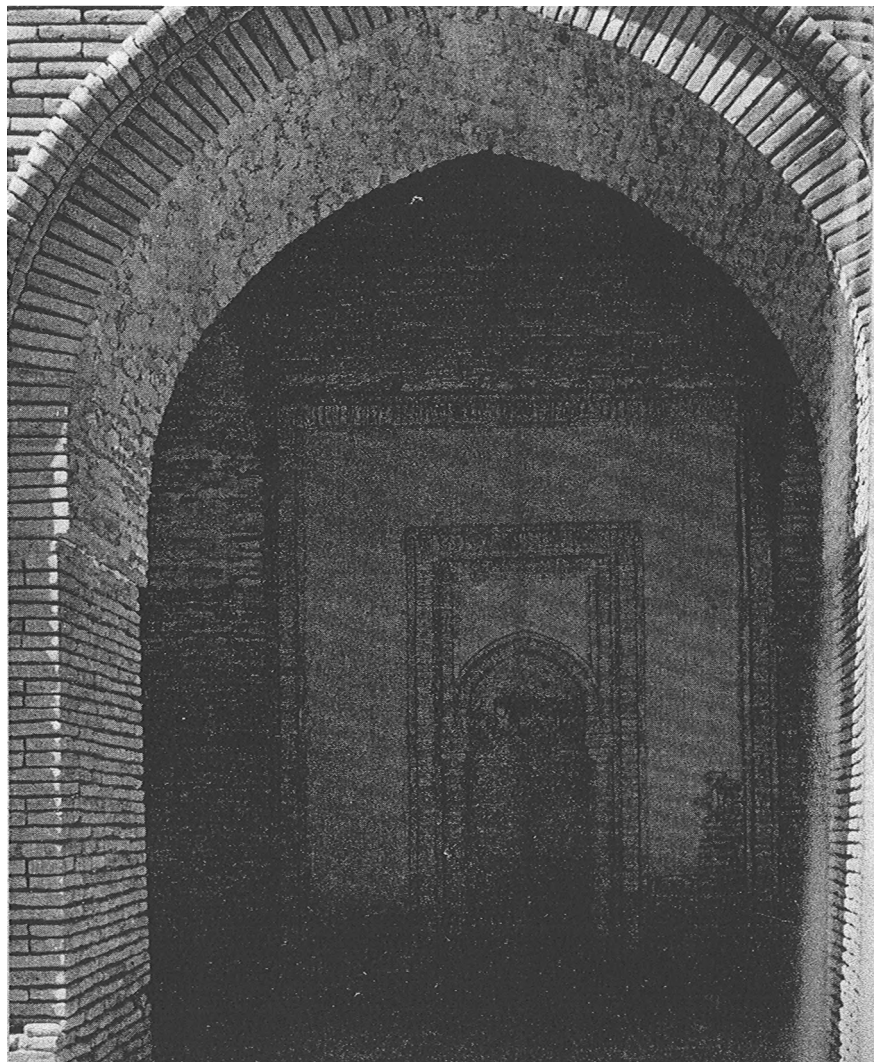
Остатки каких-то строений из сырца и из мелкоформатного раннесредневекового кирпича, обнаруженные при раскопках архитектурного комплекса под полами, позволяют предположить, что Хаками Термизи проживал здесь же, в небольшой обители — ханаке, служившей местом его общения с учениками-мюридами и собеседований с посетителями, а также приютом для странствующих суфиев. По обычаю, при ханаке же он и был захоронен.

Со временем над погребением шейха был возведен небольшой мавзолей. Он представляет собой квадратное в плане центрическое сооружение — чартак, с куполом, основаным на четырех просторных арках и простейших консольно-ячеистых угловых парусах. Четыре арки конструктивно сосредоточивали усилия в массивах углов; три из них были забраны кирпичной кладкой, четвертая, северная, оставлена открытой. Вход в него расположен с юга.

В интерьере усыпальницы Хаками Термизи под многочисленными штукатурками при расчистке был обнаружен частично сохранившийся богатый резной шук. В надписи, включенной в орнаментику, содержатся титулы и имя правителя Абул-Музаффар Ахмеда Тига-Тигина, по распоряжению которого и был выполнен архитектурный декор. Его личность отождествляется с караханидом Ахмед-Хызром, правителем Мавераннахра с 1081 по 1095 год; этот интервал определяет и датировку декоративного оформления.

Резной шук сплошную покрывает стены, арки и купол мавзолея. Глубокая, сочная резьба выполнена в двух планах. На стенах ее мотивом служат входящие друг в друга трилистники — картуши (илл. 21); архивольты арок и стены на уровне пят единой лентой обегает надпись, начертанная гибкими буквами

арабского письма несхи; под куполом проходит широкий пояс надписи геометризованного куфи; купол разбит крупными и малыми орнаментальными кругами, причем в большие круги еще вписан сложный геометрический узор — гирих. Фоновое заполнение всех главных элементов архитектурной и орнаментальной разбивки составляют стилизованно-растительные узоры — то в форме причудливых сплетений и завитков, то в виде спиралек и запятых.

Смежно с мавзолеем, с северной стороны расположена небольшая поминальная мечеть. Отсюда через открытую арку была видна могила Хакима Термизи (илл. 22); но вместе с тем она была и недоступна, так как разница уровней полов мавзолея и мечети достигала полутора метров. Мечеть имела вид трехкупольной галереи или как бы айвана, обращенного тремя открытыми арками в небольшой огороженный дворик (илл. 18), вымощенный «в елку» кирпичом, поставленным на ребро. В центре западной стены мечети, продолжающей стену мавзолея, находился михраб (илл. 17). Сохранилась лишь его нижняя часть с угловыми колонками и огибавшей нишу надписью. Михраб был облицован жженым кирпичом, уложенным парами; из кирпичей выложены и буквы куфического письма.

На устоях и стенах айвана при расчистке поздних штукатурок были обнаружены остатки резного штука несколько иного характера, чем в мавзолее. В орнаментации панели здесь преобладают сложные звездчатые гирихи, над панелью — вереница переплетающихся арочек, тимпаны которых украшают стилизованно-растительные узоры, на плоскостях стен — резанные по ганчу имитации узорных кирпичных кладок. Декоративные мотивы и техника их выполнения чрезвычайно близки к оформлению дворца термезских правителей первой половины XII века. Этим временем и определяется декор поминальной мечети у мавзолея Хакими Термизи.

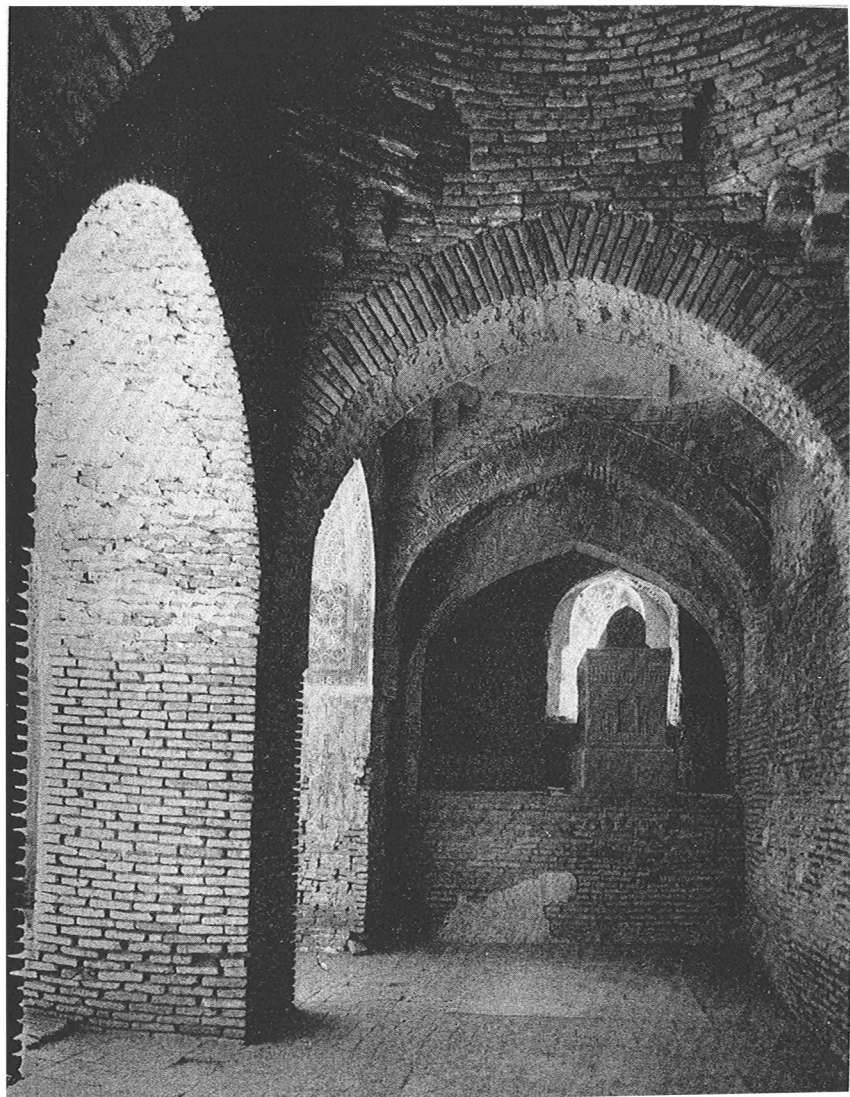
Последующее расширение ансамбля приходится уже на конец XIII века, когда Термез оправился от последствий монгольского погрома, а культ Хакими Термизи как духовного покровителя города набирал свою силу. С восточной стороны усыпальницы возводится еще один небольшой квадратный

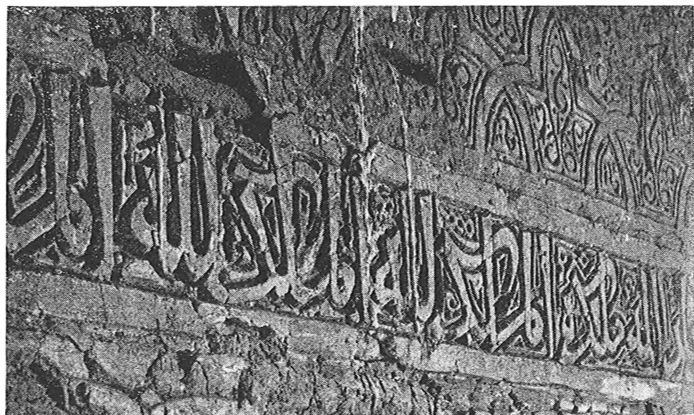
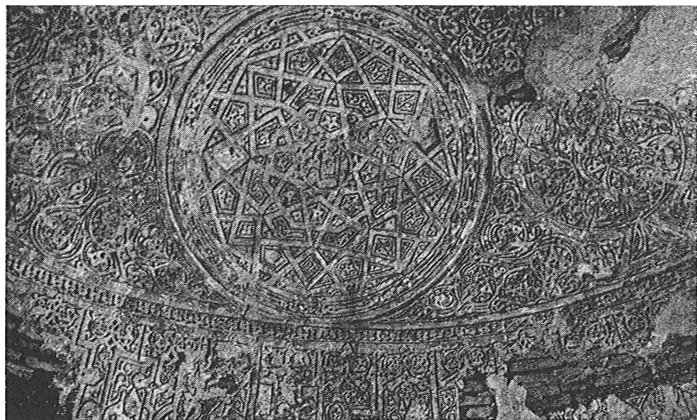
мавзолее с интерьером стройных пропорций; купол его покоится на трехлопастных парусах. Рядом появляются какие-то подсобные помещения, на стенках которых сохранились фрагменты надписей, выполненные крупными буквами вычурного лигатурного письма.

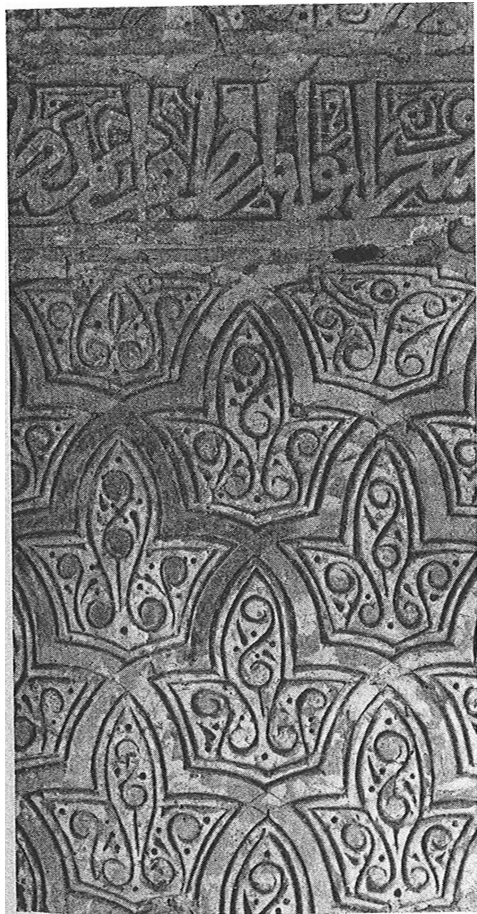
В начале XV века, в недолгий период правления внука Тимура Халил-Султана (1405—1409), в северо-восточной части ансамбля возводится монументальная ханака. Иная эпоха — иное архитектурное воплощение. Тимуридская ханака — это уже не скромное общежитие дервишей, но обширный и высокий зал для мистических радений. Он квадратный в плане, имеет глубокие арки на осях (илл. 16). Просторный купол основан на характерном для термезской архитектуры, хотя и несколько архаичном для данной эпохи, восьмигранике арок и угловых парусов, выложенных кирпичом «в елку». Северный и южный фасады ханаки выделены высокими сводчатыми порталами. Это здание, с простыми и сильными формами, просторно внутри и монументально снаружи. Декора нет, его, скорее всего, не успели нанести. После устранения от власти Халил-Султана его соперник Шахрух — большой ортодокс мусульманской религии, по-видимому, прекратил работы у могилы термезского суфия-вольнодумца.

Еще в ту пору, когда возводилась ханака, над могилой Хакими Термизи было поставлено великолепное надгробие-сагана, вытесанное из белого мрамора. Сагана состоит из пьедестала с лентой эпиграфического и растительного узора, основного прямоугольного блока, на котором развертываются надписи изысканного письма сульс под сталактитовым карнизом, и продолговатого, стрельчатой формы венчания. Особенно эффектно решено оформление торцевой стенки надгробия, обращенной к мечети (илл. 22). Она трактована как михраб с крупной сталактитовой нишей в центре и двумя меньшими нишками по сторонам, в которых изображены подвешенные на цепях светильники; все это дано в обрамлении геометрических узоров, бордюров и надписей.

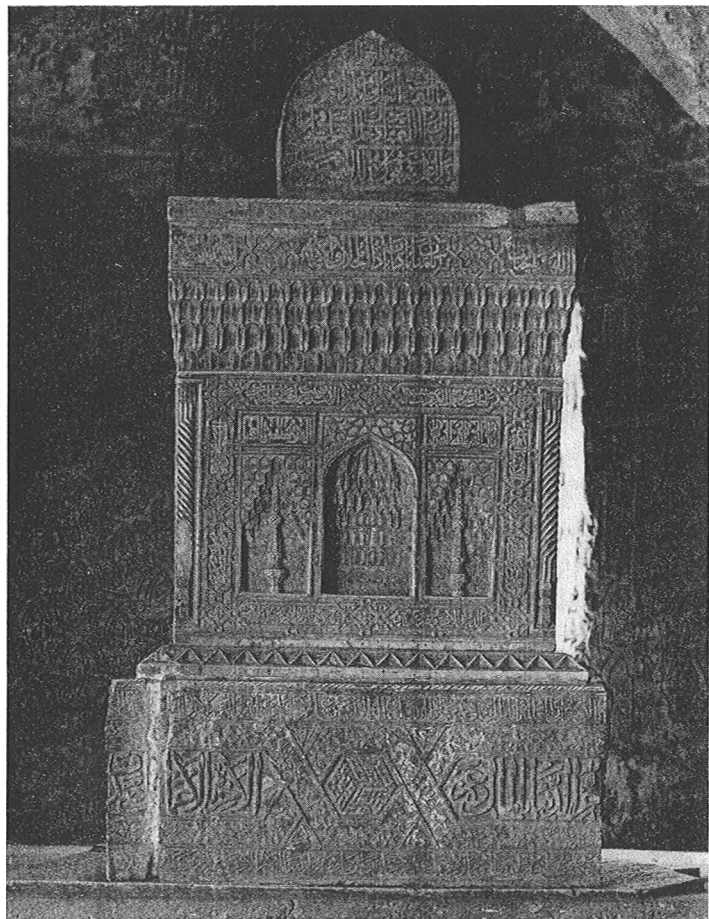
Надгробие Хакими Термизи — один из шедевров камнерезного и орнаментального искусства мастеров тимуридской эпохи.

19—21. Хакими
Термизи. Мавзолей.
Резной штукатур
XI—XII вв.

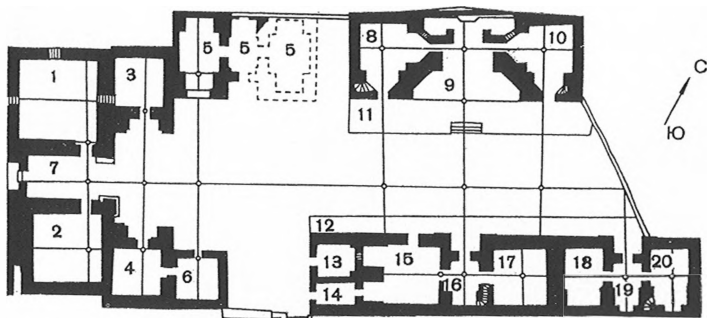
Позднейшие пристройки и перестройки лишь исказили ансамбль. Мечеть и дворик были преобразованы в четырех-столпное девятикупольное помещение. С южной стороны вдоль всего здания появилась небрежно выведенная арочно-купольная галерея, к portalу ханаки примкнул коридорообразный ход. Все эти добавления были устранены лишь во время капитальной реставрации ансамбля, проводившейся в 1955—1956 годы.

Комплекс сооружений у погребения Хаками Термизи представляет собой интересный пример органического соединения разновременных построек, создававшихся с учетом уже существующих зданий и помещений и потому оформившихся в целостный, компактный архитектурный организм.

СУЛТАН-САОДАТ. Крупный архитектурный ансамбль Султан-Саодат высится в том же районе, что и Кырккыз, на территории, где разросся послемонгольский Термез. Быть может, новый город был заложен здесь потому, что в этом месте находилась чтимая мусульманская святая.

Во второй половине IX века эти земельные угодья принадлежали влиятельной семье сейида Хасан ал-Эмира. Сейиды (то есть прямые потомки пророка Мухаммеда) всегда занимали высокое положение в мусульманской духовной иерархии. А Хасан ал-Эмир, находившийся в 865 году в должности начальника Балхской области и затем прибывший на жительство в Термез, оказывал в свое время большие услуги начавшему свое политическое восхождение роду Саманидов. Впоследствии, придя к власти, Саманиды проявляли к термезским сейидам знаки самого высокого уважения, и на протяжении X века роль, авторитет и богатство их чрезвычайно возросли. Положение несколько изменилось в XI веке, когда Термез перешел во владения династии Газневидов и потомки Хасан ал-Эмира как бы остались в тени. Но в XII веке они вновь обретают политическое могущество, которое сохраняют на протяжении веков.

Султан-Саодат — это группа разновременных фамильных усыпальниц термезских сейидов и культовых зданий, которые представляют собой оригинальный и целостный ансамбль (илл. 23—27).

23. Ансамбль Султан-Саодат. Генеральный план:

1, 2 — мавзолеи X—XI вв.; 3, 4 — мавзолеи XV в.; 5 — мавзолеи XV—XVI вв.; 6 — мавзолеем XVII в.; 7 — айван X—XI вв.; 8 — мавзолеем XVI—XVII вв.; 9 — айван XVI—XVII вв.; 10 — мавзолеем XVI—XVII вв.; 11, 12 — суфы XVI—XVII вв.; 13, 14 — мавзолеи XVII—XVIII вв.; 15, 17 — мавзолеи XVI в.; 16 — порталное помещение XVI в.; 18, 20 — мавзолеи XVI — XVII вв.; 19 — порталное помещение XVI—XVII вв.

Его первоначальное ядро составляет юго-западная часть. Она включает два мавзолея (оба густо заполнены древними могилами), которые соединяет глубокий свод (илл. 25). Исследователи предполагали, что все эти постройки разновременны, считая наиболее древним большим мавзолеем, датировку которого относили к XI веку, следующим по времени — вторым мавзолеем, а появление свода относили лишь к XV веку. Однако недавние археологические вскрытия полов и фундаментов показали, что все три элемента композиции одновременны, это подтверждают и полное единство их строительных материалов — однородного жженого кирпича, уложенного на глиняном растворе, — а также перевязка стен и фундаментных кладок.

Интерьеры обоих мавзолеев квадратные: площадь первого равна 10 × 10 метров и второго — 9 × 9 метров, но внешние габариты их несколько отличны. Объясняется это тем, что за торцевой стеной малого мавзолея встроена узкая кирпичная лестница. Однако разработка их главных фасадов идентична:

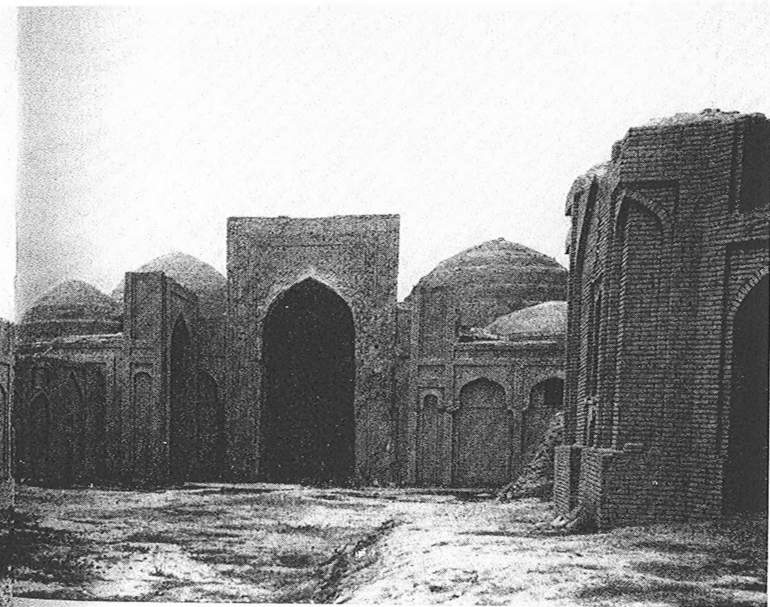
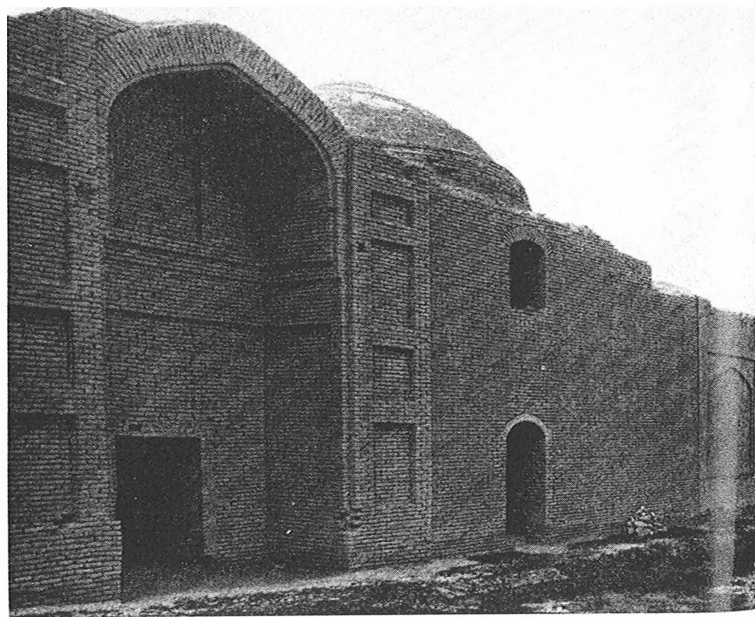
цоколь, над ним — три арочные ниши в П-образных обрамлениях, с арками, основанными на трехчетвертных колонках, и парапет сверху.

Портал центрального свода, объединяющего мавзолеи, возвышался над верхней линией их парапетов, за которыми вздымались уступчатые скуфьи стрельчатых куполов обеих усыпальниц. Глубокое пространство под сводом служило поминальной мечетью. При расчистке фундамента его торцовою стены было выяснено, что в ее центре была оставлена при строительстве ниша, в которую, возможно, был вставлен резной деревянный михраб.

В этих первоначальных сооружениях ансамбля — снаружи и в интерьерах — господствует теплая, розоватая фактура жженого кирпича. На главных фасадах внизу стен кирпич положен в разбежку швов, а выше — парами, с широкими вертикальными швами; в межарочных пролетах и на парапете использована кладка «в елку»; в архивольтах арок — чередование простых и резанных по торцу кирпичей; в тимпанах арок — чередование спаренных кирпичей и вертикальных полукирпичиков. В оформлении верха и основания трехчетвертных колонок введены пояски фигурных резных кирпичиков. Все остальные фасады имеют гладкую фактуру: в нижней трети кирпич уложен простой кладкой, выше — парами.

Интерьер первого мавзолея, где покоится сам Хасан ал-Эмир, оформлен параднее второго. Стены его над цоколем расчленены тремя арочными нишами, арки которых, как на фасаде, покоятся на трехчетвертных колонках. Выше следует восьмерик арочных ниш (на осях сторон) и арочных парусов (на диагоналях). Купол заострен к вершине; переход к нему от восьмерика смягчен арочками и небольшими трехступенчатыми парусами.

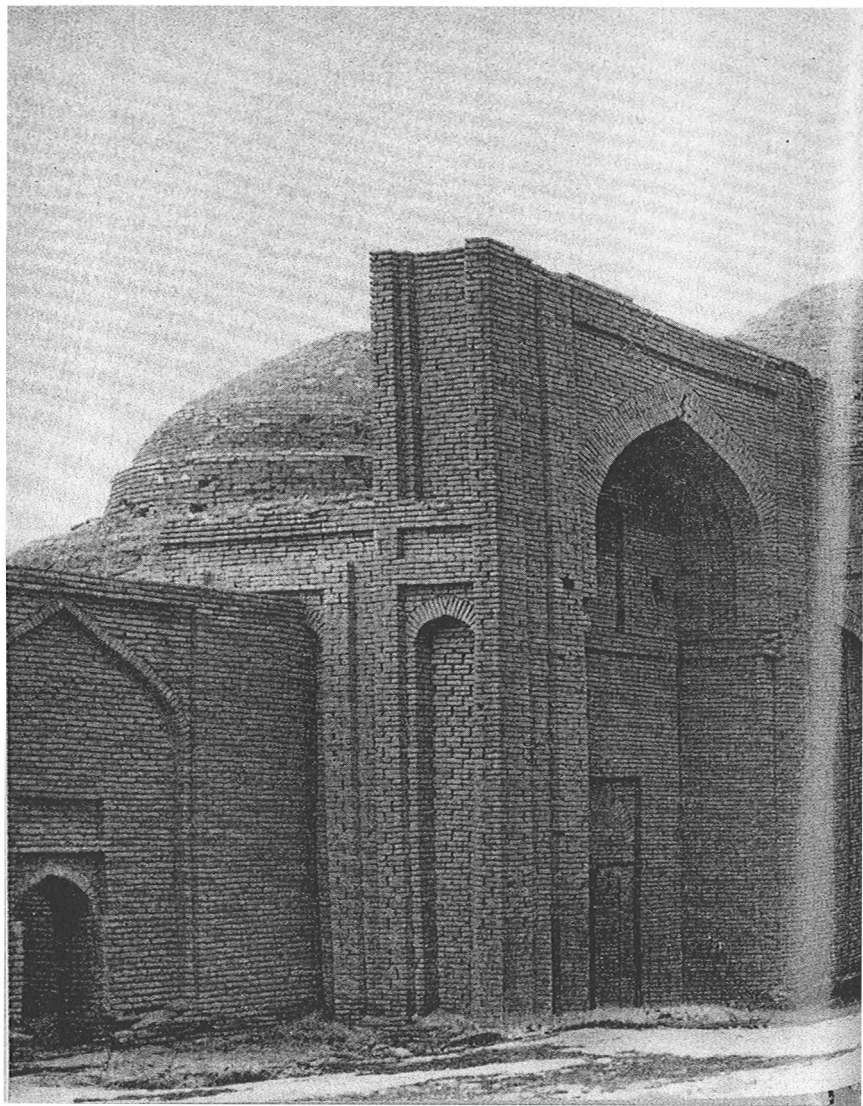
Все поверхности этого интерьера выполнены в кирпиче — стены в нижней трети выведены в перебежку швов, выше — парами кирпичей; колонки ниш тоже сложены из кирпичей, положенных парами, чередующихся с Х-образными резными кирпичиками, арки — чередованием простых и резных кирпичей, большие и малые паруса — «в елку», купол — кольцевыми рядами. Оформление интерьера второго мавзолея проще, стены его гладкие. Восьмигранник парусов, выведенных «в елку», такой же, как в первом мавзолее, но переход к куполу

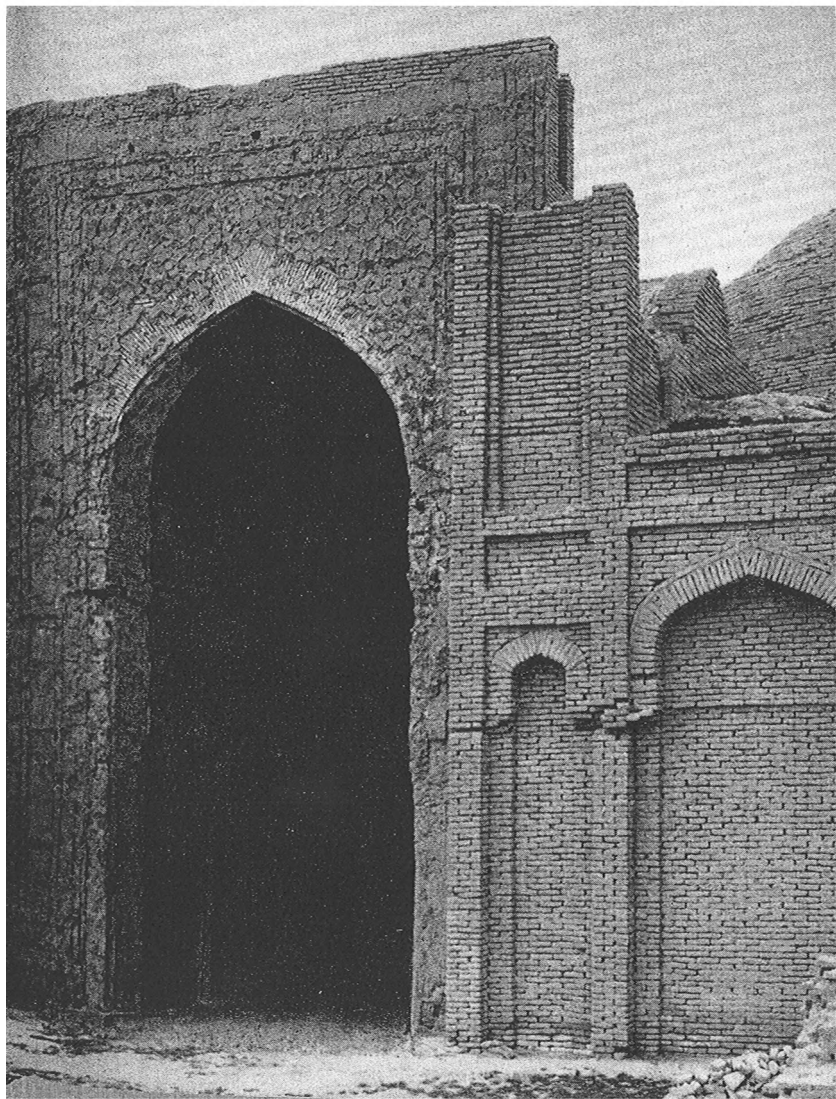

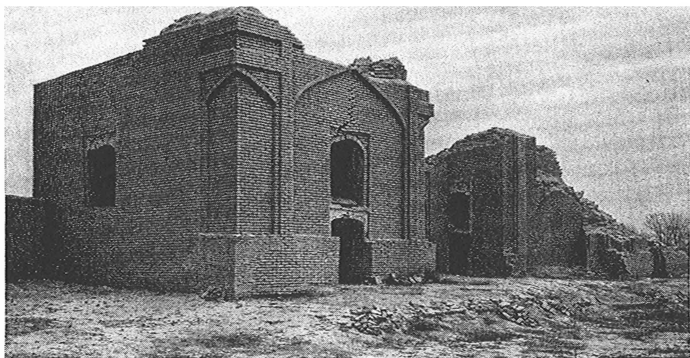
24. Ансамбль Султан-Саодат. Общий вид со стороны двора

осуществлен при помощи трехлопастных парусов. Первоначальное же оформление свода мечети неизвестно, так как он подвергался ремонтам и перекладывался. Таким образом, в своей исходной архитектурной композиции фамильная усыпальница термезских сейидов предстает как пара мавзолеев, взаимосвязанных открытым в сторону двора портално-сводчатым айваном. Эта композиция послужила типологической схемой для последующих сооружений ансамбля Султан-Саодат.

Портал мечети являлся не только парадным входом, откуда попадали в мавзолей (один из них имел проем и со стороны главного фасада), но как бы монументальным, издали зримым михрабом, ориентируя взоры мусульман на Мекку. Уже в XIV веке главный фасад портала подвергается существенным видоизменениям: часть ранних кладок обрубается и взамен наносятся новые облицовки из шлифованного кирпичика на белом ганчевом растворе со вставками резных кирпичиков,

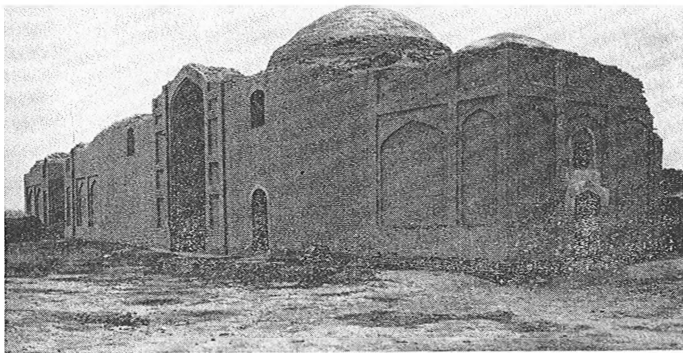

26. Султан-Саодат. Мавзолеи северной группы

покрытых голубой поливой. В начале XV века (видимо, при Халил-Султане) и это показалось недостаточным. Портал значительно наращивается по высоте, над сводом выводится сквозная аркатура — ревак, поверх декора XIV века наносятся на толстом ганчевом намете яркие облицовки из многоцветных шестигранных майоликовых плиток (на синем фоне стилизованно-растительные мотивы).

Во второй половине XV века появляются первые пристройки: два новых мавзолея вплотную примыкают к фасадам двух первоначальных усыпальниц — они обращены друг к другу порталами. Композиция всего ансамбля, таким образом, видо-

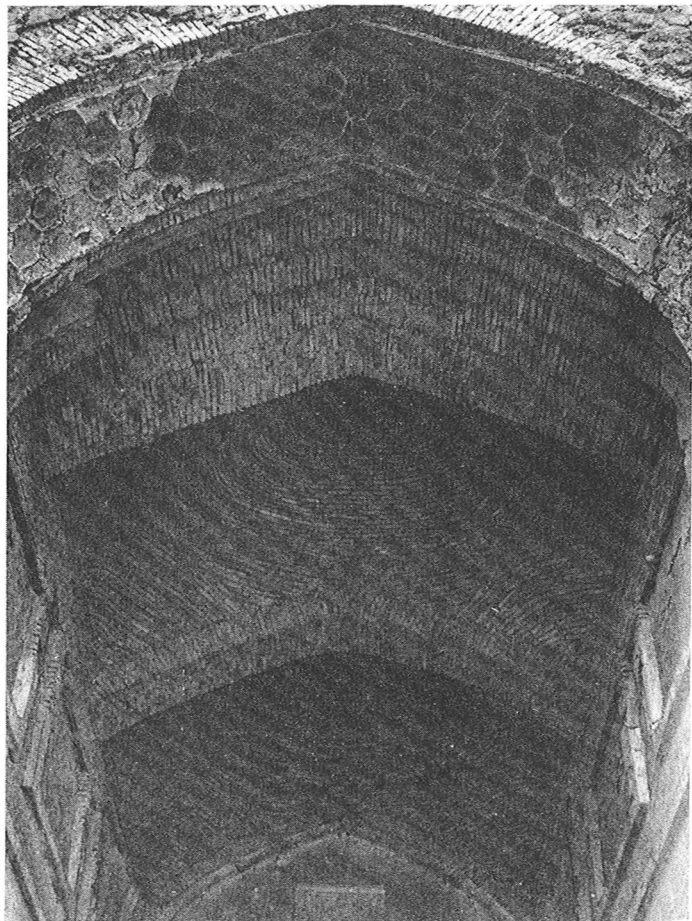

27. Султан-Саодат. Мавзолеи южной группы

изменяется и уже строится как бы на двух взаимно перпендикулярных осях. Декора ни в этих, ни во всех последующих сооружениях нет.

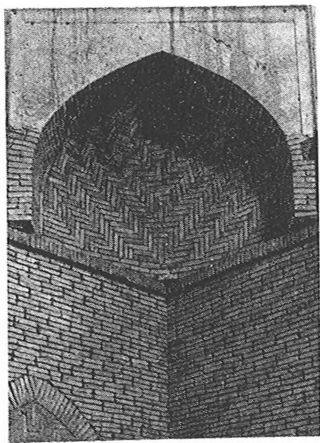
Очередное добавление к ансамблю было сделано в XVI веке: несколько в стороне возводится обширная трехкомнатная постройка с небольшим айваном в центре: идея ранних мавзолеев, взаимосвязанных сводчатой мечетью, повторена здесь в новом варианте. Характерны сохранившиеся в одном из помещений ганчевые сетчатые паруса.

Через некоторое время смежно с существующей уже группой и рядом с северным мавзолеем XV века появляются еще две группы зданий, организованные по той же схеме — два мавзолея, взаимосвязанные промежуточным вестибюлем с порталным входом.

28. Султан-Саодат. Своды главного портала

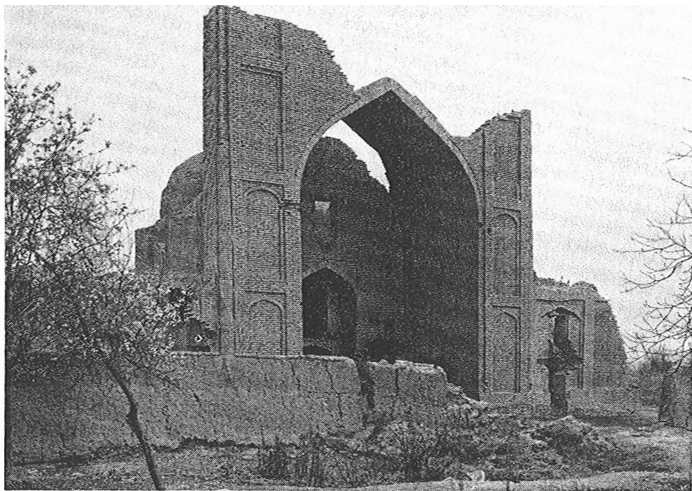
29. Султан-Саодат. Угловой парус мавзолея № 1

В возведенной с северной стороны еще более поздней постройке этот композиционный тип приобретает изощренный характер. В плане портал, объединяющий два помещения, раскинут по абрису части восьмигранника, на его боковых стенах устроены глубокие полувосьмигранные ниши. Характерная для конца XVI—XVII веков вычурность присуща и разработке объемно-пространственных форм этого сооружения: глубокие пятигранные ниши, два яруса декоративных нишек, ганчевые паруса, лепные сталактиты и прочее.

Весь ансамбль с восточной стороны замыкался порталным входом, не сохранившимся до наших дней.

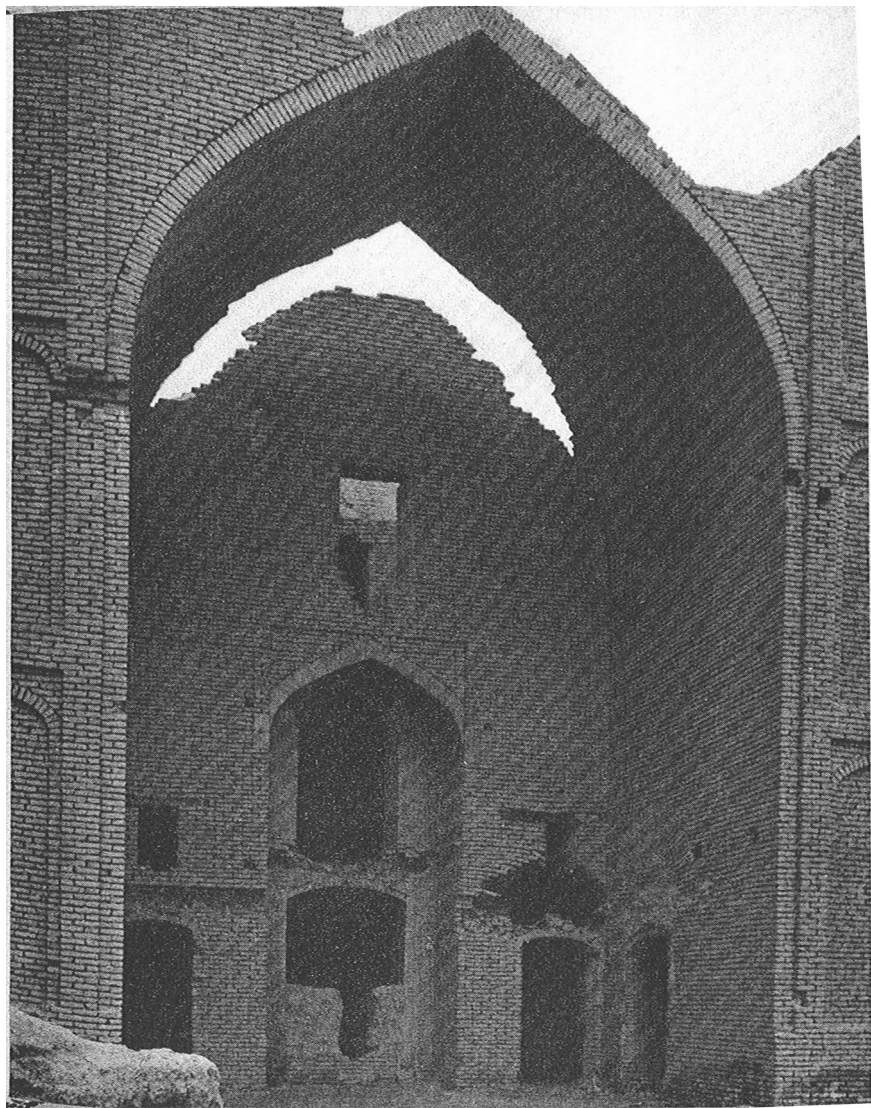
В своей окончательной композиции Султан-Саодат воспринимается как ансамбль зданий, группирующихся по периметру очень длинного узкого двора, с главной святыней, подчеркнутой стройным порталом и массивными куполами в глубине. Разновременность и разнотипность его архитектурных элементов как бы растворены благодаря единству их композиционной схемы, которая в разных вариантах предстает во всех постройках — от X—XI веков до XVII столетия.

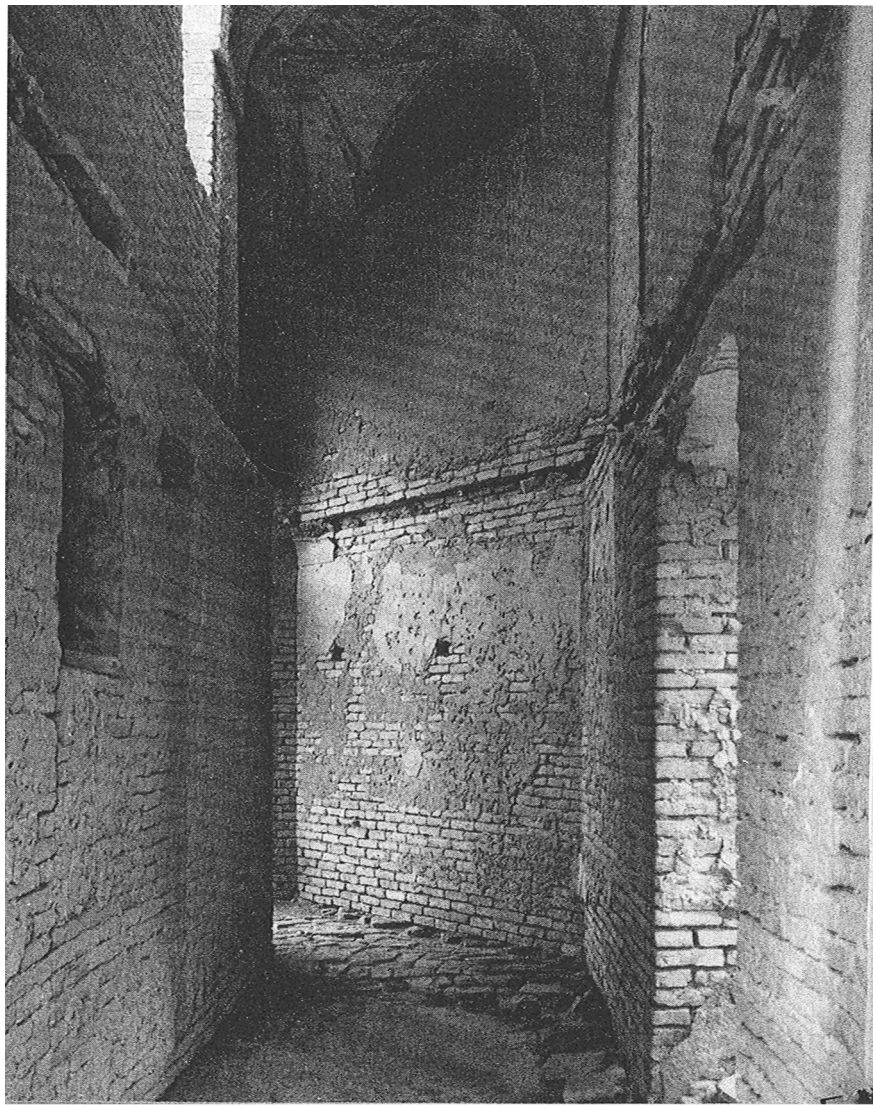

30. Кокильдора. XVI в. Общий вид

КОКИЛЬДОРА. Неподалеку от Султан-Саодата, среди зелени окрестных садов, высятся монументальное сооружение XVI века, именуемое К о к и л ь д о р а (илл. 30). По своему назначению это был мавзолей-ханака. Своеобразен его не лишенный вычурности план: широко раскинутая ниша портала имеет полуосьмигранную форму; осевой проход из нее ведет в «дихлыз» — вестибюль; отсюда можно попасть в центральное помещение и в два боковых коридора (илл. 32), объединяющие по две комнаты.

В плане и в построении главного фасада господствует «развернутая композиция» — раскрытие памятника по фронту и по поперечной оси.

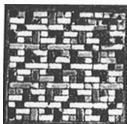

В оформлении этого фасада, portalного свода и интерьеров введены многочисленные ниши и нишки прямоугольного и пятигранного плана. Своеобразны в Кокильдоре сохранившиеся (к сожалению, не везде) сводчатые системы. Они представляют собой декоративные своды, купола и полукупола на сложной полигональной сетке парусов, выполненные из литого ганча.

Кокильдора сближается по типу с поздней архитектурной группой в ансамбле Султан-Саодат, которая была создана в XVI—XVII веках. Но там зодчий был озабочен соподчинением ее и в масштабах и по расположению общеконпозиционному оформлению двора. Кокильдора же создавалась как самостоятельное здание, как завершенное в себе архитектурное целое, и потому так стройны в нем пропорции портала и так разнообразна разработка плафонов помещений и ниш.

Типологически этот памятник отличен от современных ему построек бухарской архитектурной школы, но сближается с некоторыми зданиями монументальной архитектуры XVI—XVII веков в Балхе. И это закономерно, ибо Амударья издревле не столько разделяла, сколько связывала правую и левобережные области Тохаристана, а Термез с его переправой и пристанью служил прямым посредником не только политических и торговых, но и давних историко-культурных связей.

ШАХРИСЯБЗ

ГОРОД. Шахрисябз в переводе означает Зеленоград. Город утопающий в зелени окрестных садов и виноградников, — таким поныне предстает он при подъезде к нему, таким воспринимался свыше пятисот лет тому назад. «Этот город, — писал Рюи Гонсалес де Клавихо, направлявшийся в 1404 году во главе испанского посольства ко двору Тимура в Самарканд, — стоял на равнине; со всех сторон вокруг него проходило много ручьев и каналов, и он был окружен множеством садов и домов. . . . Город был окружен земляным валом и глубоким рвом, и при входах были подъемные мосты».

Шахрисябз имел в ту пору и другое название — Кеш, перенесенное от древнего наименования всего района верховьев реки Кашка-Дарьи и от названия его ранней столицы, располагавшейся у современного Китаба. В многометровых слоях Китабского городища (ныне разрушенного и застроенного) археологами были выявлены остатки мощных стен, обнаружена керамика, терракоты, относящиеся к первым векам н. э. В Шахрисябзе же археологические накопления отложились в основном с XIV столетия.

Вероятно, Шахрисябз так и остался бы уютным, но вполне обычным феодальным городком, лежащим в центре сельскохозяйственной округи, если бы отсюда не началось восхождение на историческую арену Тимура, «Железного хромца» (так переводилось прозвище Тимур-и-Ленг — Тамерлан на Руси).

Тимур родился в 1336 году в селении Ходжа-Ильгар, что лежит в тринадцати километрах от Шахрисябза, в семье эмира Тарагая — не слишком богатого и не очень знатного представителя тюрко-монгольского рода Барласов, феодальным уделом которого был Шахрисябз. Здесь зачиналась политическая карьера Тимура, здесь были могилы его отца и сородичей. И потому, став самодержцем Востока, он сохранял особую привязанность к Шахрисябзу, который даже намеревался сделать столицей своей огромной империи. Мудрый государственный расчет все же побудил оставить эту роль за Самаркандом, но тем не менее во все годы правления Тимур проявлял постоянное внимание к родному городу, где было построено по его распоряжению немало величественных сооружений. Традицию украшения Шахрисябза продолжил в первой половине XV века и его просвещенный внук Улугбек.

После падения династии Тимуридов Шахрисябз в XVI—XVII веках как бы отступает в тень, опять став второстепенным городком Кашка-Дарьинского оазиса. С конца XVIII века весь этот район входит во владения Бухары, и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции им управляют зависимые от Бухарского эмирата шахрисябзские беки. Сейчас Шахрисябз является районным центром сельскохозяйственной округи. Его красивое местоположение в предгорной зоне, величественные архитектурные памятники, народные ремесла — вышивка, керамика — все это привлекает сюда многочисленных туристов.

Современный Шахрисябз далеко перехлестнул за пределы хисара — укрепленной части тимуридского города, общий контур которого, однако, сохранился в городской планировке. В 1378 году его прямоугольник был охвачен по распоряжению Тимура крепостными стенами, достигавшими 8—9 метров толщины у подошвы. Стены были сложены в основном пластами глинобитной кладки (пахса); теперь их высота достигает 11 метров — первоначально она была намного больше; примерно через 50 метров располагались полукруглые башни-бурджи, вокруг стен проходил глубокий ров. Все эти укрепления подвергались неоднократно разрушениям и ремонтам, а в наши дни сохранились лишь на отдельных участках.

В каждой стене шахрисябзского хисара, примерно в центре, находились городские ворота с подъемными мостами. Главными являлись северные, обращенные в сторону Самарканда, когда-то на них были навешены покрытые надписями железные створы, привезенные Тимуром из захваченного им Герата. В конце XIX века северные ворота именовались Самаркандскими, западные — Чиракчи, южные — Яккабаг, восточные — Кунчикар. В городе от ворот к воротам тянулись две главные магистрали, пересекавшиеся в центре и делившие его на четыре отдела. Внутренняя планировка этих четвертей, какой она сохранилась от времени шахрисябзских беков, была лишена регулярности: кварталы (гузары) числом пятьдесят два, с плотной одно- или двухэтажной застройкой разделяла причудливая паутина узких криволинейных улочек и тупиков.

В XV веке очевидцы отмечали в городе и его округе множество монументальных зданий — богатые жилые дома, дворцы, мечети, медресе, ханака, караван-сарай. Но хотя из них

33. Ак-Сарай. XIV — начало XV в. Общий вид руин

сохранилось менее десятка, притом большинство в руинах, Кеш-Шахрисябз, который одним из восточных историков XV века именуется по созвучию Кеш-Дилькеш, то есть «Радующий сердце», — был и остается обязанным своей славой именно этим первоклассным архитектурным памятником, которые величием форм и красотой отделки не уступают постройкам тимуридских столиц Самарканда и Герата.

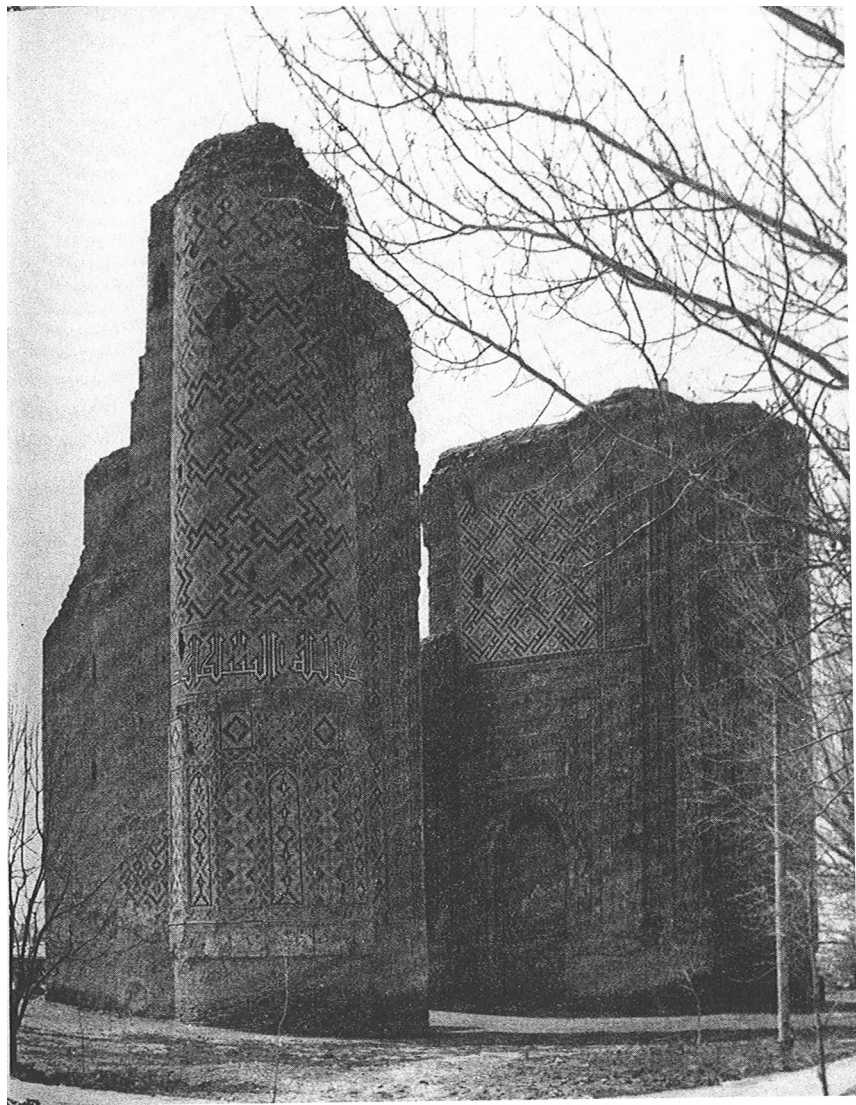
Наиболее грандиозные здания возводились в Шахрисябзе при Тимуре начиная с 1379 года и вплоть до его кончины в 1405 году. В политической истории Средней Азии год 1379-й ознаменован четвертым, заключительным походом Тимура на Хорезм, когда был захвачен и стерт с лица земли цветущий столичный город Ургенч (ныне — развалины городища Куня-Ургенч в Туркменской ССР). Отсюда в Мавераннахр было вывезено множество мастеров, ремесленников, чернорабочих,

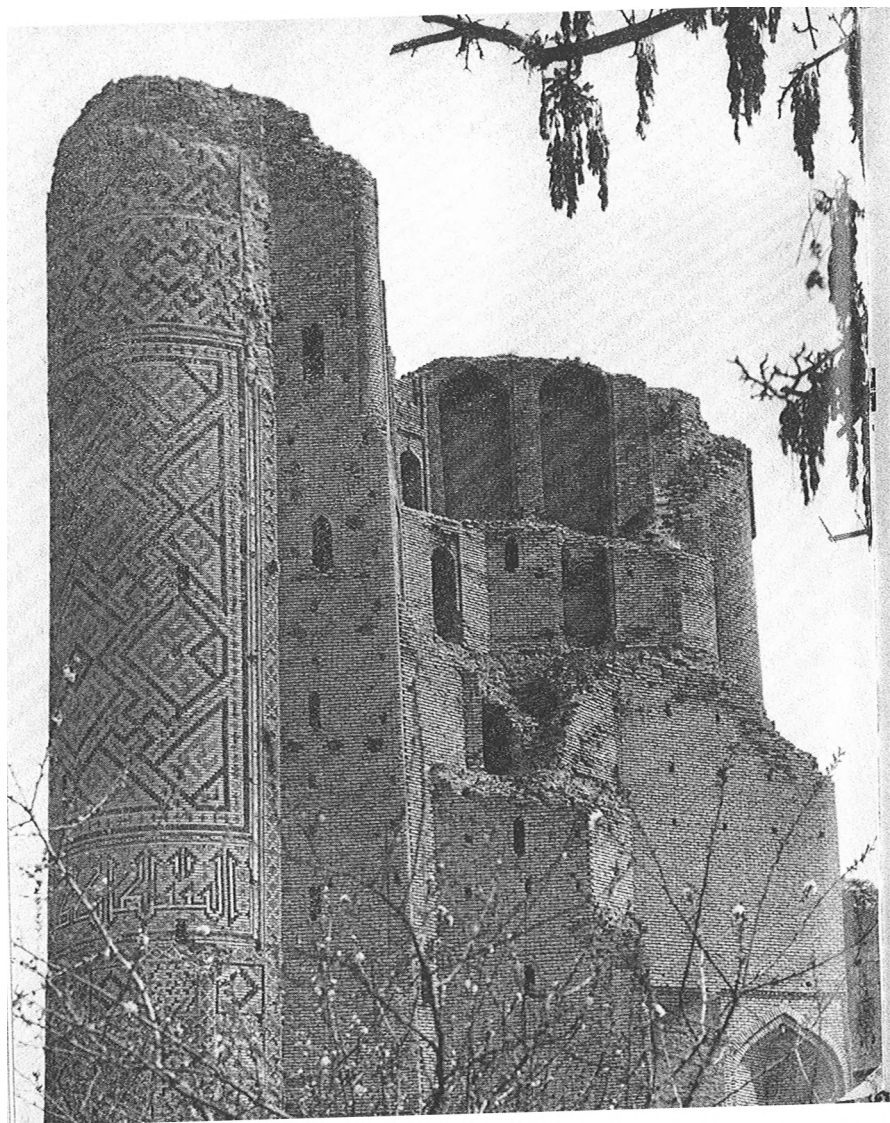
большую часть которых направили на строительные работы в Шахрисябз. Создателями шахрисябзских зданий были и эти ургенцские выходцы, и зодчие местной архитектурной школы, существовавшей в городах Кашка-Дарьинской долины (Карши, Шахрисябз и др.), и некоторые иранские мастера, насильственно пригнанные в Мавераннахр после западноиранских походов Тимура.

При всех тяготах подневольного положения творческое содружество строителей различных архитектурных школ на почве Шахрисябза, так же как и в постройках столичного Самарканда, дало великолепные плоды. Именно этим единением знаний, опыта, традиций и созидательных усилий были заложены основы того монументального стиля, который определяет особенности архитектуры Средней Азии конца XIV—XV века. Его зарождение ощущали даже современники. Характерно, что историк Ибн-Арабшах, выросший в Самарканде в плену и ненавидевший Тимура, в составленной им позднее хронике отдает дань величию тимуровских построек, созданных, по его словам, «в новом стиле». Руины двух монументальных сооружений этого «нового стиля», возведенных по распоряжению Тимура, высятся в Шахрисябзе.

АК-САРАЙ. В северо-восточной части шахрисябзского хисара располагался дворцовый комплекс, включавший площадь, дворец Ак-Сарай и хорошо распланированный сад. До наших дней от него дошли только руины порталного входа (илл. 33, 34). О первоначальном облике дворца можно было бы лишь гадать, если бы не детальное его описание, сделанное современником и очевидцем — Рюи Гонсалесом де Клавихо. В своем дневнике он воскрешает перед нашим мысленным взором великолепие здания, которое поразило даже немало путешествовавшего по Европе и по Востоку испанского гранда.

«На другой день, — пишет де Клавихо, — посланников повели смотреть большой дворец, который строился по приказанию царя; говорят, что уже двадцать лет в нем работало много мастеров. В этом дворце был очень длинный вход и очень высокий портал, и сейчас у входа по правую и левую руку были кирпичные арки, покрытые изразцами, разрисованными разными разводами. Под этими арками были вроде

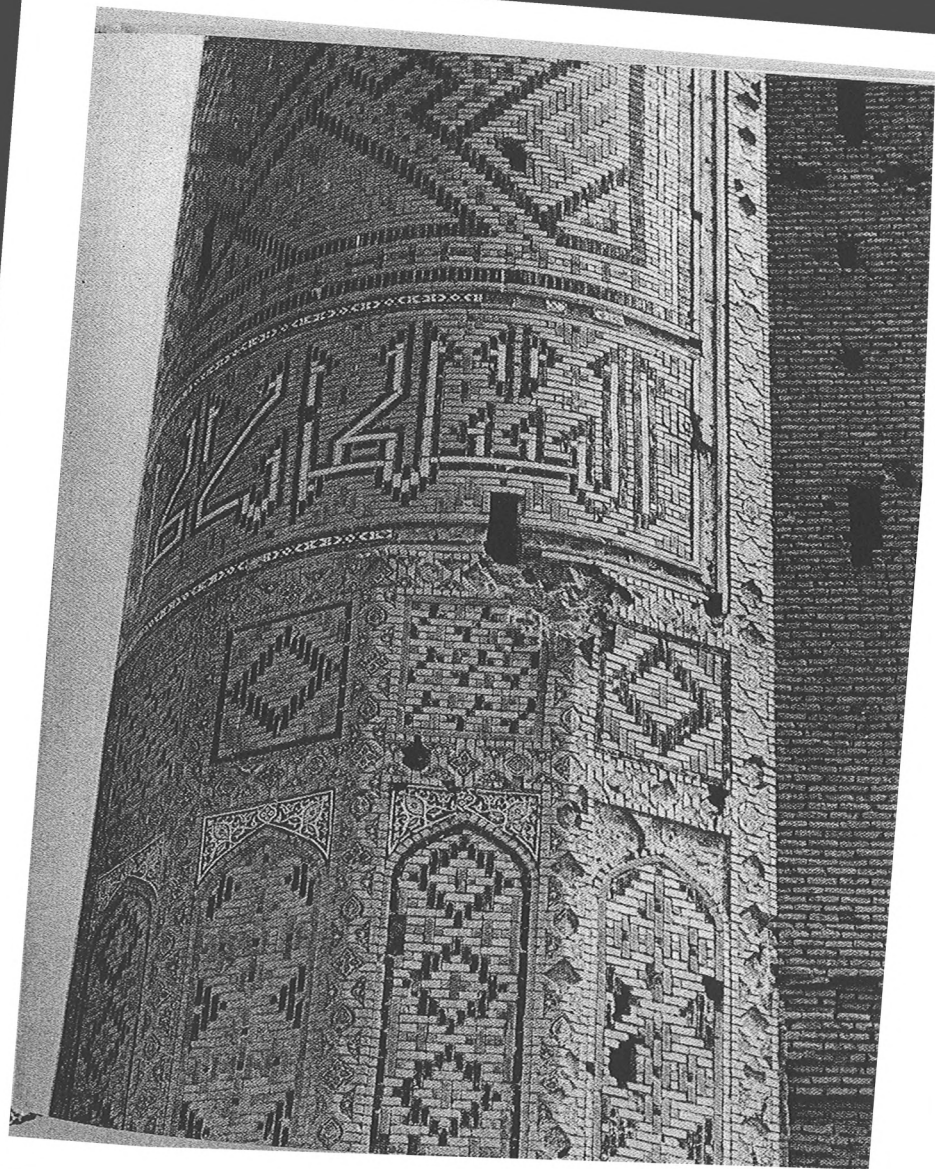

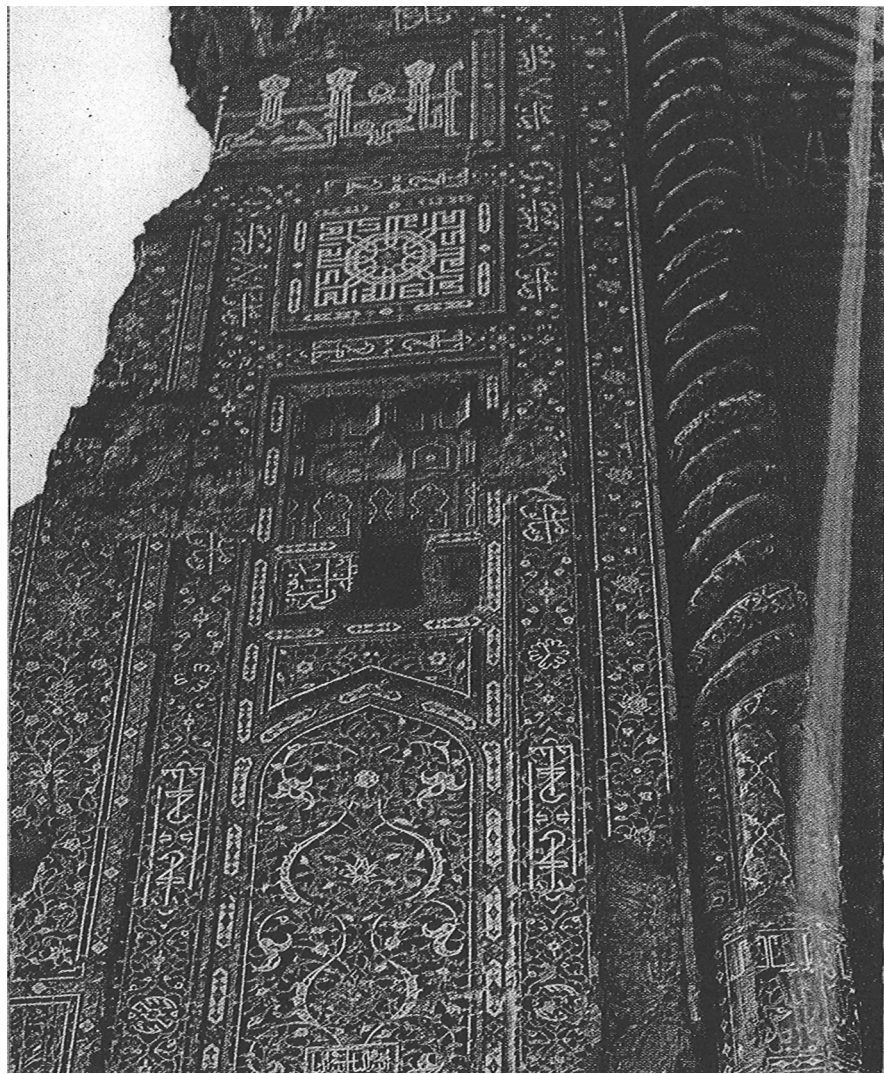

маленькие комнаты без дверей, и пол в них покрыт изразцами; это было сделано для того, чтоб тут сидели люди во время пребывания царя. Сейчас за этим была другая дверь и за ней большой двор, вымощенный белыми плитами и окруженный богато отделанными галереями. Посреди двора стоял большой водоем. Двор был шагов триста в ширину, и через него входили в большой дом, в котором была очень высокая и широкая дверь, украшенная золотом, лазурью и изразцами, очень красивой работы. Посредине над дверью был изображен лев, положенный на солнце, по краям точно такое же изображение — это герб царя Самаркандского... Из этой двери входил прямо в приемную комнату, построенную квадратом, стены которой разрисованы золотом и лазурью и отделаны полированными изразцами, а потолок весь позолочен. Отсюда посланников провели в верхний этаж, так как весь дом был раззолочен, и там показали им столько отделений и покоев, что было бы очень долго рассказывать: в них отделка была золотая, лазоревая и других разных цветов, удивительной работы, и даже в Париже, где есть искусные мастера, эта работа считалась бы очень красивой. Потом им показали комнаты и покои, которые были назначены для пребывания самого царя и жен его; в них была необыкновенно богатая отделка на стенах, на потолке и на полу. Над этим дворцом работало много разных мастеров. После этого посланников повели смотреть палату, которую царь назначил для того, чтобы сидеть и пировать со своими женами, очень обширную и роскошную; перед ней был большой сад со многими тенистыми и разными фруктовыми деревьями; в нем было много водоемов и искусственно расположенных лугов; и при входе в этот сад было такое обширное пространство, что много народу могло бы с наслаждением сидеть тут в летнее время у воды и под тенью деревьев. Так роскошна работа этого дворца, что для того, чтоб хорошо все описать, нужно ходить и осматривать все понемногу».

Название «Ак-Сарай» переводится как Белый Дворец, но он был не белым, а лазоревно-синим. Эпитет «ак» употреблен здесь не в прямом значении, но в переносном, — «благородный», «аристократический» (сравните русское «белая палата»,

«белая кость»). Панегирист Тимура, Шерефеддин Али-Иезди, говоря, что подобного здания, вознесшего вершину от земли на высоту небосвода, не видывал мир, добавляет: «Стало его почетным именем Белый Дворец — Ак-Сарай». И далее, уже в стихах, пишет о ярких бликах его изразцов в лунную ночь:

«Сильней, чем призыв азанчи, от сводов эхом отражен,
Отсветом яркой белизны бросает ночи вызов он».

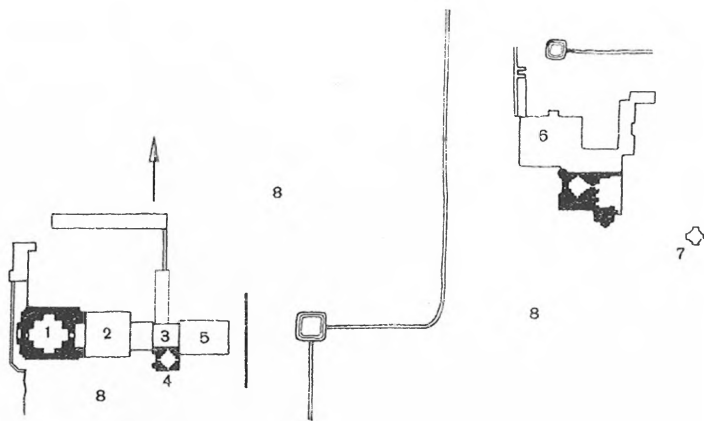
От грандиозного некогда здания сейчас сохранилось небольшое. Главный вход его был обращен не к центру города, но на север, как бы символически в сторону столичного Самарканда. Близ северной городской стены ныне вздымаются одни лишь руины портала — его мощные устои с округлыми башнями на восьмигранных пьедесталах и остатки свода двадцатидвухметрового пролета. Внутри каждой башни и в устоях встроены винтовые лестницы с выходами на разных уровнях, которые сейчас видны со стороны торцов (илл. 35). Современная высота руин достигает приблизительно 30 метров, но первоначально (исходя из анализа пропорций) она могла быть в полтора раза выше. Над стрельчатой аркой и ее треугольными тимпанами в охвате П-образной рамы проходило, вероятно, поле с надписью, а над ним — аркатура (ревак) и зубчатый парапет-кунгра (эти детали упоминает историк Шерефеддин Али-Иезди). На щечковых стенах порталного свода расположены две ниши, на щипцовой — входная арка, обрамленная жгутом; на нее были когда-то навешаны тяжелые створы дверей.

В архитектурной разбивке устоев портала, башен и стен Ак-Сарая использован многократный повтор конструктивной либо декоративно-настенной арки, заключенной в прямоугольную раму, с постепенным нарастанием масштабных рядов, начиная от маленьких панно на гранях базиса башен и кончая огромным панно на порталном своде. Членение форм подчеркнуто также широкими полосами надписей.

Портал сплошь покрыт изразцовым декором (илл. 38). По-видимому, северная ориентация, лишаящая его главный фасад контрастов светотени, побудила зодчих отказаться от введения

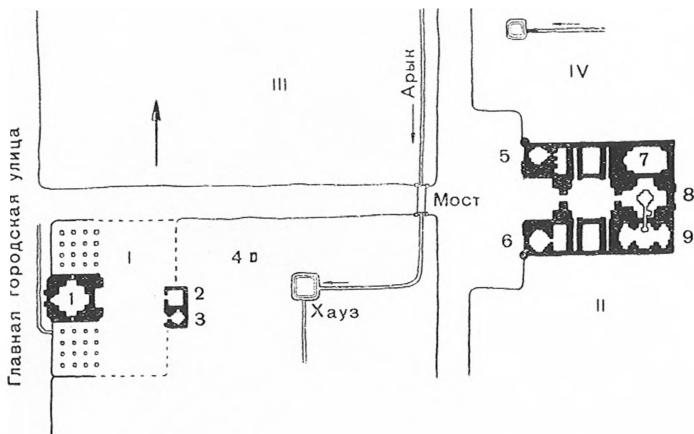
36, 37. Ак-Сарай. Изразцовая облицовка башен. Фрагменты.

38. Ак-Сарай. Изразцовая облицовка портала. Фрагмент

39. Генеральный план сооружений в юго-западной части Шахрисябза:
1 — Кок-Гумбаз; 2 — двор; 3 — мавзолей Шамседдина Куляля; 4 — Гумбазы-Сейидан; 5 — мечеть XVII в.; 6 — мечеть Хазрет Имам и мавзолей Джехангира; 7 — склеп Тимура; 8 — кладбище

выступающих и западающих обрамлений — разбивка поверхностей здесь имеет исключительно плоскостной характер. Но именно северная ориентация дала им возможность ввести в этот фасад, не знающий слепящих солнечных бликов, сплошное ярко красочное заполнение. Находясь постоянно в тени, все цвета здесь имеют как бы притушенный характер. Именно эти условия освещенности придают колориту облицовок, при всем его цветовом напряжении, мягкость. Архитектурный декор Ак-Сарая оставляет впечатление необыкновенного разнообразия узоропостроений, высокого мастерства выполнения, орнаментальной и колористической насыщенности. Но перегрузки ни в узоре, ни в цвете нет, при всем богатстве полихромии цветовой покров руин портала оставляет ощущение уравновешенности. В его декоре видное место занимают кирпичные мозаики из синих, голубых, реже — белых глазурованных кирпичей на фоне притертого строительного кирпича. Они

40. План ансамбля зданий XIV—XV вв. в юго-западной части Шахрисабза.
Реконструкция:

I — Дор-ут-Тияват с мавзолеем Тарагая (2-я пол. XIV в. — 1-я пол. XV в.); II — Дорус-Сиадат (конец XIV в.); III — могилы и усыпальницы тимуридской знати; IV — сад, бассейн; 1 — мечеть Улугбека 1435 г. (Кок-Гумбаз); 2 — мавзолей Шамседдина Куляля; 3 — макбарат потомков Улугбека 1437/38 г. (Гумбази-Сейидан); 4 — могила Шамседдин султана (1434/35 г.); 5 — мавзолей Джехангира 1370-е гг. (Хазрет Имам); 6 — усыпальница потомков Тимура; 7 — мечеть; 8 — гурхана и склеп Тимура; 9 — мион-сарай

образуют крупные геометрические и геометризованные эпиграфические узоры на башнях и в плафоне свода. Узоры эти строятся не на прямой, а на косой сетке, что придает им динамическое движение линий по спиралям, или по диагоналям, контрастируя со статической уравновешенностью массивных форм. Надписи либо заключены внутри фигур гириха зашифрованными формулами письма куфи, либо широкими полосами выделяют архитектурные членения. Такова, например, двухметровая полоса, расположенная в основании цилиндрической части одной из башен (илл. 37). Здесь начертана почерком куфи традиционная на Востоке фраза, утверждающая богоданный характер царской власти: «Султан — тень Аллаха (на зем-

ле)». На другой башне каллиграф или, скорее, мастер, выкладывая надпись, не рассчитал длины поля, и она дана в неполном и кощунственном с точки зрения власти сокращении — «Султан — тень».

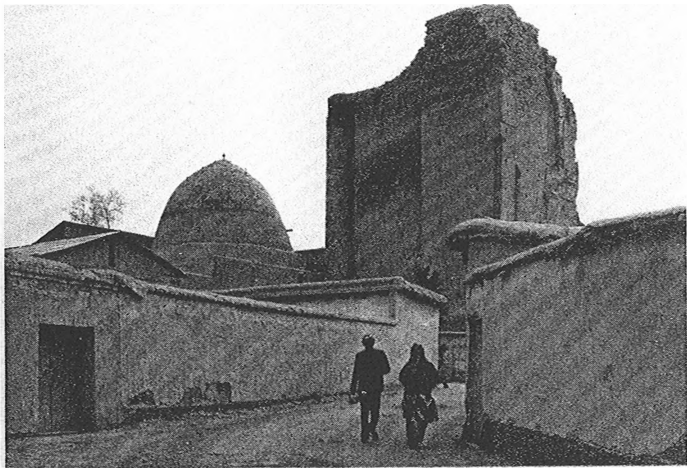
Огромную роль в декоре Ак-Сарая играют облицовки из майолик и резных наборных мозаик, где использована широкая красочная гамма. Господствующим цветом в фоне является сапфирово-синий, узоры выполнены голубым, белым, желтым, темно-зеленым, иногда они нанесены салатно-зеленой и красной подглазурными красками. Орнаментация в основном стилизованно-растительная и имеет безграничное разнообразие мотивов — розеток и картушей, завитков и сплетений условно травянистых ветвей, листвы и цветов; применяются и гирихи, но также с растительным заполнением внутри геометрических фигур. Пышноцветочный орнамент (особенно в заполнении тимпанов над арками) напоминает золотошвейные ткани.

В мозаике и в майолике исполнены некоторые панно и полосу надписей, введенные в украшение портала в виде членения архитектурных форм. Таков эпиграфический фриз, отсекающий пяты порталного свода, огибая его с трех сторон; в нем гибким, вычурным почерком сульс нанесены многострочные надписи — религиозные формулы и цитаты священных текстов. Великолепен жгут, обрамляющий свод, — его выпуклые спирали покрывает мозаичный узор, в который вплетено имя мастера — Мухаммед-Юсуфа из Тебриза.

Орнаменты Ак-Сарая можно рассматривать часами — они читаются как долгая, причудливая восточная сказка, полная фантастических образов, пышных метафор и иносказаний: узоры разворачиваются здесь во все новых мотивах, в иных вариантах, без повторов, и в каждом архитектурном поле — в других композиционных сочетаниях (илл. 36, 37, 38).

Тыльные стороны устоев портала позволяют сделать ряд интересных наблюдений. Выходы внутренних лестниц расположены здесь в пяти уровнях — одни из них, очевидно, вели в помещения, располагавшиеся в зоне портала не менее, чем на четырех этажах, другие — на крыши дворца.

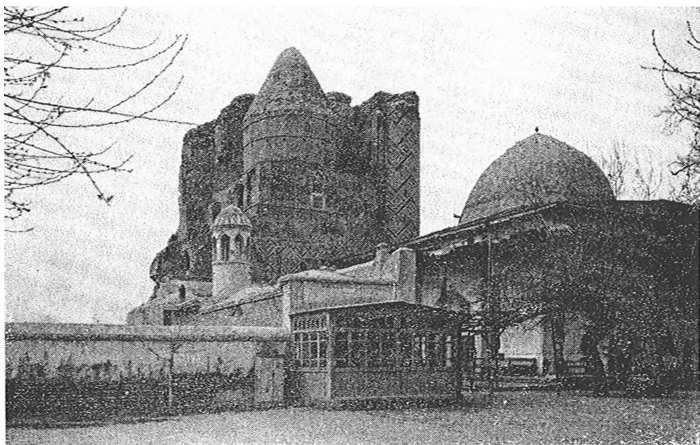
На одной из нижних плоскостей восточного устоя видна древняя штукатурная подоснова, на которой нанесена разбивка будущего панно. Эта деталь свидетельствует о том, что тор-

41. Устой мавзолея Джехангира (1379/80—1404) и купол мечети Хазрет-Имам (XIX в.). Общий вид со стороны улицы

цы портала предполагалось украсить изразцами так же, как и его фасад, но работа была прервана в начальной стадии.

В архитектуре портала (некогда и всего дворца) царит идея грандиозного. Все в нем выдержано в крупных формах, все контрастно в соотношении к привычным житейским масштабам. Объемы просты, силуэт лаконичен, и лишь приемы архитектурной разбивки, основанные на сопоставлении больших и малых арочных форм, вносят зрительный масштабный ряд. В декоре — при всем богатстве орнаментальных мотивов и цветовой насыщенности — строгое подчинение геометризму архитектурной разбивки. И наряду с этим — безудержный поток самих орнаментальных мотивов и безграничное разнообразие узоропостроений. В этой контрастной гармонии архитек-

42. Мавзолей Джехангира и мечеть Хазрет-Имам. Общий вид

турных форм и декора — одна из характерных черт того «нового стиля» эпохи, о котором писал Ибн-Арабшах.

Ак-Сарай ненадолго пережил династию Тимуридов. Уже во второй половине XVI века правитель Бухары, Абдуллахан, не раз осаждавший непокорный Шахрисябз, распорядился разрушить великолепные постройки Тимура; кирпич их стали растаскивать как превосходный строительный материал.

Легенда гласит, что однажды, подъезжая к Шахрисябзу, Абдуллахан, завидев громаду Ак-Сарая, припустил коня и погнал своего лучшего скорохода, так как ему казалось, что он уже рядом с городом. Долго мчались они, уже упал замертво скороход, а дворец все еще маячил своими грандиозными массами вдалеке. Тогда-то обозленный своей ошибкой хан распорядился о его разрушении.

В действительности, уничтожением величественных сооружений времени Тимура и Тимуридов Абдуллахан, очевидно, намеревался стереть в народе память о величии низвергнутой

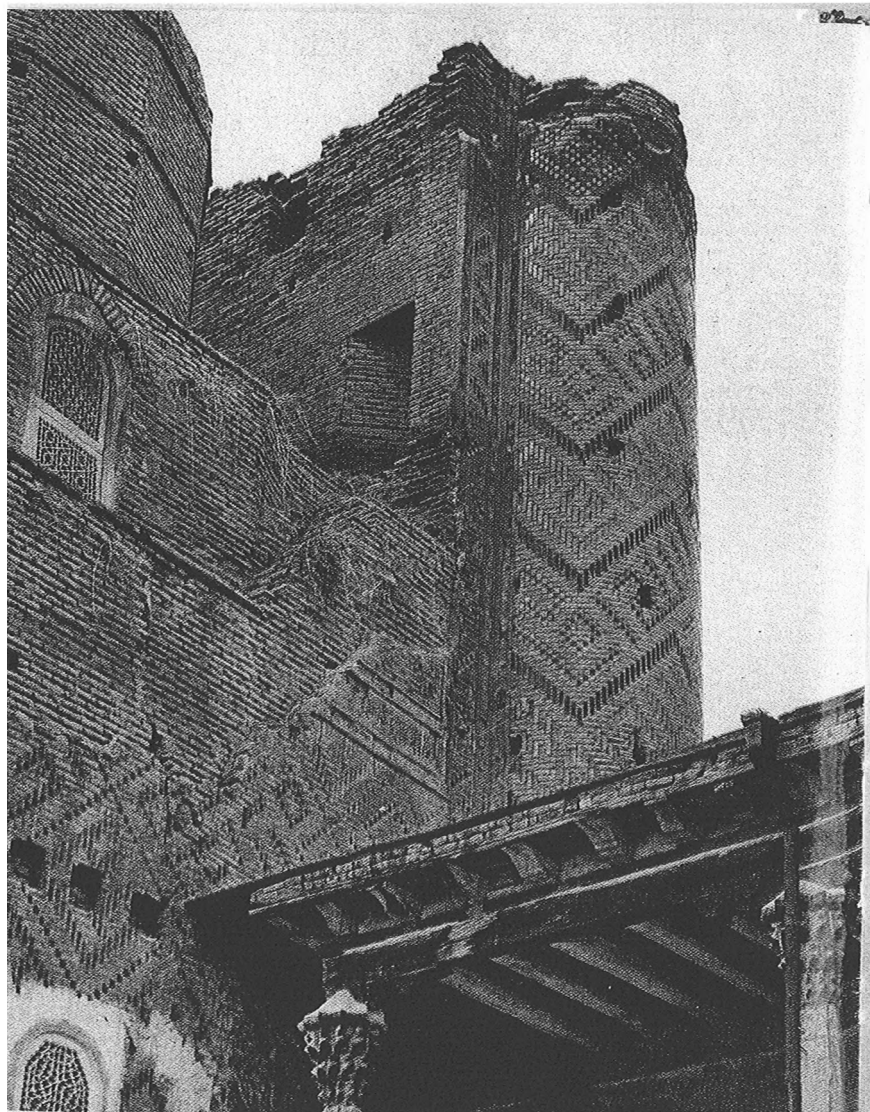

43. Мавзолей Джехангира. Общий вид

Шейбанидами династии. Во всяком случае, уже во второй половине XVIII века от Ак-Сарая остались лишь устои и часть арки портала. В эту пору на месте бывшего дворца был устроен хозяйственный двор ставки — «урды» шахрисябзского бека, а сама «урда» расположилась перед порталом, наполовину прикрыв его стенами.

В советское время глинокаркасные постройки и пахсовые стены «урды» были снесены, территория вокруг пештака расшищена, и прекрасные руины стали обозримыми со всех сторон.

СКЛЕП ТИМУРА И МАВЗОЛЕЙ ДЖЕХАНГИРА. В юго-восточной части Шахрисябза высится монументальный пилон с массивной круглой башней, за которым как бы укрыт высокий, увенчанный остроконечным куполом мавзолей (илл. 41, 42). В XIX веке, когда были забыты многие исторические события, в народе его называли гумбезом Хазрет-Имама; это имя ничего не говорит, ибо означает не имя, а слова «святой имам».

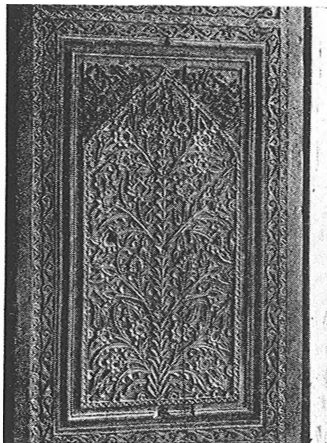

Легенды связывают памятник то с Хазрет-Имам Багдади (который жил в Ираке и в начале IX в. был похоронен в Рее), то с Имам Абу-Мухаммедом Абд ал-Кеши, одним из видных кешских богословов времени Тимура; однако обе эти версии — позднейшего происхождения. Историческая же расшифровка времени и обстоятельств возведения мавзолея рисует совсем иное.

В 1376 году в Самарканде внезапно скончался старший, горячо любимый сын Тимура, двадцатидвухлетний Джехангир. Тимур впал в безысходную скорбь, которую такими словами описал Максим Горький, пересказывая старую легенду: «С того дня, как умер сын его Джехангир и народ Самарканда встретил победителя злых Джеттов одетый в черное и голубое, — с того дня и до часа встречи со Смертью в Отраре, где она поборолла его, — тридцать лет Тимур ни разу не улыбнулся — так жил он, сомкнув губы, ни перед кем не склоняя головы, и сердце его было закрыто для сострадания тридцать лет!»

Тело Джехангира, «справедливого царевича, — по словам восточного историка, — храброго воина, мелькнувшего на земле, как роза», было привезено в Шахрисябз, город упокоения его предков, здесь захоронено, и через некоторое время над ним был возведен мавзолей — это и есть так называемый Хазрет-Имам.

Вероятно, утрата первенца обратила мысль Тимура к извечно терзающей человека мысли об уходе в Небытие. Так возникает замысел о создании в Шахрисябзе фамильной усыпальницы, уготованной для близких и для того, чтобы принять со временем его собственный прах. Уточненной даты начала строительства этого мемориального комплекса нет, но в архитектурных формах мавзолея Джехангира явственно запечатлены черты хорезмской архитектуры, свидетельствуя об участии в его сооружении зодчих из Ургенча. Таким образом, 1379/80 год может быть принят за изначальный. Строительство же всего огромного здания, так же как и Ак-Сарая, тянулось очень долго. Во всяком случае, хотя уже в 1394 году сюда было привезено и захоронено тело второго сына Тимура, Омара-Шейха, отделочные работы в нем велись еще в 1404 году.

45. Дверь мавзолея Джехангира.
Конец XIX в. Фрагмент

46. Купол в интерьере мавзолея
Джехангира

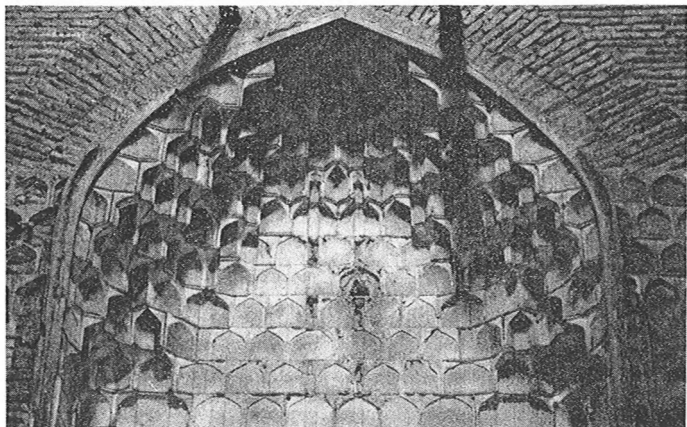
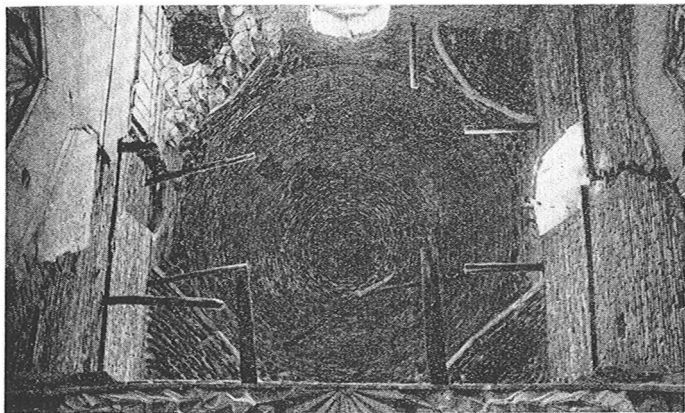
47. Сталактиты в интерьере
мавзолея Джехангира

Здание получило наименование Дорус-Сиадат, то есть Обители Власти (читай: ушедшей, но вечной, — несбыточная мечта всех властолюбцев).

Идея, стоящая перед архитекторами, заключалась в создании монументального сооружения, которое гармонично соединяло бы усыпальницы, общий зал поминовений — зиаратхану, поминальную мечеть, комнаты для духовенства, для приходящих на поклонение, для чтецов Корана и для обслуживающей челяди.

Зодчие творчески подошли к поставленной задаче. Используя круг традиционных архитектурных форм, они скомпоновали их в новом качественном сочетании, притом в грандиозных масштабах. Данные исторических свидетельств, археологические расчистки, архитектурные зондажи и наблюдения позволяют воссоздать первоначальную композицию Дорус-Сиадата (илл. 39, 40).

Ось постройки была ориентирована по линии запад—восток, и главный ее фасад обращен лицом к расположенным с запада погребениям Шейха Куляля и эмира Тарагая (о них см.

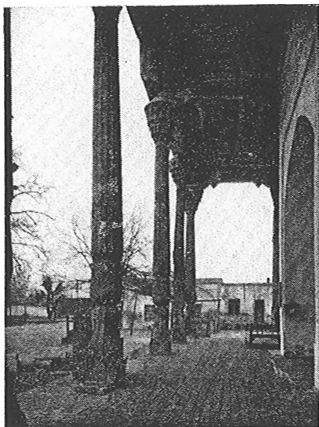

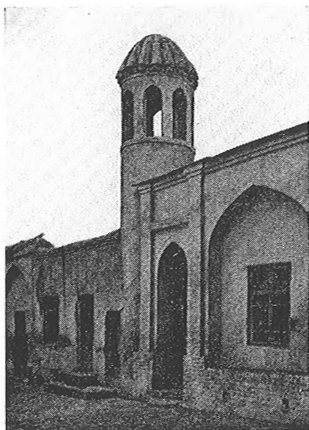
48. Дворик у мечети Хазрет Имам

ниже) — к духовному и к земному отцам миродержца Тимура. Центральный вход, выделенный порталом, вел в обширную зиаратхану, на оси которой далее располагалась усыпальница-гурхана Тимура со склепом. По обе стороны входа за устоями портала находились две усыпальницы: слева — Джехангира, справа — его брата Омара-Шейха. В боковых отделах сооружения размещались на двух этажах упомянутые выше различные группы подсобных помещений. В одном из них в 1404 году, после осмотра всего роскошного здания, принимали и угощали испанских послов. «Эта мечеть и капеллы ее очень богаты и великолепно отделаны золотом, лазурью и изразцами; при ней есть большой двор с деревьями и водоемом», — отмечает де Клавихо.

Близкой архитектурной аналогией шахрисябзского мемориала является огромный мавзолей — комплекс, сооруженный в 90-х годах XIV века по распоряжению Тимура над погребением Ходжа Ахмеда Ясеви в городе Туркестане. Возможно,

49. Галерея мечети Хазрет Имам

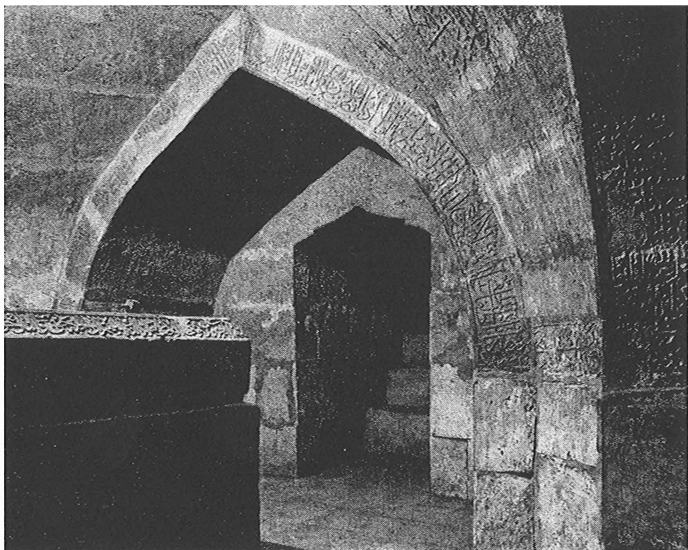

50. Минарет во дворе мечети
Хазрет Имам

что он даже повторил планировку Дорус-Сиадата. Отличная сохранность туркестанского памятника в свою очередь позволяет мысленно воссоздать и объемно-пространственную композицию Дорус-Сиадата. Она представляется в виде мощного параллелепипеда, над которым доминировал высокий пештак с угловыми округлыми башнями и с куполами двух усыпальниц, расположенными за каждым устоем пештака. На главной оси вздымался огромный купол зиаратханы, а за ним — купол гурханы Тимура.

От обширного некогда комплекса (около 70×50 м) сохранилось немного — северо-западный пилон портала с мавзолеем и склепом Джехангира и в стороне от него — склеп Тимура, куда он волей судьбы так и не был внесен, ибо был захоронен в самаркандском Гур-Эмире.

Все три фасада и башня пилона покрыты мозаикой из глазурованных кирпичей. Геометрический орнамент построен на диагональной сетке, внутри его фигур выложены надписи

сильно геометризированного почерка куфи — религиозные формулы и восклицания. В основании пилона тянулась мраморная панель. При раскопках были найдены фрагменты майолик и резных наборных мозаик, — вероятно, они входили в отделку тимпанов и торцевой стены порталного свода.

Мавзолей Джехангира очень строен и во внешней своей композиции (илл. 42, 43) и в интерьере. Объемное построение его: высокая квадратная призма — шестнадцатигранный барабан на переходном четверике — конический купол (высота до его вершины 27 м). И этот шатровый купол и вытянутые ввысь пропорции были весьма характерны для архитектуры средневекового Хорезма.

В мавзолее Джехангира очень интересна система купольного перекрытия. Всего куполов здесь три. Снаружи возвышается внешний конический купол на высоком граненом ба-

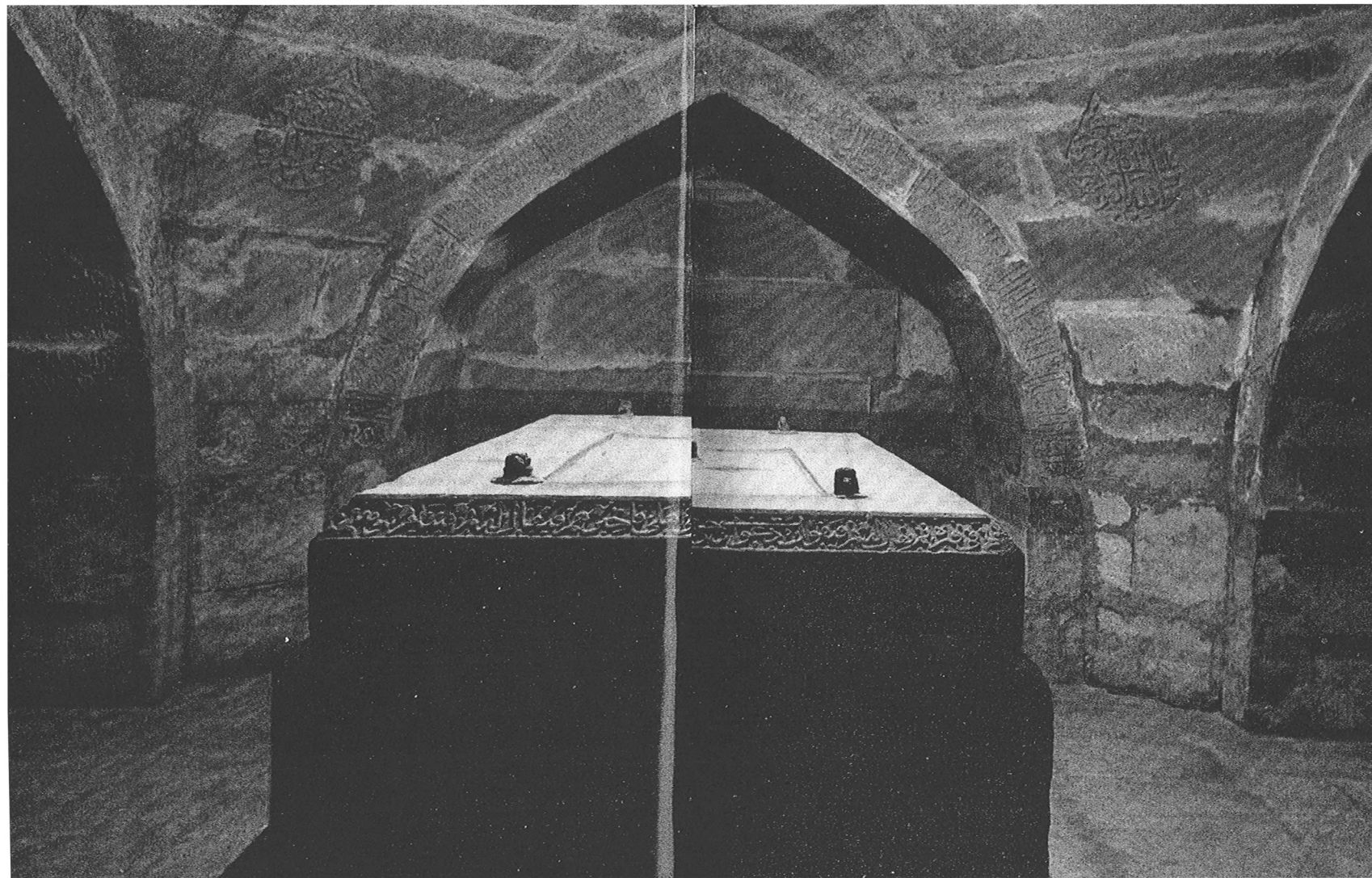
51. Склеп Тимура

52. Картуш с надписями в
склепе Тимура

рабана с радиальными «ребрами жесткости», опертыми на внутренний конструктивный купол. Последний основан на ярусе парусов, перспективно нарастающих от углов помещения, и на кирпичных выступах в углах перехода к кольцевой кладке купольной скуфьи. В уровне парусов торчат заделанные в кладку деревянные балочки. Они служили арматурой при выведении внутреннего декоративного купола-оболочки, выполненного из литого ганча (гипса) и украшенного в основании богатой сталактитовой лепниной, сохранившейся сейчас лишь в одном из углов.

На внутренних стенах мавзолея устроены широкие, стройные, но неглубокие ниши, арочные части которых заполнены сталактитами (илл. 47); в западной нише имеется также полуосьмигранный михраб. Над ними, в уровне парусов, размещены четыре высоких окна, забранных решетками-панджара.

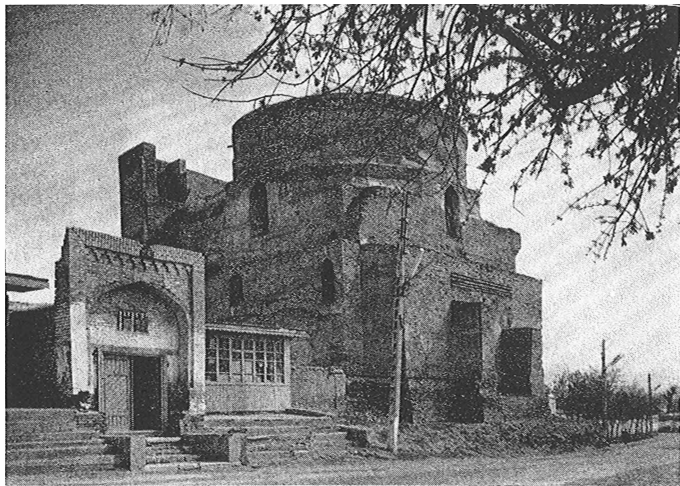

В основании стен интерьера некогда проходила мраморная панель. Сами стены, паруса и купол были оштукатурены белым ганчем и покрыты росписью ярко-синей краской, местами — с красными акцентами в узоре. Остатки ее видны в тимпанах одной из ниш — здесь нанесен измельченный геометрический гирих. Кроме того, вверху стен под ярусом парусов тянется надпись отнюдь не религиозного характера, содержащая арабскую пословицу: «Мудрый действует с благими намерениями, а дурак уповает на благие намерения». Этот афоризм, смысл которого в том, что умный человек сам распоряжается обстоятельствами, в то время как глупец лишь надеется на них, как нельзя более отвечает духу тимуридской эпохи, когда царил безпринципность энергичных, властолюбивых фигур, умевших обратить себе на пользу стечения обстоятельств и выгоды ситуаций.

Под полом мавзолея есть склеп и какие-то погребения, но археологическое вскрытие здесь пока не производилось.

С восточной стороны к мавзолею Джехангира примыкало два этажа помещений. Раскопками была выявлена просторная продолговатая комната, расчлененная глубокими нишами. Стены ее понизу были облицованы мраморными плитами с орнаментальной резьбой, а выше оштукатурены, в углах ниш видны остатки ганчевых сталактитов. Отсюда через единственный вход попадали в усыпальницу. Ее древняя дверь не сохранилась, но в 1868/69 году на средства бухарского эмира Музаффары, в знак почитания мнимого Хазрет-Имама, была поставлена донные сослуживая двухстворчатая дверь, покрытая отличной резьбой.

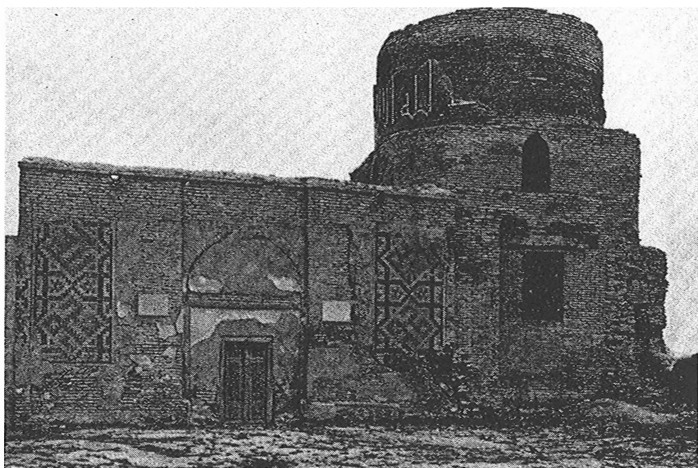
Что касается склепа Тимура, то это один из самых роскошных склепов (илл. 51, 53) во всей тимуридской архитектуре. Он крестовиден в плане (за счет глубоких ниш на осях); с западной стороны ведет ступенчатый спуск. В центре стоит каменное надгробие с крышкой, на ней выбито прямоугольное поле, куда должны были вставить плиту с эпитафией Тимура. Надгробие так и осталось на века непокрытым, хотя два каких-то захоронения и были осуществлены в нем в поздние времена.

54. Кок-Гумбаз. Общий вид

В склепе оригинален плафон; он представляет собой каменный купол небольшого подъема, выведенный в системе касетного потолка: над центральным квадратом уложены под 45° каменные плиты и в образовавшийся при этом диагональный квадрат вписан сокращающийся тремя уступами восьмигранный кессон. Прием этот ведет свое начало от деревянной конструкции «чархана» (или «чарбурчак»), известный в народном зодчестве Ферганы и Припамирья вплоть до недавнего времени.

Стены, полы, арки, потолок склепа сплошь облицованы плитами белого мраморовидного известняка. На стенах по контуру арочных ниш и в уровне их пят тянется сплошная лента надписей, исполненных изысканной вязью почерка сульс. Надписями заполнены также миндалевидные медальоны (илл. 52),

55. Мавзолей Шамседдина Куляля и Гумбази-Сейидан

вырезанные на торцах ниш и на свесах угловых плит: все это религиозные формулы и цитаты из Корана.

Простота архитектурных форм, белизна и спокойная гладь облицовок, содержание надписей, напоминающих об уходе из бренного мира в мир Вечности, — все это создавало настроение той торжественной умиротворенности, которая подобала месту последнего упокоения самодержца. Вместе с тем можно вообразить, сколь роскошным было оформление располагавшейся над криптой гурханы — одной из тех «капелл», украшенных золотом, лазурью и изразцами, о которых упоминает де Клавихо. Впрочем, по свидетельству испанского посла, Тимур остался недоволен высотой своей усыпальницы, и в 1404 году мастера были заняты ее переделкой. Возможно,

56. Кок-Гумбаз. Портал

что в связи со скорой смертью Тимура и погребением его в Самарканде эти работы так и остались незавершенными.

В XV веке у Дорус-Сиадата был раскинут прекрасный сад; это от него, вероятно, дошли многовековые чинары и бассейн, расположенный в его северной стороне. В последующие века огромное здание пришло в упадок — новые династы не только не оберегали, но стремились стереть всякую память о блеске правления и могуществе своих предшественников. Разразившийся по всей Средней Азии социальный кризис XVIII столетия, когда Шахрисябз совершенно опустел, привел к прерыву реальных представлений в народе о прошлом города. В XIX веке мавзолей Джехангира уже фигурирует как Хазрет-Имам, и к нему проявляют знаки внимания эмиры Бухары.

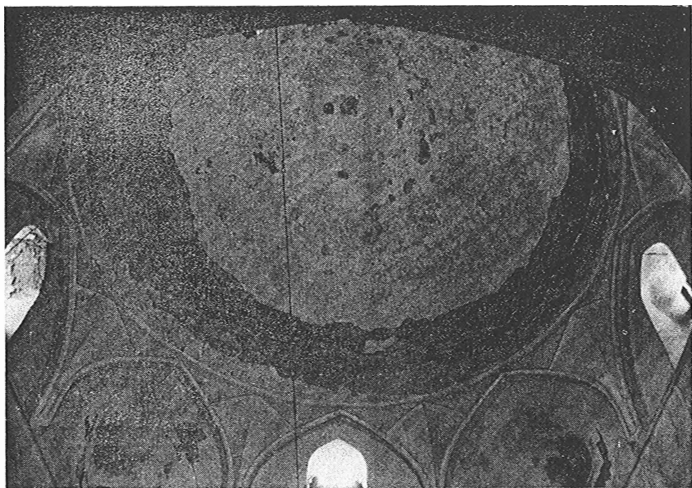

Во второй половине прошлого века по северную сторону от мавзолея возводится мечеть с перекрытым куполом зимним помещением и летним айваном на стройных колоннах; купол в 1914/15 году был переложен, и переложен неудачно: он стал создавать громкие раскаты эха. Мечеть функционирует до наших дней. Вокруг Хазрет-Имама в период Бухарского эмирата раскинулось плотно заполненное внутригородское кладбище. Его ликвидировали около четверти века тому назад, с тех пор современная жилая застройка и две улочки вплотную окружают памятник.

МАЗАР ШАМСЕДДИНА КУЛЯЛЯ, КОК-ГУМБАЗ, ГУМБАЗИ-СЕЙИДАН. Почти в центре Шахрисябза высится группа старинных сооружений (илл. 54). Все они представляют остатки бывшего ансамбля зданий, объединенных некогда у медресе, именовавшегося Дор-ут-Тиялат («Дом размышления, созерцания»). Это тоже тимуридский мемориал.

Его формирование было связано с личностью видного местного суфия Шамседдина Куляля. Прозвище Куляль — «горшечник» — он получил потому, что принадлежал к ремесленной среде, отец его был гончаром. Другое прозвище — Амири-Калаян («Великий эмир») — было связано с высоким положением, которое занимал Шамседдин Куляль в обществе, в частности он вошел в мусульманскую агиалогию как «пир» (наставник) бухарского шейха Бехауддина, основателя одного из самых популярных, а со временем и самых могущественных в Средней Азии дервишских орденов — Накшбендия. Мистическая деятельность шейха Куляля протекала главным образом в Несефе-Карши и Кеше-Шахрисябзе.

У среднеазиатской знати существовал обычай избирать пира — духовного наставника на земле и заступника в мире ином. Эмир Тарагай, отец Тимура, своим пиром почитал Шамседдина Куляля. Шейх скончался в 1370/71 году, был похоронен в Шахрисябзе; его могила сразу же была окружена почитанием и культом. Рядом был погребен (видимо, согласно завещанию) и отец Тимура. По свидетельству восточного историка XVII века, возле могилы шейха Куляля было медресе, именуемое Дор-ут-Тиялат и «гурхана эмира Тарагая в том

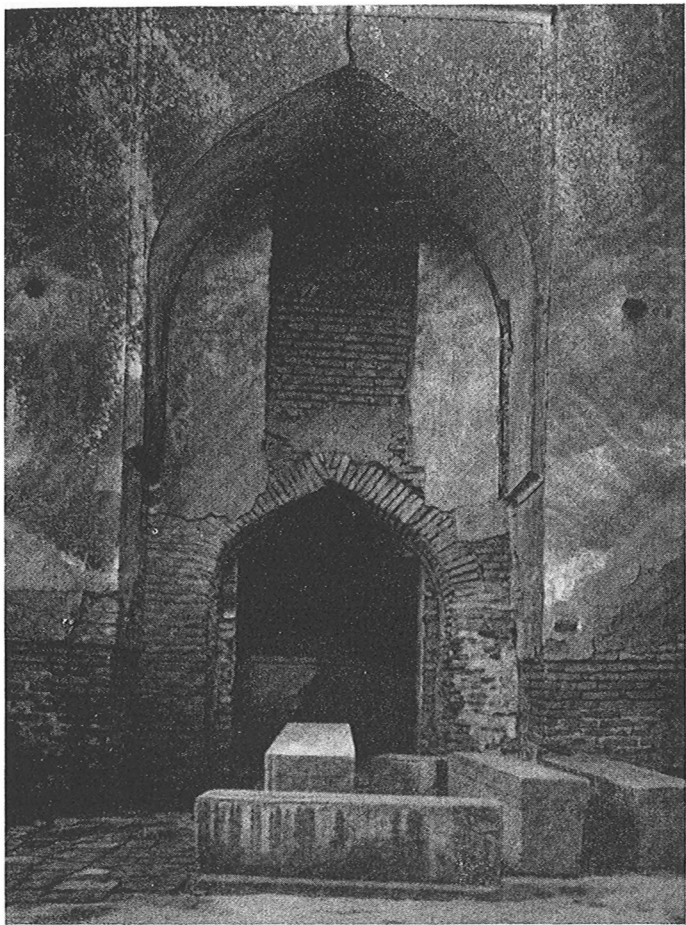

58. Купол в интерьере Кок-Гумбаз

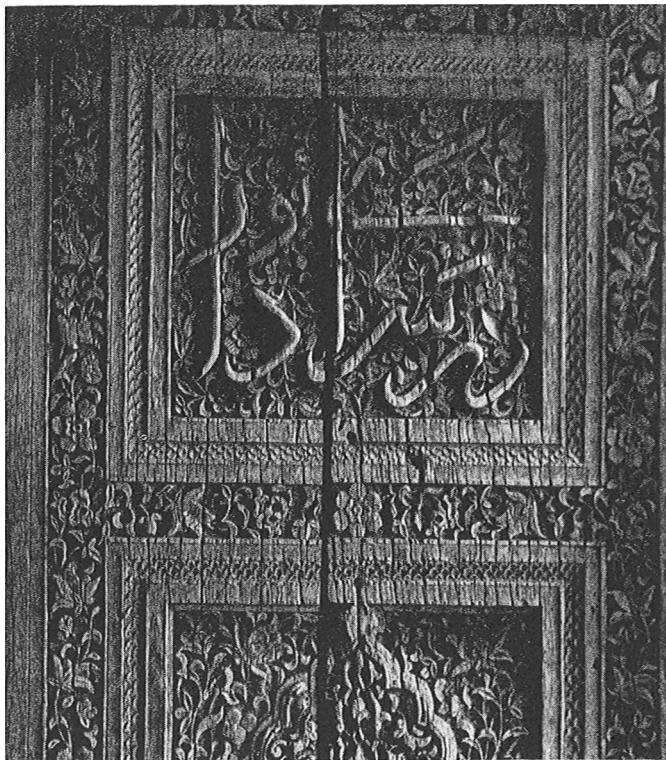
медресе». Возможно, что это небольшое одноэтажное медресе и было им возведено.

При Тимуре могила Шамседдина Куляля была облицована плитами из ониксовидного мрамора. Фрагменты их, покрытые пышной стилизованно-растительной орнаментацией и надписями, обнаружены недавно реставраторами при расчистках покрывавших надгробие грубых ремонтных штукатурок. Можно предполагать, что богатая мраморная сагана была установлена и над прахом Тарагая (она не сохранилась).

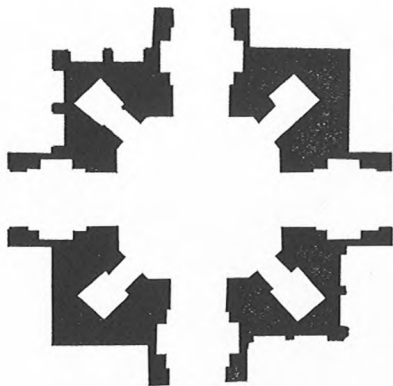
Создание архитектурного ансамбля у медресе Дор-ут-Тиялат в основном восходит к правлению Улугбека. Прежде всего над могилой шейха Куляля, на остатках какого-то более раннего сооружения, был возведен купольный мавзолей.

61. Дверь мавзолея Шамседдина Куляля. Фрагмент

Главный вход его, обращенный на запад, был выделен порталом, пилоны которого находятся на продолжении стен гурханы. На них сохранилась облицовка кирпичной мозаикой в виде вертикального ряда восьмиконечных звезд, выложенных синими глазурованными кирпичами и вкомпонованных в эти звезды кufических надписей, выполненных голубыми кирпичами. Гурхана — квадратная в плане, на стенах ее имеются четыре широкие арочные ниши, в каждой из которых расположены дверь и окно. В главном проходе навешена дверь с многоплановой, очень насыщенной растительной и эпиграфической орнаментацией — шедевр резьбы по дереву XV века (илл. 60, 61). Первоначально гурхана имела купольное перекрытие, со временем оно разрушилось и было заменено плоским потолком на двух колоннах.

В XVII столетии с восточной стороны мавзолея Шамседдина Куляля было возведено помещение поминальной мечети (или ханака?), отделанное плитами из набранных в узор без швов шлифованных или же глазурованных кирпичиков. В XIX—XX веках она уже лежала в развалинах и была затем разобрана ради кирпича.

В 1435 году напротив мавзолея Куляля и на единой с ним оси была построена мечеть Кок-Гумбаз («Голубой ку-

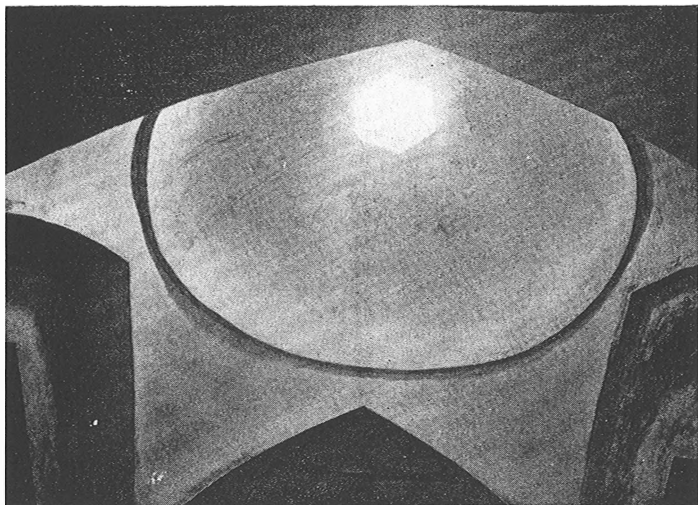
пол»). В надписи на портале говорится о ее возведении Улугбеком от имени отца своего Шахруха. Она играла роль мечети-джума, то есть пятничной соборной мечети Шахрисябза.

До наших дней дошел лишь центральный объем Кок-Гумбаза, в виде крупного купольного сооружения, обращенного порталом на восток (илл. 56). Нарушение правильной ориентации главной оси относительно Мекки было вызвано соподчинением мечети главной оси мавзолея Шамседдина Куляля.

Квадратный зал мечети (пролет его равен 12 м), с нишами на осях, пространственно подразделен на стену, зону угловых парусов, между которыми встроены промежуточные щитовидные паруса, осуществляющие переход к шестнадцатиграннику, и купол. На центральной оси трех стен находятся ниши с арочными проходами, над ними и в зоне парусов имеются окна. На западной стене расположен михраб; со стороны же фасада на ней устроен небольшой ложный портал (он никуда не ведет). В угловых массивах здания встроены винтовые лестницы, которые ведут на крышу боковых галерей. Снаружи над внутренним куполом высится основанный на четверике и переходном восьмерике массивный цилиндрический барабан. Очевидно, на нем покоился когда-то тот внешний Кок-Гумбаз («Голубой купол»), название которого носит до наших дней мечеть, хотя сам купол уже давно исчез. На барабане местами сохранились остатки надписи, выложенной из глазурованных кирпичей; сверху и понизу ее обрамляли майоликовые бордюры. Надпись религиозного содержания исполнена плавными очертаниями почерка сульс, что в общем-то противоречит геометризму кирпичного набора всего остального декора.

Главный вход в мечеть ведет с восточной стороны и подчеркнут высоким порталом. В его оформлении преобладают геометрические орнаменты, исполненные кирпичной мозаикой, в облицовке угловых колонок, тимпанов арки и полосах надписей использована майолика. Стены интерьера покрывает белая штукатурка; в полосе под куполом видны следы обводившей его надписи (белые буквы на синем фоне).

К центральному объему мечети Кок-Гумбаз с двух сторон когда-то примыкали галереи ее летних отделов. На боковых фасадах видны очертания четырехпролетной аркады и верхние выходы, отмечающие уровень крыш. Археологические

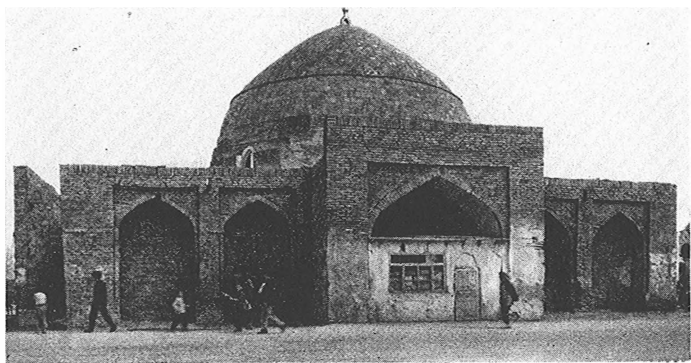

63. Чорсу. Купол в интерьере

расчистки выявили кирпичные отмыски полов и основания квадратных пилонов, поддерживавших арки, между которыми были переброшены многочисленные куполки.

Мечеть Кок-Гумбаз, возведенная при медресе Дор-ут-Тилляват, предвозвещает композицию мечети при медресе Тилля-Кари на самаркандском Регистане, более монументальной и богато декорированной, но в общем повторяющей тот же архитектурный тип.

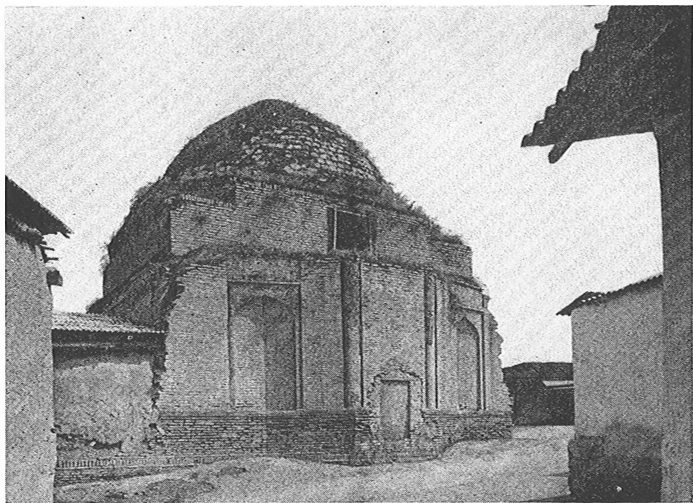
Спустя два года после строительства мечети, в 1437/38 году, у южной стены мавзолея Куляля Улугбек сооружает усыпальницу («макбарат») для сородичей и потомков; об этом троекратно возвещает надпись, обводящая поверху стѣны ее интерьера. Внутри усыпальницы находится несколько мраморных надгробий XV—XVII веков, принесенных сюда когда-то

64. Чорсу. Общий вид

с соседнего кладбища (илл. 59); на них упомянуты имена термезских сейидов. Отсюда происходит позднее наименование этого памятника — Гумбази-Сейидан («Купол Сейидов»).

Макбарат очень строен в своих пропорциях как снаружи, так и в интерьере. Над почти кубическим нижним объемом покоится высокий четверик со срезанными углами и на нем цилиндрический барабан, поддерживавший наружный сфероконический купол, сохранившийся лишь в нижней своей части. Некогда он был связан с внутренним куполом шестью радиальными «ребрами жесткости». Здание обращено было с западной стороны во дворик порталом; на устоях его видны остатки декора из синих, голубых и белых глазурованных кирпичиков на фоне притертого строительного кирпича с углубленным выделением швов. В той же технике исполнены и об-

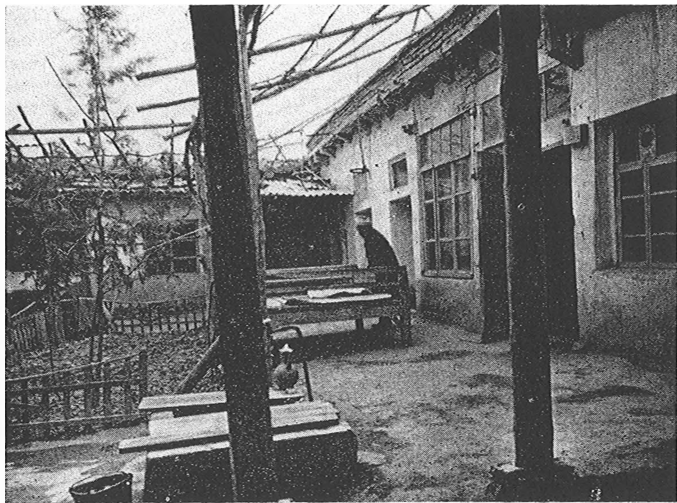

65. Мечеть. XX в.

лицовки барабана, где проходила надпись коранического содержания. Купол, очевидно, был голубым.

В интерьере усыпальницы возвышенные прямоугольники стен расчленены стрельчатыми арками в П-образных рамах, над ними — зона восьмигранника подкупольных арок, парусов и ниш, далее — дынеобразно вытянутый купол.

В основании стен проходила панель (возможно, из мраморных плит). Стрельчатые оконца, устроенные в верхних и нижних арочных нишах, давали много света даже тогда, когда были забраны узорными решетками-панджара. Это позволяло хорошо разглядеть орнаментальные росписи, почти сплошь покрывающие стены, софиты арок, купол. Росписи исполнены синим по белому фону, а местами введены цветные удары красным кизыл-кессяком (род ярко-красной глины). Орнамент

66. Дворик жилого дома. 1870-е гг.

в основном геометрический и эпиграфический, но внутри многогранных и звездчатых фигур гириха нанесены в свободной манере стилизованно-растительные узоры или просто завитки. Среди них обращает внимание мотив пышнокронного дерева; подобная передача деревьев встречается на некоторых миниатюрах XIV—XV веков.

Мавзолей Шамседдина Куляля и макбарат Улугбека образуют оригинальную двухпортальную и двухкупольную группу смежных усыпальниц. И эти мавзолеи, и мечеть-джума, и сохранившаяся дарсхана с погребением эмира Тарагая объединялись в целостном ансамбле обстройкой замкнутого двора медресе Дор-ут-Тияват. На фундаментах его в 1910 и 1917 годах были основаны худжры позднего по времени медресе, частично сохранившиеся и в наши дни.

Между двумя мемориальными ансамблями Шахрисябза — Дорус-Сиадат и Дор-ут-Тилият — располагалось кладбище местной знати и духовенства. Его прекрасные резные мраморные надгробия XV—XVII веков теперь хранятся возле мавзолея Джехангира.

В центре Шахрисябза у старинного (но и современного) базара стоит кирпичная пятикупольная постройка. Это традиционный на феодальном Востоке крытый рынок-чорсу. Термин «чорсу» в переводе означает «четыре потока»; им обозначали базарное сооружение, возведенное на пересечении главных рыночных магистралей.

Здание в плане крестообразно: центральный квадрат и сильно выдвинутые по осям порталы (илл. 62, 64) — они как бы вбирали в свое русло поток пешеходов, всадников, груженных арб. Внутри него — восьмерик со входами в угловые помещения; в них и по периметру восьмерика были размещены многочисленные лавки и прилавки. В композиции господствует обширный и высокий центральный купол, сфундамент которого покоится на переходном восьмиграннике; еще четыре купола воздвигаются над проездами. Восемь окон на гранях главного купола дают достаточный доступ света, но они и не чрезмерно велики, благодаря чему внутри регулируется тепловой режим.

Время возведения шахрисябзского чорсу пока не уточнено; основываясь на конструкциях (ярус ниш и угловых парусов с восемью промежуточными щитовидными парусами), его можно было бы отнести и к XV веку. Но грубоватые кладки и отсутствие каких-либо элементов декора уже очень контрастируют при сопоставлении с постройками Тимура и Улугбека. Возведение чорсу, возможно, приходится уже на XVII век.

Среди других гражданских сооружений в Шахрисябзе интересна баня. Она функционирует доныне, но восстановлена на древней основе XV века. Баня обогревается сетью подпольных каналов (канов) и включает помещения для мытья горячей и прохладной водой, массажные, подсобную группу — вестибюль, раздевалки, а когда-то также комнату для кейфа и даже небольшую мечеть. Перекрытия ее — сводчато-куполь-

ные. Часть куполов была переложена при ремонте бани лет тридцать тому назад.

Помимо прославленных памятников XIV—XV веков в Шахрисябзе есть ряд небезынтересных построек традиционной архитектуры, созданных в сравнительно недавние годы. Квартальная мечеть Казы-Гузар (ей около семидесяти лет) сохранила интересный летний айван на деревянных колоннах с фигурными подбалками. Ханака Малик-Аждара (1911) представляет комплекс строений, группировавшихся вокруг двора. Самое значительное из них — зимняя ханака, купол которой господствует над крышами всех соседних кварталов.

Старинные жилые дома Шахрисябза (их сохранилось немного, притом в большинстве они уже перестроены) составляют особую типологическую группу в архитектуре народного узбекского жилища. Для их планировки характерно расположение вокруг двора как бы секций из двух комнат, сблокированных небольшим промежуточным одноколонным айваном. Дома обычно двухэтажные. На внешних фасадах нижний этаж сделан глухим, а верхний, вынесенный вперед на консольных балках, имеет окна и завершен карнизом. Нередко во втором этаже дома устраивается сквозная либо замкнутая с торца лоджия (шипанг), выведенная в простой каркасной конструкции с одной или с тремя стойками. Этот пространственный элемент, столь комфортный в условиях жаркого климата, архитектурно нарушает ту внешнюю замкнутость, которая присуща жилищу на Среднем Востоке. Во внутреннем двореке шахрисябзского дома обязательно поднимаются виноградные лозы, одно-два фруктовых деревца (илл. 66—68).

Иногда гостиная дома — михманхана имеет расписной потолок; вообще же оформление местных домов очень скромно. Но при всей простоте отделки, отсутствии богатого декора шахрисябзскому жилищу присущи органическое единство назначения здания и его общеконпозиционной разработки, чувство пропорций и форм.

Архитектурная слава Шахрисябза связана с романтическими руинами его монументальных памятников. Когда-то во дворце Ак-Сарай была начертана горделивая надпись, с которой Тимур как бы обращался к современникам и потомкам: «Если ты сомневаешься в нашей силе и могуществе, — взгляни на наши постройки!» Но, созерцая руины шахрисябзских памят-

ников, какое нам дело до тщеславия миродержца? Для нас они звучат как гимн тем мастерам, чей творческий гений вознес эти величественные порталы, своды, купола и в потоке неистощимой фантазии насытил архитектурные поверхности причудливыми узорами.

Х И В А

ГОРОД. История Хивы насчитывает тысячу лет, но архитектурный облик города (а он-то особенно ценится и знатоками и рядовыми туристами) оформился в основном с конца XVIII до начала XX века. Хива — это даже не столько собрание выдающихся архитектурных памятников, сколько замечательных ансамблей. В сущности, весь этот старинный город представляет собой целостный и компактный архитектурный ансамбль, подобного которому в Средней Азии нет.

Если окинуть взглядом центральную укрепленную часть Хивы, именуемую Ичан-калою, с гребней крепостных стен, а еще лучше — с одного из минаретов (или, как принято говорить, «с высоты птичьего полета»), она предстанет прежде всего в ритмическом повторе жилых домов с квадратными колодцами внутренних дворов и возвышенными объемами одноколонных уллу-айванов, как правило, обращенных на север. Среди этого конгломерата жилищ, слагающих плоть самого города, вздымаются глухие стены и высокие порталы, купольные скуфы и арочные ниши монументальных зданий, которые связаны между собой то ритмическими цепочками куполов, то взаиморасположением объемов на единых осях, то красными линиями идущих с надломами улочек. А если проществовать по этим улочкам, город будет раскрываться в поразительном разнообразии объемно-пространственных композиций и все новых и новых точек их обозрения, возникающих как хорошо продуманные кинокадры. Создавая ансамбли или вводя в них новые здания, хивинские зодчие всегда имели в виду общий градостроительный эффект, достигая его порой расчетом, а чаще полагаясь лишь на интуицию.

Исторические сведения о Хиве как небольшом, но важном по своей роли и местоположению хорезмском городке на левобережье Амударьи восходят к X веку. Раскопки также выявили в восточной части Ичан-калы археологические остатки IX—X веков, скопившиеся над материковыми песчаными наносами реки. В X веке безымянный восточный автор книги «Границы мира» пишет, что «Хива — маленький городок, обнесенный стеной, относящийся к Ургенчу». Однако, по словам арабского географа той же поры ал-Мукаддаси, — «Хива, на краю пустыни, это обширный город, он на канале из реки, в нем благоустроенная соборная мечеть». Кажущееся проти-

воречие иранского и арабского источников можно объяснить тем, что один имеет в виду лишь укрепленное ядро — шах-ристан Хивы — Ичан-калу, а второй также ее пригород Дишан-калу и округу.

Роль небольшого, но хорошо укрепленного города Хива сохраняет на протяжении XI—XII веков. Как и весь Хорезм, она претерпела в начале XIII века бедствия, вызванные монгольским нашествием, но в период подъема расположенного неподалеку золотоордынского Ургенча, который в XIV веке становится одним из самых обширных и цветущих городов Средней Азии, Хива входит в орбиту внимания ургенчских правителей. В ней осуществляется новое строительство, запечатленное в некоторых дошедших до наших дней памятниках архитектуры. В XV веке Хива хорошо укреплена; в 1463 году ее тщетно пытался взять приступом тимурид Султан-Хусейн Байкара.

Политическое значение Хивы возрастает с XVI века: она становится главным городом над пятью другими укрепленными городами области южного Хорезма, именовавшейся Беш-кала («Пять укреплений», — имеются в виду Хазарасп, Ханках, Новый Ургенч, Кят и Шахабад). Однако вследствие бесконечных войн экономическое состояние Беш-калы в XVI—XVII веках было бедственным. В XVII веке Хива становится центром самостоятельного Хивинского ханства. Но, несмотря на это, строительная деятельность в столице ограничивается в основном поддержанием в хорошем состоянии ирригационных систем и оборонных сооружений и возводится лишь несколько далеко не первоклассных монументальных зданий. В XVIII веке из-за непрекращающихся междоусобий, голода и, наконец, чумы городская жизнь в Хиве почти замирает: в 1760-х годах, по свидетельству очевидца, «в Хиве, кроме со-рока бедных семейств, никто не жил. Пятничная молитва большей частью совершалась в присутствии трех-четырех человек. Внутри города стал цвести тамариск, а в разрушивающихся домах поселились дикие животные».

С приходом в начале XIX века к власти ханов из династии Кунградов и известной стабилизации при них политической жизни и экономики положение изменяется. Эти перемены ознаменованы и подъемом активной архитектурной деятельности. Весь XIX век проходит в Хиве под знаком бурного

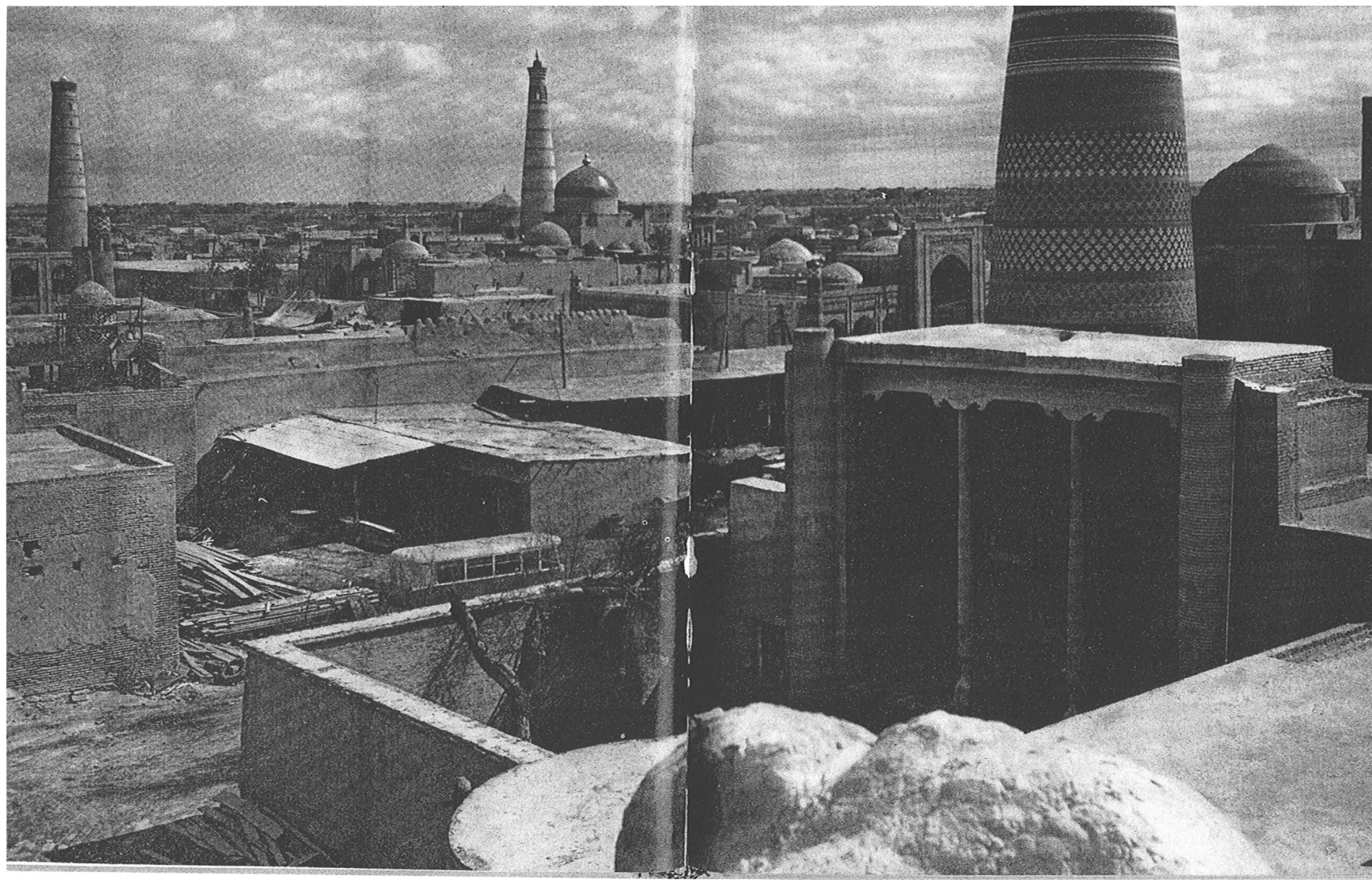
строительства; оно продолжается и в пору вхождения Хивинского ханства под протекторат России. Внутри Ичан-калы выделяется и окружается укреплениями цитадель Куныя-Арк, внешняя зона города — Дишан-кала также обводится особым кольцом крепостных стен. Наряду с фортификационными сооружениями в Хиве по распоряжению ханов возводятся монументальные здания — дворцы, мечети, медресе, рыночные постройки, причем строительство ведется и вне городской черты, в ханских поместьях и в усадьбах богатых землевладельцев. Повсюду быстро восстанавливается жилой фонд.

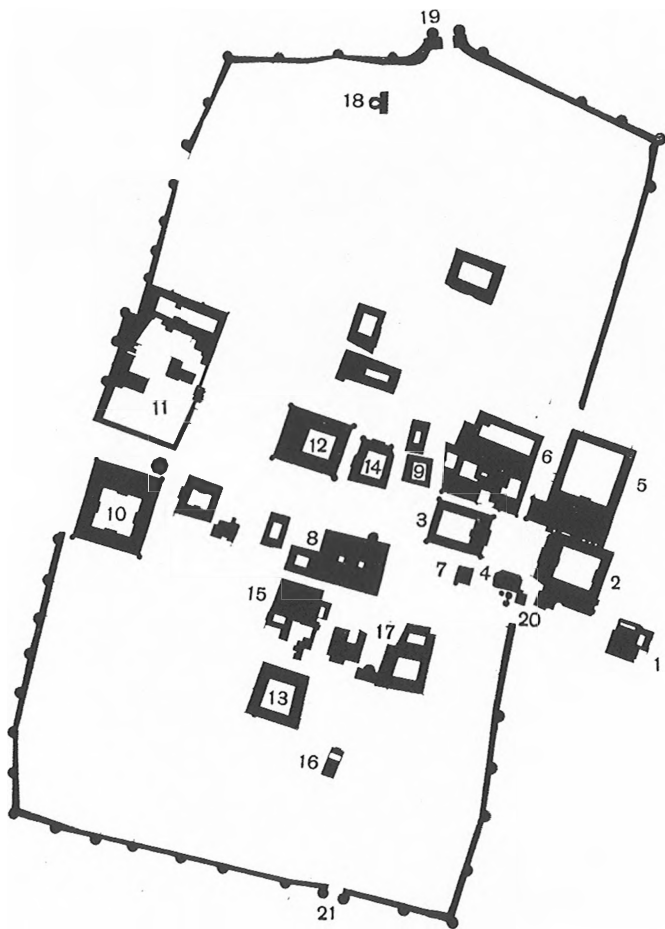
Уже в 1822 году российский посол Никита Муравьев так описал свое впечатление при подъезде к Хиве:

«Не доезжая 5 верст до города начинаются сады, в коих поделаны улицы и видно множество крепостей, в которых живут помещики. Перед въездом в город вид становится очень приятен. Высокая каменная окружающая его стена, над коей возвышается огромный купол мечети бирюзового цвета с золотым шаром, и множество садов, не позволяющие даже видеть его обширности, представляют прекрасную картину — не доезжая оного видно множество древних могил; небольшой канал протекает поперек дороги; на нем выстроены прекрасные каменные мосты».

Почти такой, за зеленью садов, в твердых стен Ичан-калы, с вздымающимися за ними минаретами и бирюзовым куполом мавзолея Пахлавана Махмуда, воспринимается Хива при подъезде и доньне.

В силуэте Хивы господствует ее изначальное историческое ядро, Ичан-кала, обнесенная теперь уже оплывшими крепостными стенами, вокруг которых когда-то был ров. Эти стены в основном глинобитные, они укреплены отлогими башнями полукруглой формы. На скате южной стены Ичан-калы когда-то было устроено кладбище, еще и сейчас здесь намогильники-саганы теснятся одна к другой. Ичан-кала в плане прямоугольна, ее пересекают крест-накрест две главные магистрали, идущие с некоторыми изгибами от одних городских ворот к другим. Ворота были выделены укрепленными привратными постройками; северные именовались Бахча-дарваза, или Ургенч-дарваза, восточные — Палван-дарваза,

южные — Таш-дарваза, западные — Ата-дарваза. Ичан-калу окружает укрепленный пригород Дишан-кала. Стена, опоясывавшая ее, сохранилась лишь кусками; когда-то в ней располагалось одиннадцать ворот, из которых шесть были укреплены башнями-гульдаста и имели крытые купольные проходы. За стенами Дишан-калы тянулась сельская зона, но и здесь помимо байских усадеб и крестьянских домов местами также высились крупные архитектурные сооружения.

ДЖУМА-МЕЧЕТЬ. Средневековых архитектурных памятников времени основания Хивы в городе пока не обнаружено — остатки их, очевидно, погребены под позднейшими археологическими напастованиями. Заслуживает внимания свидетельство географа ал-Мукаддаси о хивинской «благоустроенной соборной мечети». Оно дополняется сведениями о гибели столицы средневекового Хорезма, Кята, располагавшегося на правом берегу Амударьи. В Кяте среди рынков стояла соборная мечеть с деревянными колоннами на высоких базах из темного камня. Уже к середине X века город был наполовину смыт рекой; наступление на него Амударьи (которую арабы недаром называли Джейхун — «Бешеная») продолжалось и в дальнейшем, и потому столица была переведена в Ургенч (ныне городище Куня-Ургенч). Колонны же Кятской мечети, согласно историческому свидетельству, были тогда перенесены в Хиву.

Доныне почти в центре Ичан-калы располагается многоколонная Джума-мечеть (илл. 75) — главная городская мечеть, предназначенная для многолюдных пятничных молений. Исследователи долгое время предполагали, что она и представляет ту древнюю хивинскую мечеть, в которую попали кятские колонны. Однако археологические вскрытия показали, что стены и полы Джума-мечети — не раньше конца XVIII столетия; на южных же дверях ее сохранилась и дата строитель-

70. Ичан-кала. План:

1 — мечеть и медресе Сеид-бия; 2 — медресе Аллакулихана; 3 — медресе Кутлуг-Мурад-инак; 4 — бани Ануша-хана; 5 — караван сарай и тим Аллакулихана; 6 — Таш-хаули; 7 — Ак-мечеть; 8 — Джума-мечеть; 9 — мавзолей Сейида Алауддина; 10 — медресе Мухаммед Амин-хана и минарет Кальтаминар; 11 — Куня-Арк; 12 — медресе Мухаммед Рахим-хана; 13 — медресе Ширгазихана; 14 — медресе Араб-хана; 15 — комплекс Пахлаван-Махмуда; 16 — мечеть Багбанлы; 17 — медресе и минарет Ислам-Ходжа; 18 — Хейван-колодец; 19 — ворота Бахча-дарваза; 20 — ворота Палван-дарваза; 21 — ворота Таш-дарваза

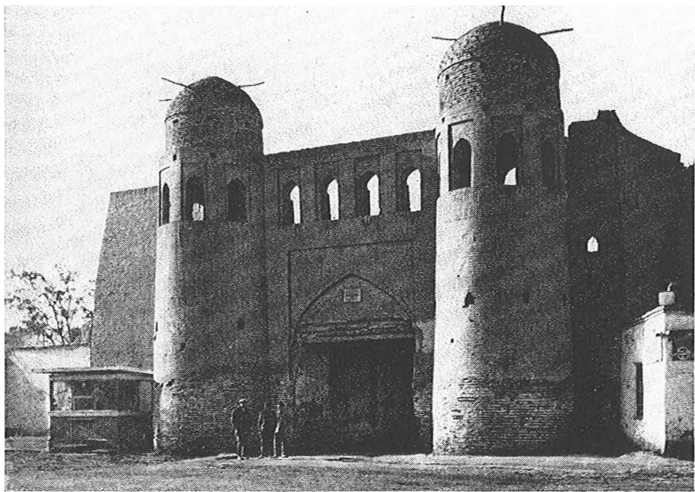
ства — 1788/89 год. И все же именно Джума-мечеть является местом сосредоточения наиболее ранних архитектурных памятников Хивы. Ибо в ней были использованы колонны из каких-то более древних зданий, скорее всего именно из старинных мечетей, так как употребление колонн из мечетей в бытовом строительстве у мусульман считается святотатством. При их установке одни пришлось укоротить, другие — увеличить при помощи высоких баз. Многие колонны были вытесаны заново, их форма повторяла древнейшие образцы, но резьба уже была иной.

Слегка трапециевидное пространство мечети (55 × 46 м), вытянутое с востока на запад, обнесено кирпичными стенами. Его заполняло двести двенадцать колонн, поддерживавших балочную кровлю. (Сейчас многие из них перевезены в различные музеи.) Колонны очень стройны, вытесаны из высоких древесных стволов; сверху они заканчиваются капителями (илл. 77), а в основании — шаровидным элементом кузаги, опертым посредством шарнирного стержня на фигурную базу. Поверхность колонн покрыта орнаментальной резьбой (илл. 78).

На колоннах покоятся крестовидные подбалки, по ним переброшены прогоны, образующие клетки плоского потолка, в которых местами оставлены световые люки. Потолок приподнят у михраба, ниша его перекрыта ганчевым полукуполом, а по обе стороны нанесена роспись с цветами ириса и шиповника.

Свет, пробиваясь сквозь световые фонари, вырывает из тьмы близко расположенные колонны, другие тонут в полумраке, и лес их, уходящий вглубь, кажется не имеющим границ (илл. 76). Мечетей, подобных хивинской, в Средней Азии нет. В ней запечатлен очень архаичный тип культового мусульманского здания, предназначенного вместить большое число горожан. В условиях хорезмийского климата с его резкими перепадами летних и зимних температур Хива нуждалась именно в мечети такого закрытого типа.

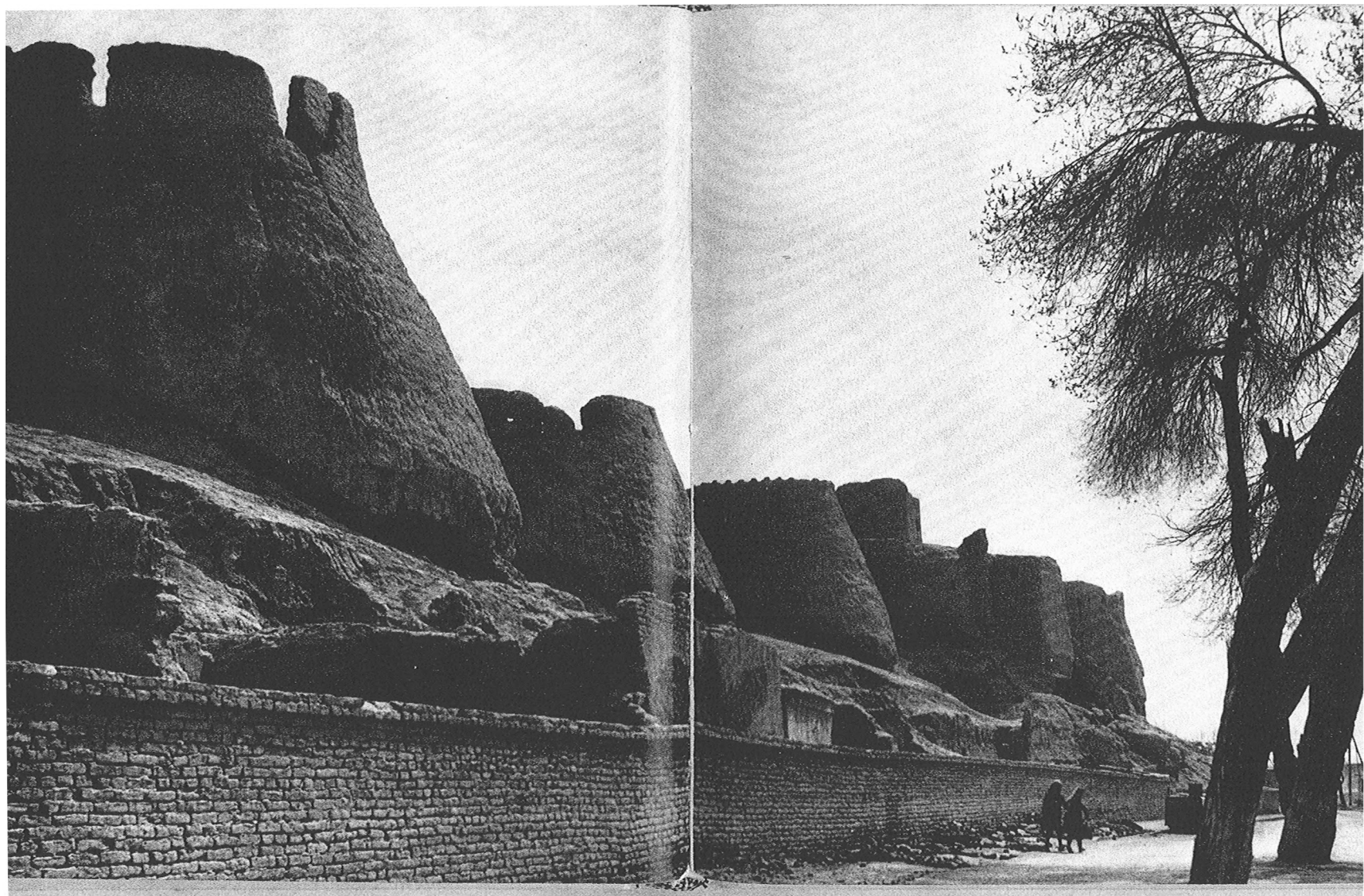
Древние колонны Джума-мечети, которых насчитывается двадцать пять, датируются временем от X до XVI столетия и дают наглядную картину эволюции этой архитектурной формы и ее декора на протяжении веков. На колоннах X—XI веков преобладает глубокая резьба с гладким фоном, абстрактным орнаментом, в основе которого лежат S-образные элементы,

71. Ворота Бахча-дарваза

и с арабскими надписями строгого, геометризванного почерка куфи; на одной из них упомянуто, что колонна выполнена по распоряжению факиха (законоведа) Абул-Фадл-Мухаммеда Ляйса. Резьба колонн XI—XII веков более плоская, ее геометрические мотивы имеют стилизованно-растительное заполнение, а надписи исполнены цветущим куфи. На колоннах XV—XVI веков (на одной из них сохранилась точная дата — 1510) — резьба глубокая, с вогнутым контуром, преобладает растительный орнамент, надписи исполнены гибким несхи на фоне растительных побегов.

МАВЗОЛЕЙ СЕЙИДА АЛАУДДИНА. Еще одним древним архитектурным памятником Хивы является мавзолей над

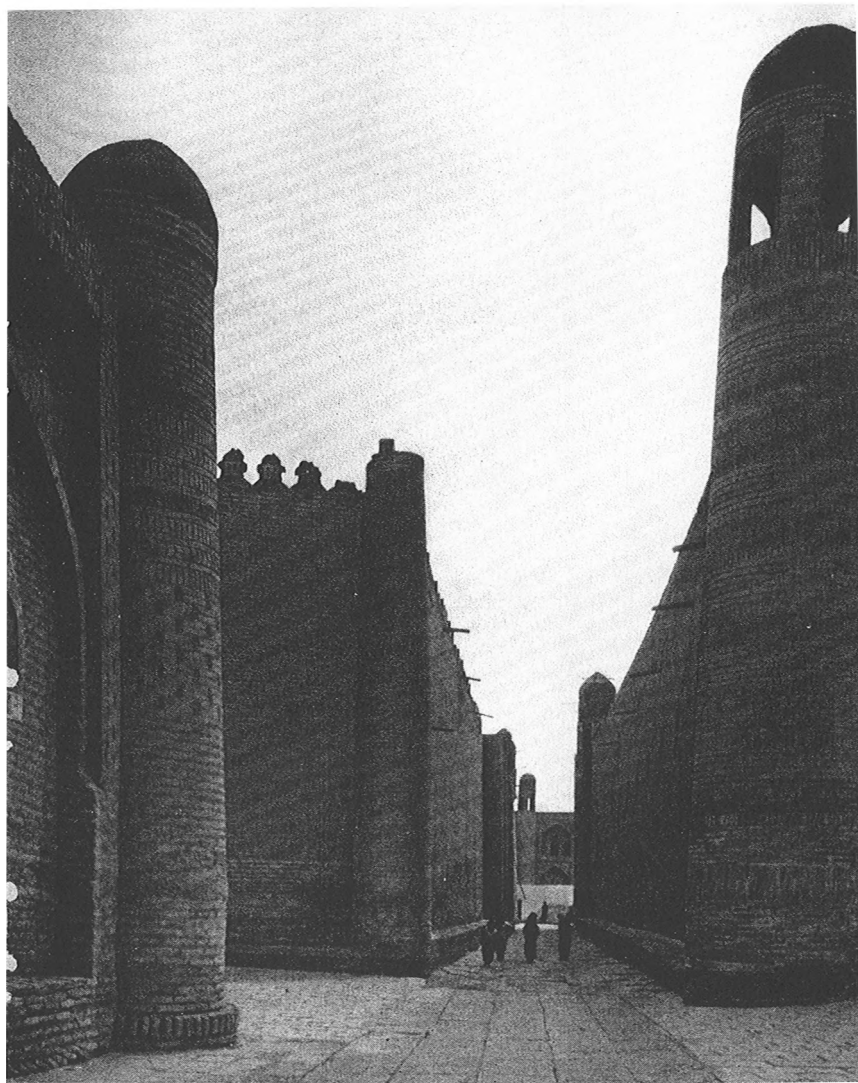

погребением видного местного шейха Сейида Алауддина (ум. в 1303 г.). Первоначально это была небольшая квадратная в плане усыпальница-гурхана. Встроена она из жженого кирпича, перекрыта стрельчатым куполом, основаным на восьмигранной переходной конструкции с консольно-сталактитовым заполнением внутренних углов. Главный фасад ее был выделен арочным входом и облицовками резной терракоты (фрагменты их найдены при раскопках). Внутри мавзолея стоит надгробие-сагана, сплошь украшенное майоликой — подлинный шедевр архитектурной керамики XIV века. Основные тона изразцов — синий, белый, голубой, светло-зеленый, рисунку на них отчеркнут черными контурами и имеет легкий рельеф. Преобладают растительные мотивы, состоящие из сплетений стилизованных стеблей, листья и пышных цветов, имеются также надписи, начертанные гибкой лигатурной вязью; в последних приведен тарих — зашифрованная словесная дата смерти шейха. Майолики надгробия Сейида Алауддина чрезвычайно близки к изразцовым облицовкам намогильника Наджмеддина Кубра в Куня-Ургенче (30-е гг. XIV в.); вероятно, к их выполнению были привлечены прославленные ургенчские мастера.

Со временем мавзолей стал местом мусульманского культа, и с западной стороны его был пристроен более крупный по своим размерам портално-купольный объем зиаратханы (зала поминовений). Обе постройки постепенно были окружены могилами (илл. 79).

По распоряжению Аллакулихана в 1825 году памятник был капитально отремонтирован. В надписи, нанесенной при этом ремонте, строителем мавзолея назван шейх Амир-Куляль. Поскольку он скончался в 1370/71 году, некоторые исследователи относят датировку мавзолея Сейида Алауддина к последней трети XIV века. Однако жизнь и деятельность Амир-Куляля протекала в далекой от Хивы Кашка-Дарьинской области, он скончался и был захоронен в Шахрисябзе, а в Хорезме никогда не бывал.

Архаизирующий тип этой одиночной центрической усыпальницы, археологические материалы, полученные при раскопках, изразцовый декор надгробия — все это дает основания

считать, что мавзолей и надгробие были поставлены вскоре после смерти Сейида Алауддина, то есть в первой трети XIV века, отмеченной блистательным расцветом строительной и архитектурно-декоративной школы золотоордынского Ургенча.

МЕЧЕТЬ БАГБАНЛЫ. XIV или XV столетиями датируются колонны мечети Багбанлы (илл. 81). Эта небольшая гузарная (квартальная) мечеть, полы которой лежат намного ниже уровня проходящей рядом улочки, имеет прямоугольное зимнее помещение, перекрытое куполом, и глубокий двухколонный айван с михрабами на щековой стене, служивший летней мечетью.

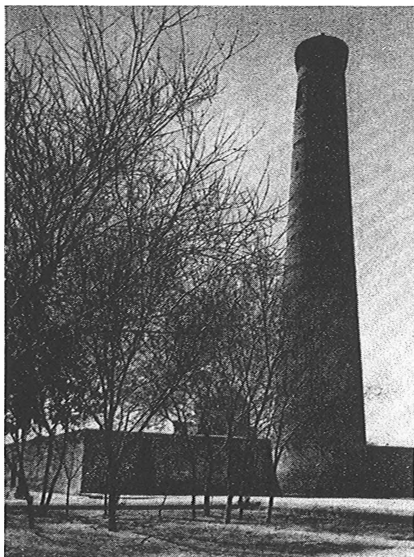
В надписях, сделанных на айване, сохранилось имя зодчего этого памятника — Пахлаван-Кули и дата его возведения — 1809 год. Входная дверь покрыта отличной орнаментальной резьбой, которую выполнил мастер Руз Мухаммед бини Аджина-Мухаммед (илл. 82).

Особый интерес представляют деревянные колонны айвана на каменных базах. Они гораздо древнее, чем сама мечеть. Колонны выполнены в сильных пропорциях, очень высокие, с крупным шаровидным элементом (кузаги). Стволы и капители их почти сплошь покрывает резьба (илл. 83), в которой богатая растительная орнаментация сочетается с эпиграфическими поясами. Капители раструбом расширяются к подбалкам с волютообразными завитками (илл. 84).

Стилистически колонны восходят к XIV—XV векам и либо были перенесены во время сооружения мечети Багбанлы из какого-то более древнего здания, или сохранились от существовавшей здесь ранее мечети, полностью перестроенной в начале XIX века.

МЕДРЕСЕ ШИРГАЗИХАНА. В XVI — начале XVII века в Хиве было воздвигнуто несколько монументальных зданий: медресе Араб-Мухаммеда (1616), мечеть и бани Анушахана (1657), медресе Хурджум (1688), медресе Ширгазихана (1718—1720), но вслед затем строительная деятельность в городе почти на столетие замирает.

Типичным творением этой упадочной эпохи является медресе Ширгазихана. История его возведения сама

75. Джума-мечеть и минарет.
1788/89. Общий вид

76. Джума-мечеть. Интерьер

отражает трагические события времени. Сооружение медресе было начато после грабительского похода Ширгазихана на Мешхед, откуда он увел в плен пять тысяч обращенных в рабство персов. Им было обещано возвращение на родину после завершения строительства медресе, но сроки окончания все откладывались, и, придя в отчаяние, рабы убили хана в самом же медресе.

Градостроительное расположение медресе Ширгазихана крайне неудачно — здание возведено в обрыве, у проходящей рядом улочки. Разница уровней, достигающая 20 метров, объясняется тем, что некогда здесь тянулась средневековая городская стена со рвом.

Медресе Ширгазихана — одно из самых крупных в Хиве (50 × 43 м.). Оно имеет квадратный двор, обстроенный в один

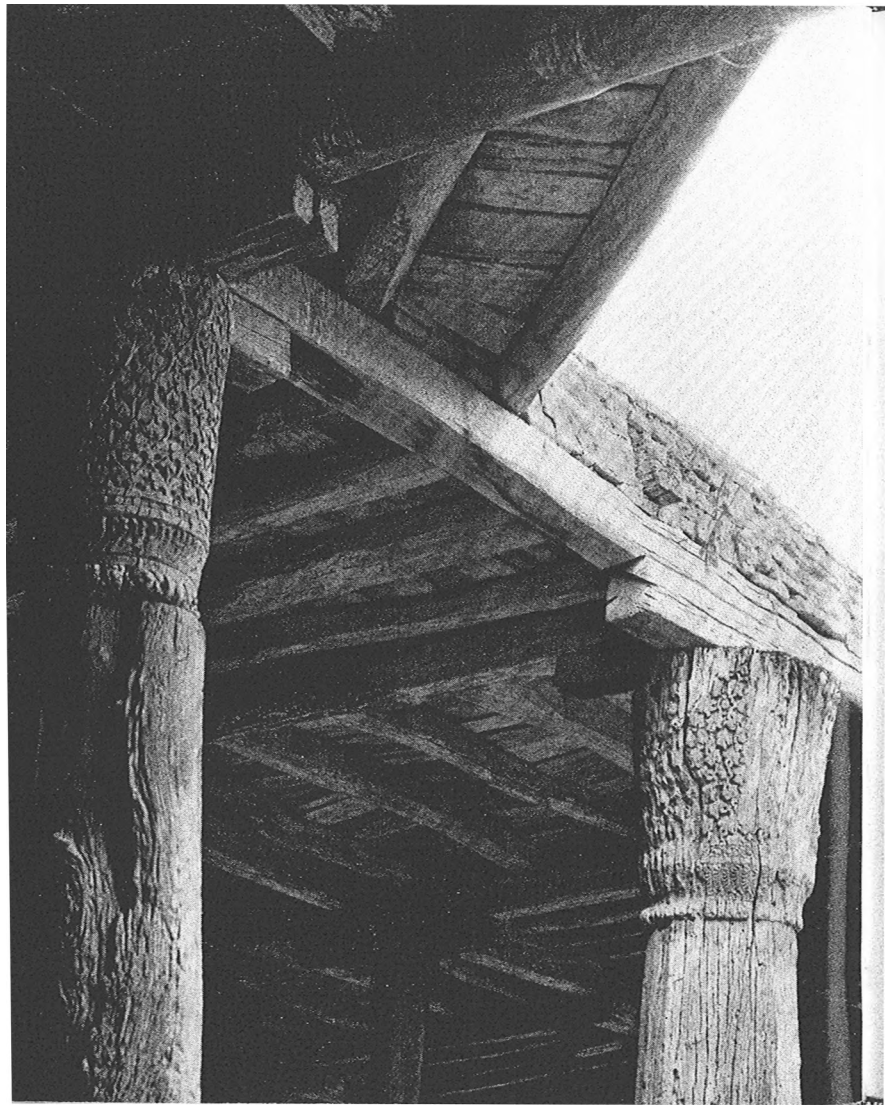

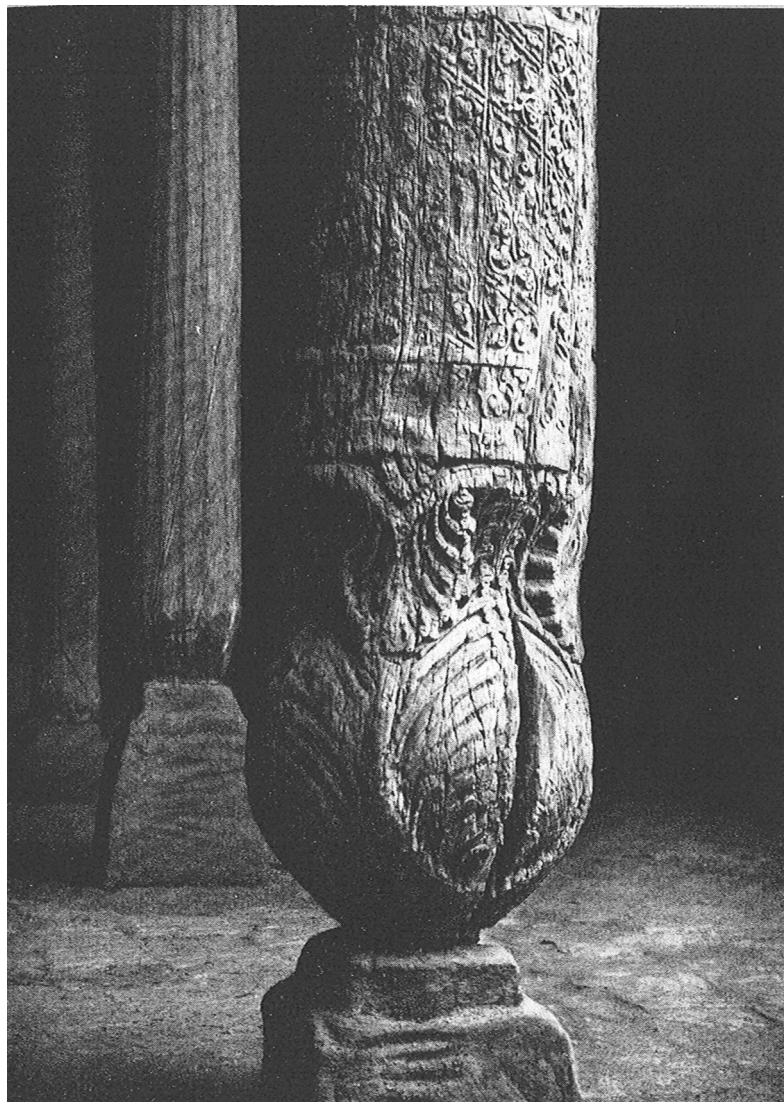
этаж худжрами (кельями), фасадная же часть с вестибюлем, дарсханой и мечетью выделена двумя этажами лоджий и возвышенным входным порталом. Конструкции медресе упрощены, архитектурные формы разностильны, никаких элементов декора нет. С западной стороны к зданию примыкает купольная постройка — мавзолей Ширгазихана. Вокруг всего комплекса со временем выросли многоярусные захоронения и отвалы строительного мусора.

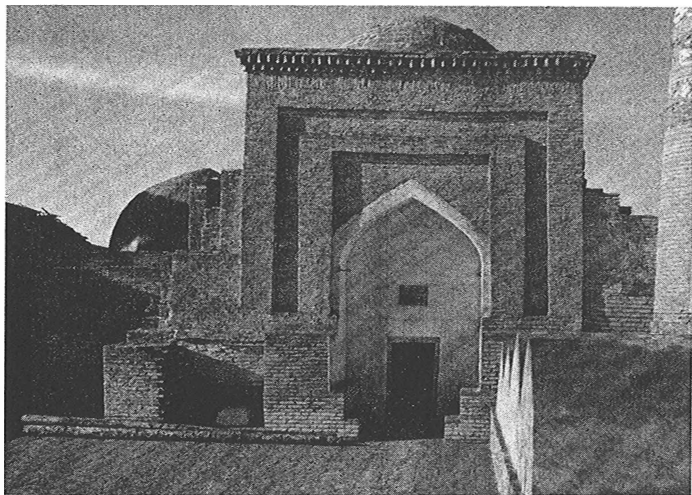
Мемориальное значение медресе Ширгазихана состоит в том, что в середине XVIII века в одной из его убогих худжр проживал, предаваясь радостям приобщения к книжной муд-

77. Перекрытие в интерьере Джума-мечети

78. Колонна в интерьере Джума-мечети. Фрагмент →

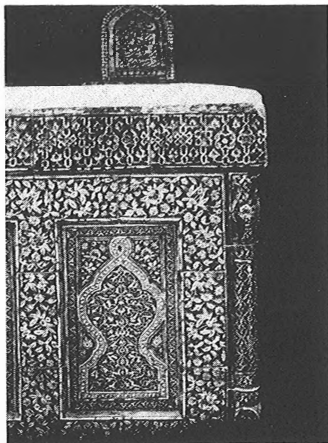
рости и поэтическому творчеству, выдающийся туркменский поэт Махтумкули, позднее посвятивший своим хивинским годам прочувствованные строки:

«Три года, что ни день, ты соль делил со мною, —
Прости, я уйду, прекрасный Ширгази!
Ты мне приютом был зимою и весной, —
Прости, я уйду, прекрасный Ширгази!
Я буду жить, врага и друга различая,
Мне истина теперь — союзница святая;
Была мне книга здесь открыта золотая.
Прости, я уйду, прекрасный Ширгази!»

АРХИТЕКТУРА ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОЙ ХИВЫ. Вслед за бесплодным семидесятилетием в Хиве, со времени прихода к власти Кунградских ханов, начинается бурный подъем строительной деятельности. На протяжении конца XVIII — первой половины XIX века возводится множество монументальных со-

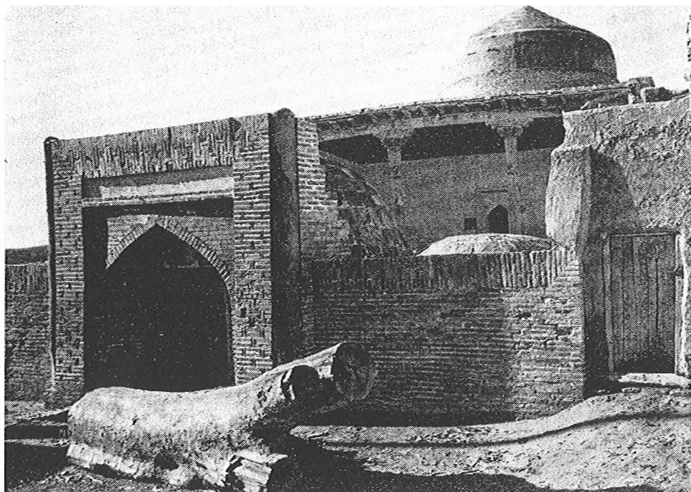
79. Мавзолей Сейида Алауддина.
Начало XIV в. Общий вид

80. Надгробие-сагана в интерьере
мавзолея Сейида Алауддина. XIV в.
Фрагмент

оружений и огромное число жилых домов. Среди сохранившихся памятников этой поры особенно примечательны: застройка Куня-Арка, архитектурные ансамбли зданий у восточных ворот Ичан-калы (конец XVIII — первая половина XIX в.) и у ворот Палван-дарваза (с 1806/07 по 1832/33 гг.), у мавзолея Пахлаван-Махмуда (1810—1825), здание медресе Кутлуг-Мурадин (1804—1812), постройки Аллакулихана — особенно дворец (1830—1838), караван-сарай и тим (1832/33), медресе (1834/35), Ак-мечеть (1838—1842), мечеть и минарет Сеитбая (1842), медресе Мухаммед Амин-хана (1851/52) с минаретом Кальта-минар (1855), медресе Абдуллахана (1855).

Монументальная архитектура Хивы XIX века синтезирует две тенденции. Одна ведет свое начало от классических традиций средневекового хорезмского зодчества, другая — от тех живых народных истоков, которые проявлялись особенно ярко в практике хивинского жилого строительства. Конструктивно-техническая и, соответственно, архитектурно-образная

81. Мечеть Багбанлы. 1809. Общий вид

основа их была различна. Первая запечатлена в постройках из жженого кирпича, с применением сводчатых перекрытий, вторая — в зданиях с глинокаркасными стенами, колонными айванами и балочными перекрытиями. Лучшие хивинские зодчие виртуозно владели и той и другой строительной системой, но в среде их была и определенная специализация — одни славились мастерством выведения сводов и куполов, другие — плотничным делом и тонкой резьбой по дереву, третьи — резьбой на камне, четвертые — изготовлением и нанесением майоликовых облицовок.

Народная память и мастерство стойко сохранили и пронесли через годы бедствий приемы и навыки орнаментального искусства. Оно умеренно вводилось в убранство жилых домов и с исключительной щедростью — в архитектуру хивинских дворцов и иных парадных сооружений.

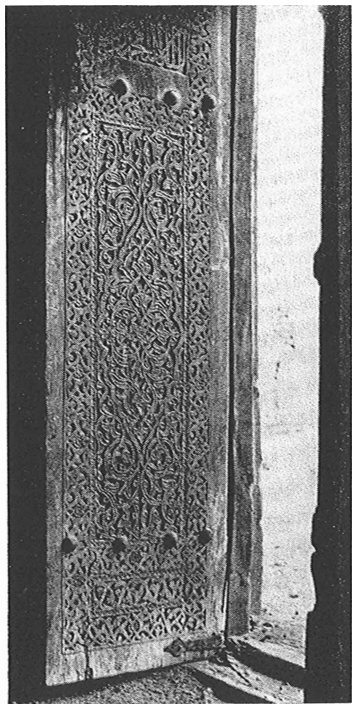
Орнаментация насыщает в хивинской архитектуре деревянные детали — колонны, двери, потолки, каменные формы — базы, постаменты. В оформлении стен айванов и парадных залов использовался резной, с окраской, ганч. В украшении стен, но особенно потолков, применялись многокрасочные росписи. В облицовку стен нередко входили изразцы. Изразцовый декор поздней хивинской архитектуры вводился в виде цветных кирпичиков и поливных плиток, но особенно выразительны в нем майоликовые покрытия. Квадратные или шестигранные плитки расписной майолики плотно пригонялись одна к другой, образуя сплошные орнаментальные панно, в которых даже на близких расстояниях узор вырисовывается как целостный, непрерывно развивающийся мотив.

Хивинские мастера отлично владели искусством построения геометрического орнамента — гириха, но предпочитали стилизованно-растительные мотивы, придерживаясь в этом отношении стародавней хорезмской традиции. Умение совмещать узоробразующие элементы в разнообразных сочетаниях создавало исключительное богатство орнаментальных композиций; выявлением же фактуры самих материалов и применением соответственно различной техники обработки достигалось совершенно различное их восприятие.

Один из главных мотивов хивинского узора составляет спиралевидный побег с исходящими из него гибкими листьями, которые то завершаются завитком, то переходят в новую спираль или в фигурный медальон (мадохиль, турундж). Узор этот удивительно динамичен как по построению, так и благодаря нанесению его легкими, живыми, то утоняющимися, то расширяющимися линиями.

Цветовая гамма хивинских изразцов ограничена — в расписных майоликах это синий фон, очеркнутый черным контуром белый узор и отдельные удары ярко-голубым. Настенные и потолочные росписи отличаются иной, более жаркий колорит с применением густо-красных тонов при общей многоцветности узора.

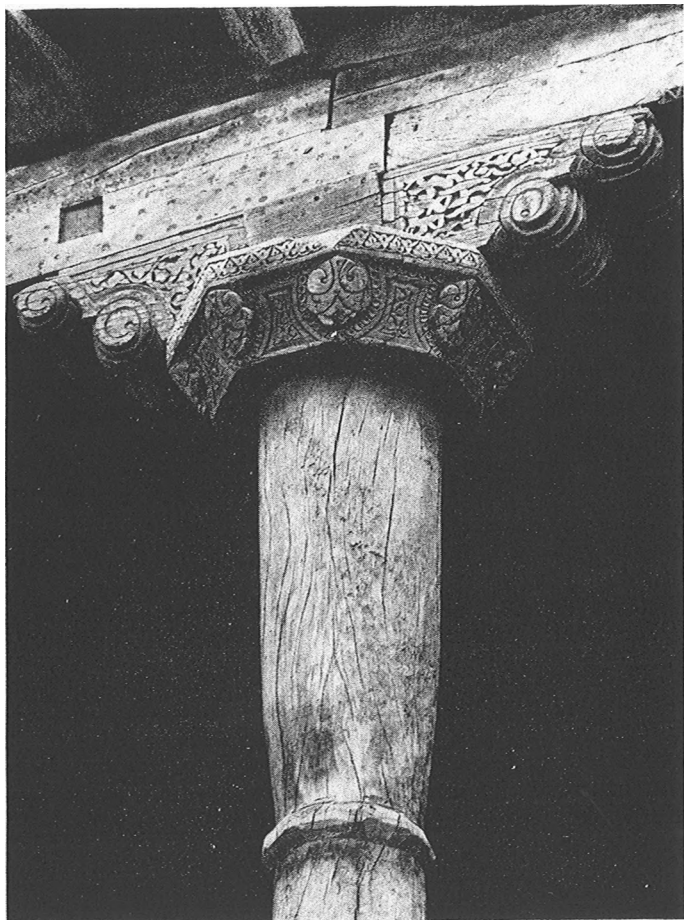
СТЕНЫ ИЧАН-КАЛЫ. В числе основных монументальных сооружений Хивы конца XVIII—XIX века прежде всего следует назвать укрепления Ичан-калы. Хотя стены имеют здесь древнюю, восходящую к средним векам основу, до наших дней они дошли в тех формах, какими были восстановлены при

82. Входная дверь мечети Багбанлы.
Мастер Руз Мухаммед

83. Колонна айвана мечети Багбанлы, XIV—XV вв. Фрагмент

Кунградах. К XIX столетию относится и архитектура городских ворот Хивы — трое из них сохранились в Ичан-кале (Таш-дарваза, Бахча-дарваза, Палван-дарваза) и двое в Дишан-кале (Хозарасп-дарваза и Кош-дарваза). Они не повторяют друг друга, но дают варианты монументальной постройки с арочным въездом, который фланкируют дозорные башенки, увенчанные галереями и куполком, с внутренней проезжей частью, перекрытой куполами, с боковыми служебными помещениями. Очень своеобразен Кош-дарваза с двухарочным въездом, регулировавшим два встречных потока движения.

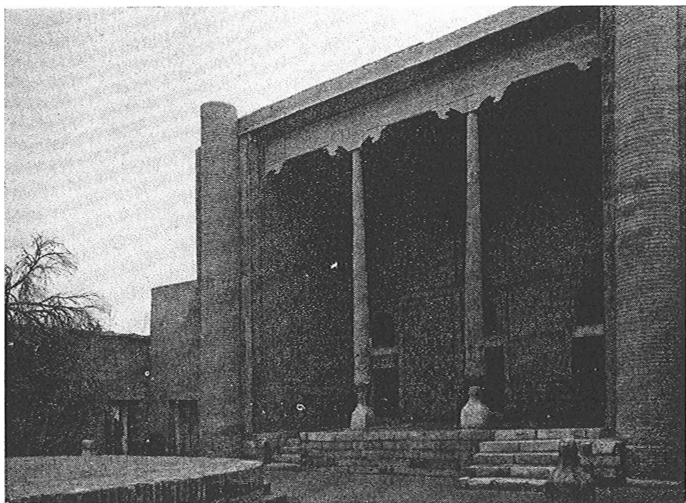
Крепостные ворота составляют важные элементы планировочной композиции Хивы, они расставляют градостроительные акценты, зримо определяя местоположение главных ее магистралей.

КУНЯ-АРК. «Город в городе» — так иногда говорят о К у н я А р к е — цитадели Ичан-калы. Куны-Арк (то есть «Старая крепость») возник по распоряжению Аранг-хана в тревожном для Хивы XVII веке. В 1686—1688 годах четырехугольный участок у западных ворот Ичан-калы был охвачен высокой зубчатой стеной. Со временем пространство внутри Куны-Арка заполнила густая застройка: это были крепостные строения, пороховой завод, арсенал, дворец, судилище, канцелярии, монетный двор, мечети; здесь же существовал плац для обучения войск с лобным местом в центре. До наших дней дошло лишь несколько построек XIX — начала XX века.

Возвышающийся над укреплениями бастион Акших-бобо (названный так по имени проживавшего здесь в XIV в. высокочтимого шейха) был предназначен для дозорной службы и для хранения пороха. Господствуя над всей Хивой, он и доныне являет собой отличный обсервационный пункт, откуда открывается дальняя перспектива города и его округа.

С восточной стороны в Куны-Арк ведут крепостные ворота: обширная стрельчатая арка между массивными башнями, когда-то увенчанная аркатурой и зубчатым парапетом, за ней — караульные помещения. Кирпичная кладка фасада ворот оживлена поясами вертикальной или елочной выкладки.

Внутри Куны-Арка сохранилось лишь несколько сооружений. Наиболее значительное среди них — К у р н ы ш - х а н а (1804—1806), в которой свершался церемониал официальных приемов. Многокомнатное, асимметричное по плану здание имеет

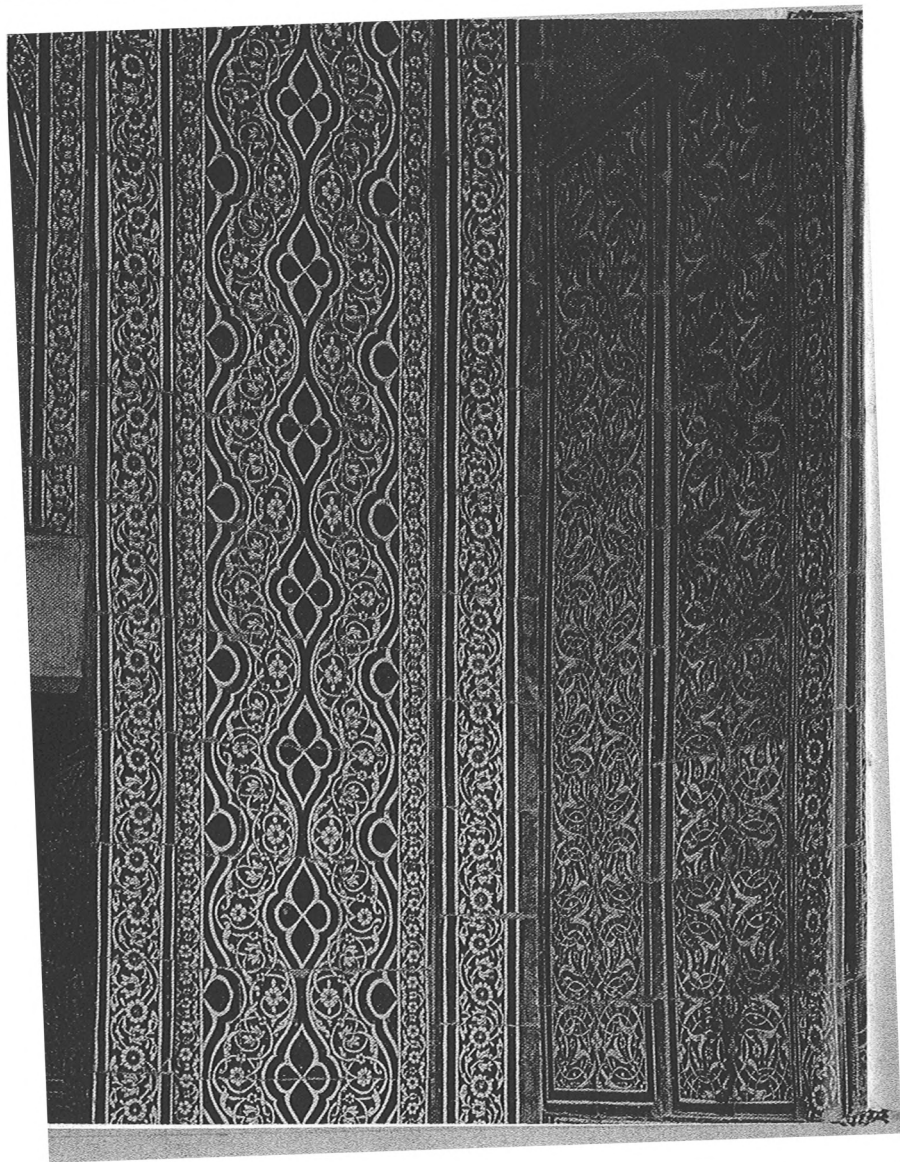
85. Куня-Арк. Курныш-хана. 1804—1806

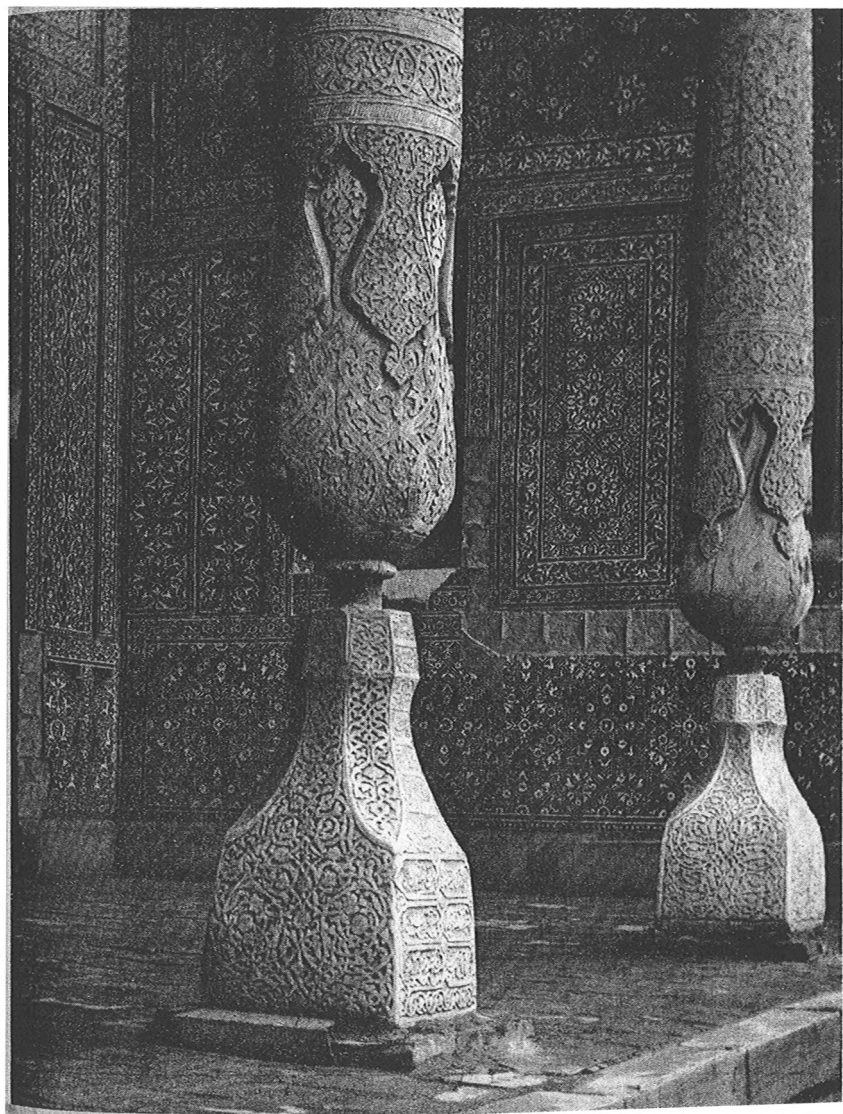
своим композиционным центром дворик, обнесенный стеной с зубчатым парапетом. На оси его — двухколонный айван (илл. 85), стены которого сплошь покрыты богатейшим майоликовым декором (он нанесен между 1825—1842 гг.) со сложнорастительной и геометрической орнаментацией хивинского стиля. Колонны — стройные, деревянные, резные, на фигурных мраморных постаментах (илл. 87), на одном из которых высечены стихи хивинского поэта и историка Агехи.

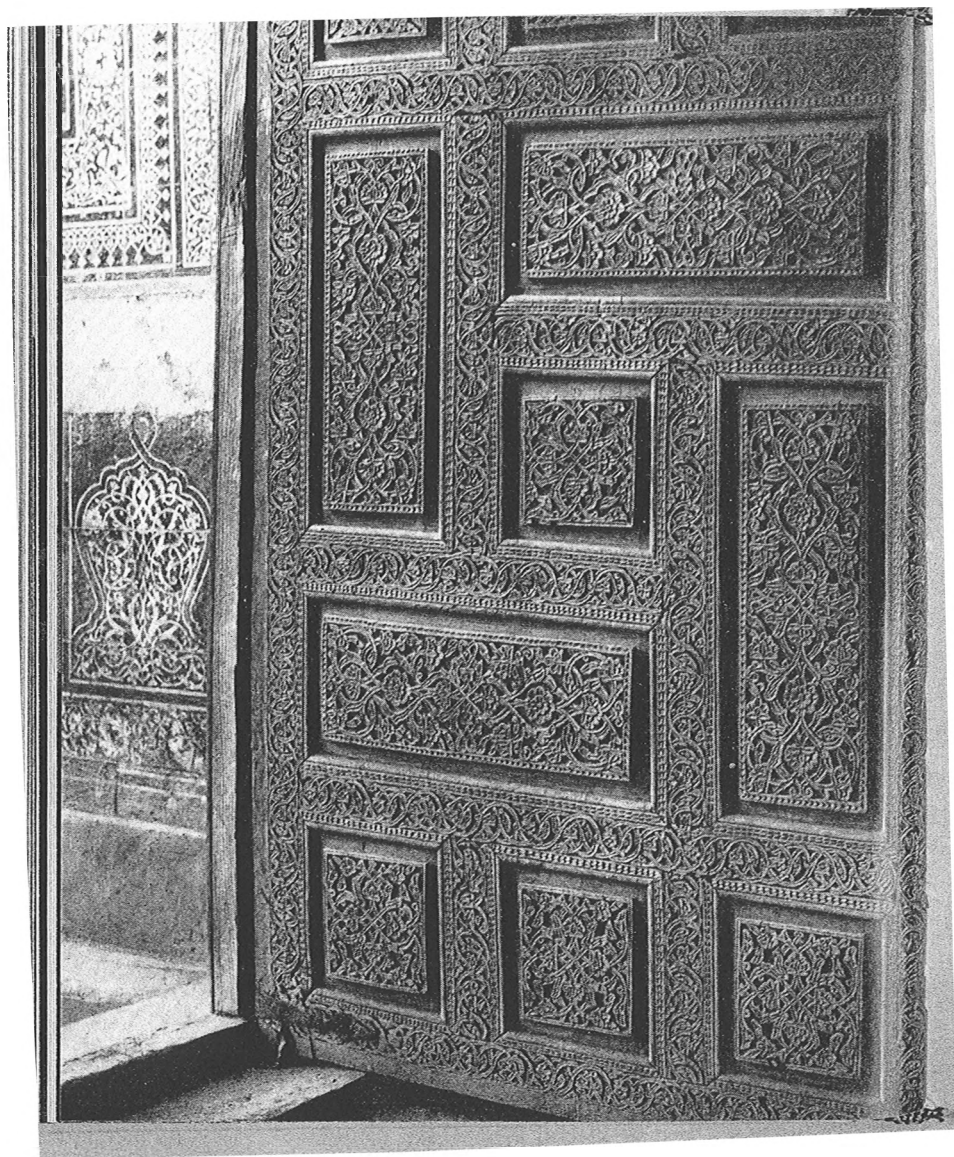
Тронный зал Курныш-ханы оформлен окрашенным резным ганчем; в южной стене его расположена ниша (илл. 90), где

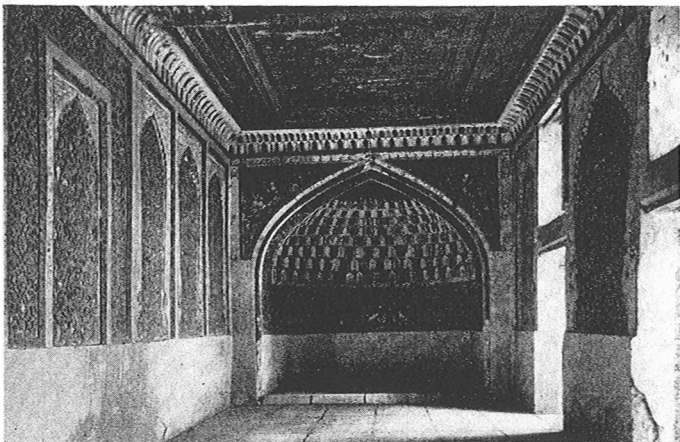
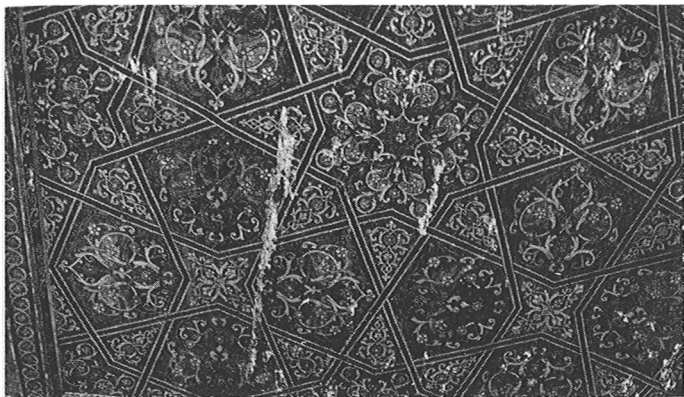
87. Курныш-хана. Айван

86. Курныш-хана. Изразцовая облицовка айвана. Фрагмент

стоял некогда трон хивинских ханов. Исполненный хивинским мастером Мухаммедом, этот трон был перевезен в Публичную библиотеку в Петербург и некогда вдохновил Стасова на специальный очерк (ныне хранится в Эрмитаже.) Он выточен из дерева и богато отделан чеканкой по серебру с ажурными прорезями, выделяющими узор на красном фоне.

В северной части Куня-Арка расположен гарем, созданный уже во второй половине XIX века при Мухаммед-Рахим-хане. Он представляет собой двухэтажное здание со множеством жилых комнат и богатых палат, размещенных вокруг внутреннего двора, с вытянутым водоемом в центре. В первом этаже гладь его стен перерита окнами и дверьми, во втором расположены галереи, обращенные во двор одноколонными лоджиями. Ханская половина дворца выделена высоким айваном с прекрасной геометрической росписью на потолке и залом, стены которого отделаны резным окрашенным ганчем.

В Куня-Арке сохранился также монетный двор, основанный при Мухаммед-Рахим-хане (1806—1825); его служебные помещения сгруппированы возле небольшого дворика вместе со зданиями зимней и летней мечети. Наиболее примечателен здесь айван летней мечети. Два ряда стройных деревянных колонн (илл. 91) несут изящно разработанный потолок с золочеными кессонами меж поперечно уложенных балок. Фасад мечети, выделенный башенками, ниша ее михраба (илл. 92) и кафедра-минбар сплошь покрывают майоликовые облицовки работы прославленных мастеров Хивы — Ибадуллы и Абдуллы Джина. Прозвище джин, то есть злой дух, а в данном случае, лучше сказать, волшебник, мастер получил за свое поистине «дьявольское», никем не превзойденное искусство орнаментального узоротворчества.

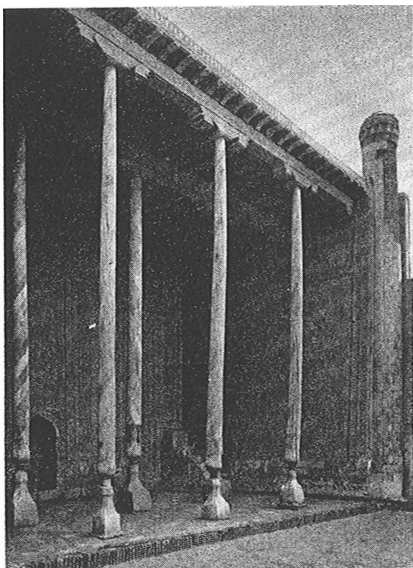
В монументальной архитектуре Хивы XIX века наиболее традиционными оставались культовые постройки ислама — мечети, минареты, медресе.

Хивинские медресе XIX века следуют той композиционной схеме, которая еще в средневековье сформировалась в архи-

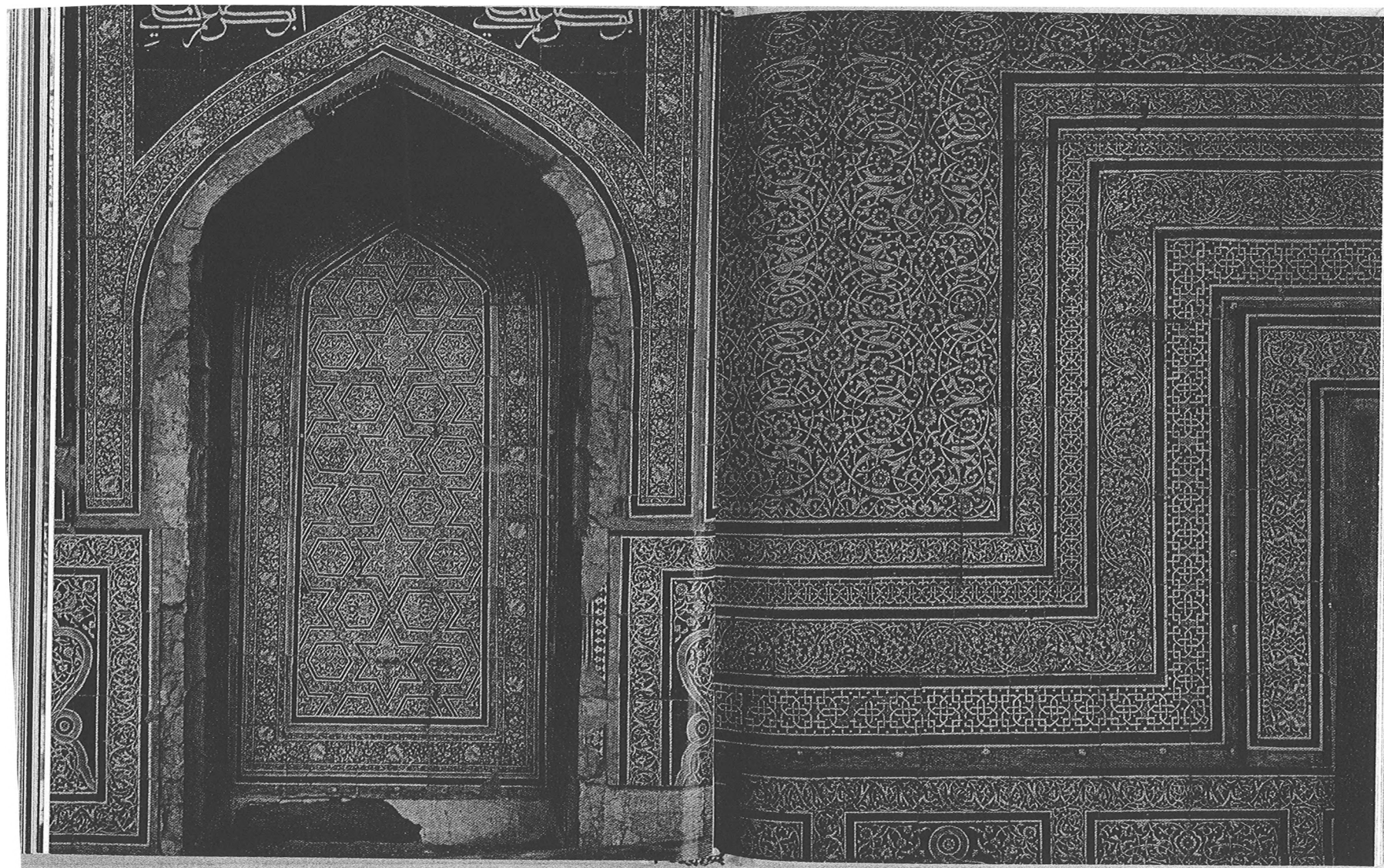
88. Дверь в Тронный зал Курныш-ханы

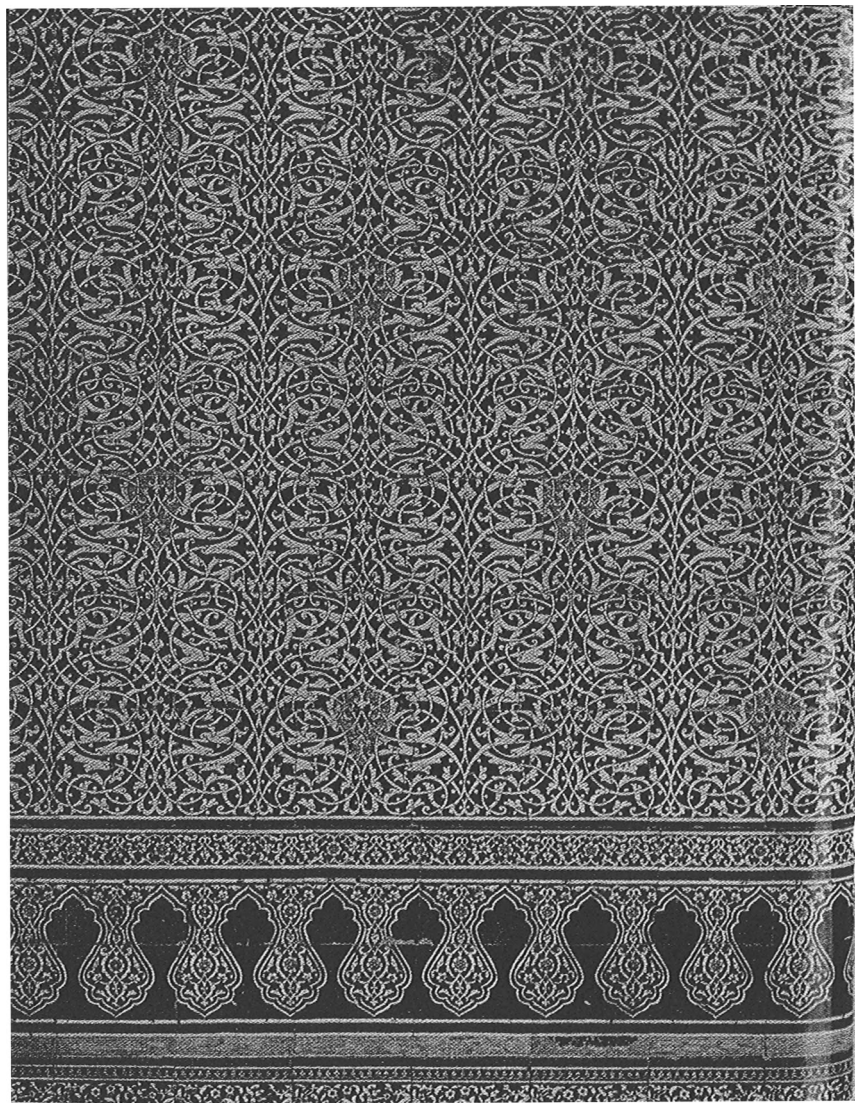
← 89. Роспись потолка Тронного зала Курныш-ханы. Фрагмент

90. Курныш-хана. Тронный зал

текстуре Средней Азии. Организующим ядром здания служит прямоугольный двор, обведенный худжрами, со сводчатыми айванами на одной или на двух осях двора. Главный фасад имеет возвышенный портал, к которому примыкают двух-этажные аркады боковых крыльев; углы его иногда фланкированы округлыми башенками-гульдаста. Однако, в отличие от самаркандских и бухарских медресе XV—XVII веков с их разнообразными вариантами планировочных деталей и богатством архитектурного декора, планировка хивинских медресе намного проще, а декор весьма ограничен. Изразцовые облицовки имеются далеко не во всех медресе — наиболее богато ими медресе Мухаммед-Амин-хана.

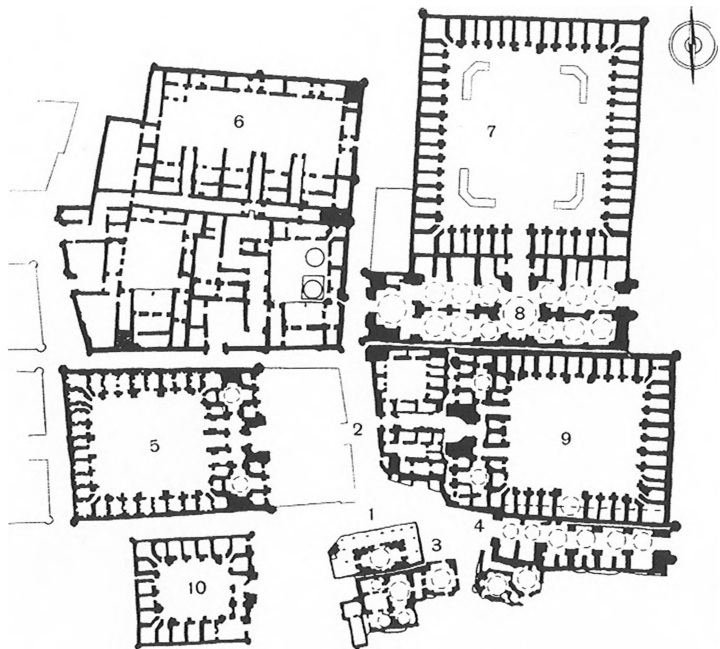
В Хиве сохранилось свыше двух десятков медресе, но было их возведено намного больше. Помимо описанного выше медресе Ширгазихана, в Ичан-кале высятся медресе Мухаммед Амин-инак (1785), Кутлуг-Мурад-инак (1804—1812), Ходжамбердыбий-Хурджум (заново перестроенное в 1834 г. на месте здания 1688 г.), Аллакулихана (1834/35), Араб-Мухаммеда (1838 г., на месте раннего здания 1616 г.), Ходжа-Мухаррама (1839), Муса-Тура (1841), Мухаммед-Рахим-хана (1871), Диванбиги (1871), Якуб-бай-Ходжа (1873), Дост-Алама (1882), Мазари-Шерифа (1882), Атаджан-бай (1884), Казы-Калян (1905), Матпана-бай (1905), Абдурасулбай (1906), Юсуп Ясаул-баки (1906), Ислам-Ходжа (1908—1910), в Дишан-кале имеется также медресе Палван-Кари (1905).

Возведение медресе почиталось богоугодным делом — на это выделяли большие средства ханы, высокопоставленные лица, купцы и баи. Но оно преследовало и практические цели — подготовку образованного мусульманского духовенства, а также лиц, предназначенных к административной деятельности в канцеляриях, судилищах и при дворе, искушенных в законоведении, владеющих литературным слогом и каллиграфией. В хивинских медресе получили образование многие поэты и историки ханского двора.

Медресе Кутлуг-Мурад-инака, дяди Аллакулихана, — одно из наиболее значительных на территории Ичан-калы (илл. 97). Общие размеры здания — 57 × 44 метров. Прямоугольный двор со скошенными под 45° углами охвачен аркадами (илл. 100), ниши которых дают доступ к худжрам. Число их достигает восьмидесяти одной, а проживало в них до сотни студентов. Входная группа медресе включает расположенные параллельно главному фасаду трехкупольный вестибюль-дихлиз, мечеть и дарсхану. На осях двора размещены четыре высоких айвана; затененное, полуоткрытое пространство трех из них использовалось в теплое время года для занятий, в восточном же айване находилась летняя мечеть. Строители применили в этом медресе набор разнообразных конструкций,

92. Летняя мечеть. Михраб. Изразцовая облицовка. Мастера Ибадулла и Абдулла Джин

93, 94. Летняя мечеть. Изразцовая облицовка айвана. Мастера Ибадулла и Абдулла Джин. Фрагменты

95. Генеральный план ансамбля у восточных ворот Ичан-калы:
 1 — Ак-мечеть; 2 — медресе Ходжамбердыбия; 3 — бани Ануша-хана; 4 —
 ворота Палван-дарваза; 5 — медресе Кутлуг-Мурад-инак; 6 — Таш-хаули (дво-
 рец Аллакулихана); 7 — караван-сарай Аллакулихана; 8 — тим Аллакулихана;
 9 — медресе Аллакулихана; 10 — медресе Абдуллахана

типичных для памятников позднехивинской монументальной архитектуры, — сфероконические купола на арочных и щитовидных парусах, стрельчато-коробовые своды и своды «балхи».

Параден главный фасад медресе Кутлуг-Мурад-инака: центр его отмечен очень стройным порталом со стрельчатым сводом (илл. 96), увенчанным по гребню сталактитовым карнизом-шарафа; по обе стороны от него расположены двухэтажные трехпролетные аркады лоджий; на углах — башенки-гульдаста несколько необычной композиции: их цилиндрический массив увенчан сквозной ротондой, несущей стрельчатый купол на высоком цилиндрическом барабане.

В декоре медресе использована рельефная терракота, выполненная техникой штампа и образующая в наборе плиток геометрический узор — гирих. В облицовках угловых гульдаста они чередуются с фигурными кладками, повторяющими очень древний прием спаренных горизонтальных кирпичей и вертикальных фигурных резных кирпичиков-«бантиков» (илл. 99). Тимпаны портала и аркад заполнены яркими майоликами типичного для Хивы сине-бело-голубого узора в черных очертаниях. В нишах второго яруса портала введена сталактитовая лепнина сложного построения, с подцветкой в серый цвет. В убранстве углового помещения зимней мечети также применены двухслойный резной ганч с окраской силуэтного рисунка. Двери дарсханы и мечети являют прекрасные образцы работы хивинских мастеров резьбы по дереву.

В медресе был захоронен, согласно завещанию, сам его основатель — Кутлуг-Мурад-инак. Но так как он скончался вне Ичан-калы, а вносить покойников через городские ворота было запрещено законом, то духовенство изобрело казуистический ход. В крепостной стене перед медресе был сделан пролом, и таким образом медресе как бы включилось в территорию Дишан-калы. Через этот пролом тело усопшего правителя было внесено и захоронено под полом вестибюля-дихлиза медресе.

Медресе Аллакулихана еще крупнее ($62,5 \times 47$ м). Так как возведение его осуществлялось в ансамбле уже существовавших сооружений, на ограниченном участке, строители снесли часть городской стены, перестроили медресе Ходжамбердыбия и вторглись в северный ряд лавок базара Палван-дарваза. Сложность размещения медресе обусловила

некоторую асимметрию в его планировке. Новое здание поставили в приеме «кош» напротив Кутлуг-Мурад-инак (илл. 101).

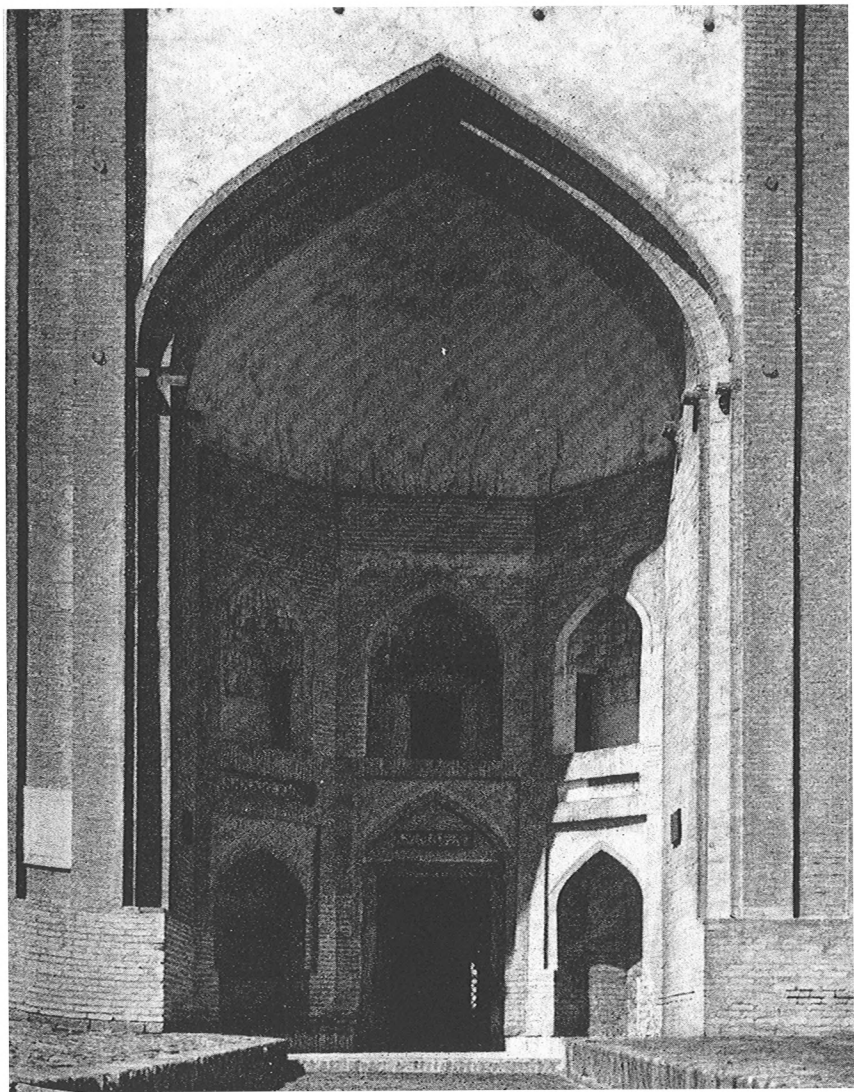
Общая композиция медресе Аллакулихана традиционна: четырехайванный двор со скошенными углами и двумя этажами лоджий перед худжрами. Вход ведет в дихлиз, по обе стороны которого расположены зимняя мечеть и большая аудитория — дарсхана. В западном айване двора устроена летняя мечеть с куполом, основанным на восьмиграннике парусов, со сталактитовыми заполнениями свесов.

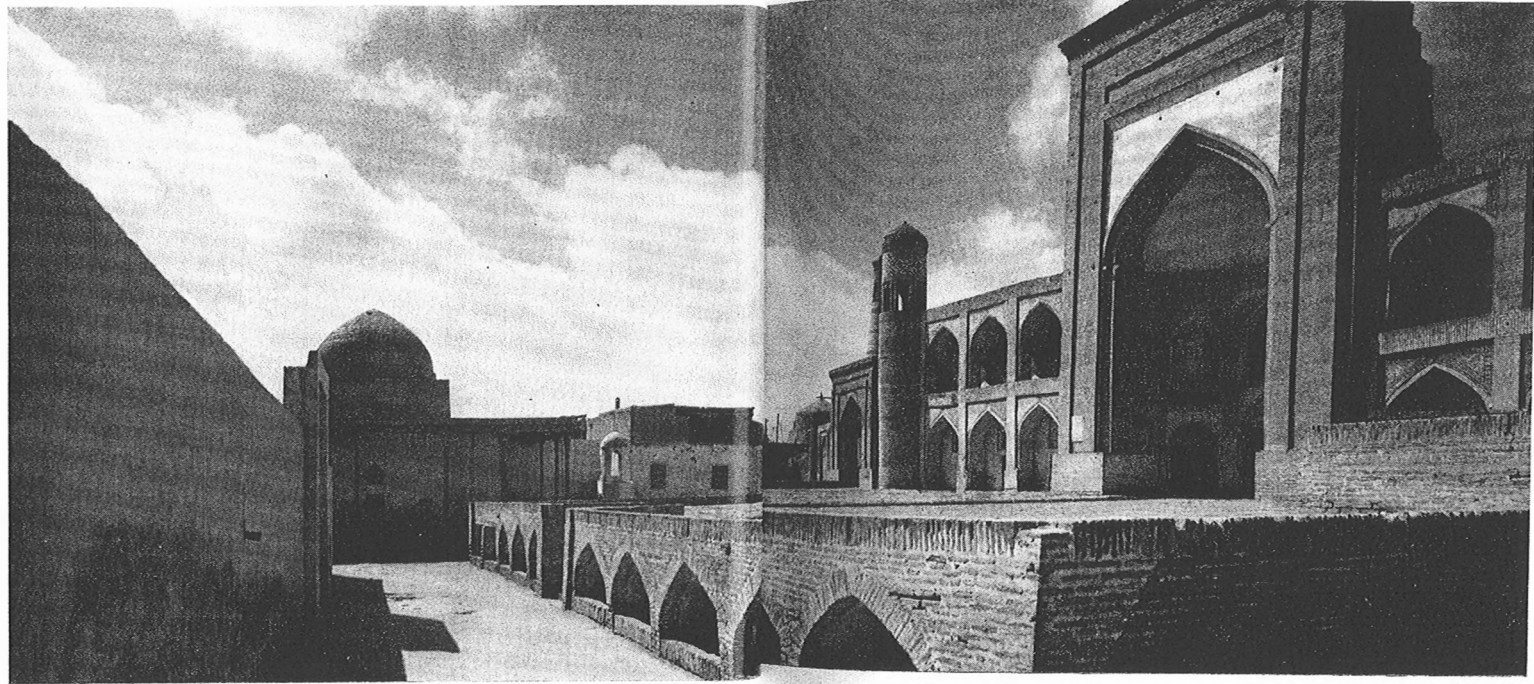
Главный и дворовой фасады медресе насыщает богатый декор, состоящий в основном из майоликовых плиток — синего, голубого, белого цвета; тимпаны и колонки порталных ниш украшены облицовками с пышной растительной орнаментацией.

Сооружение медресе Аллакулихана повлекло за собой почти полную перестройку в 1834 году располагавшегося у городской стены медресе Ходжамбердыбия, существовавшего здесь с 1688 года. Разница уровней превратила его как бы в основание монументальной платформы медресе Аллакулихана, вдобавок его рассекли пополам устройством пандуса, ведущего на эту платформу. Отсюда и новое название медресе, как бы состоящего из двух частей — Хурджум (хурджум значит — «переметная сума»). В итоге оно получило две двора, обведенных худжрами, аудиторию — дарсхану и общий въезд — дарваза.

Сочетание двух медресе — Ходжамбердыбия-Хурджум и Аллакулихана, а также группы близ расположенных торговых строений (о них — далее) дает красноречивый пример того искусства, с каким хивинские зодчие умели решать сложные градостроительные задачи объединения разнообразных по своей объемной композиции монументальных зданий на ограниченном участке городской территории, со сложным топографическим рельефом.

Медресе Мухаммед-Амин-хана — самое крупное в Хиве (его площадь равна 78×60 м, илл. 124). Оно включало аудиторию, худжры, зимнюю и летнюю мечети, библиотеку и высшее духовное судилище. Оно повторяет традиционную композиционную схему, состоящую из пяти-

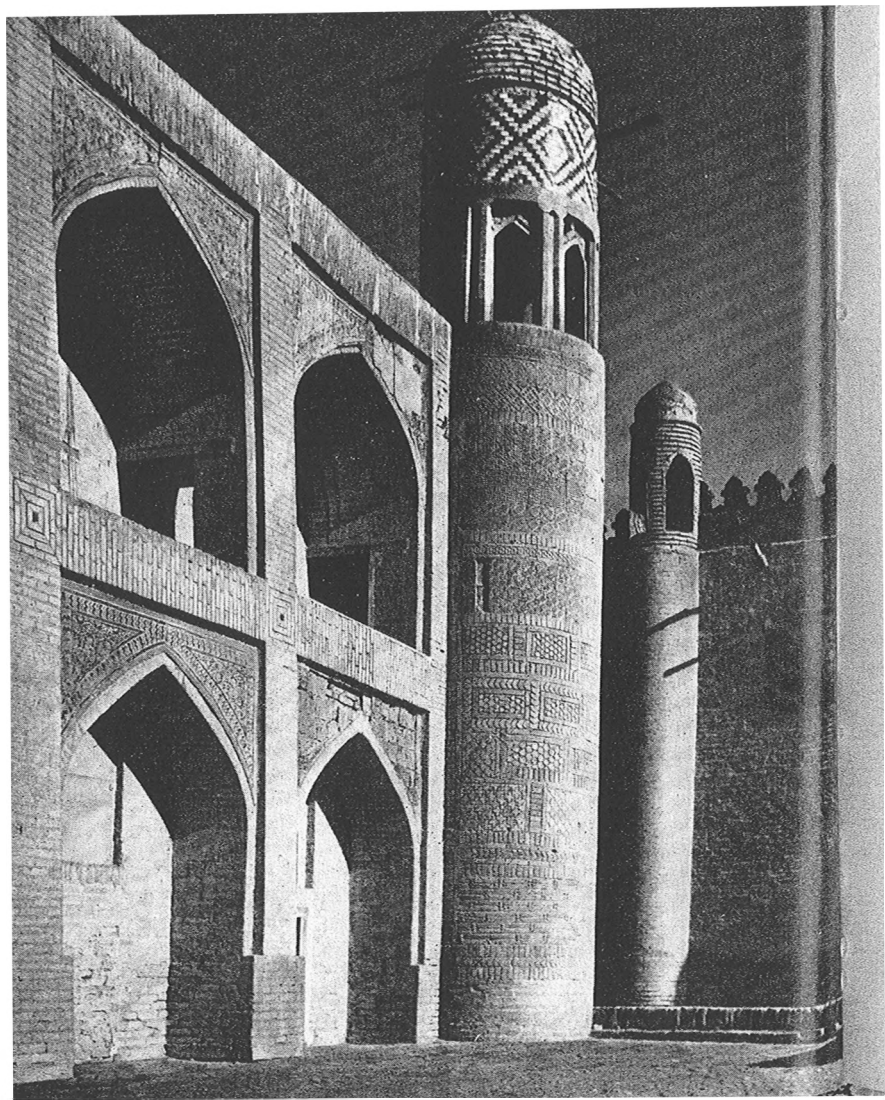
97. Медресе Кутлуг-Мурад-инак. Общий вид

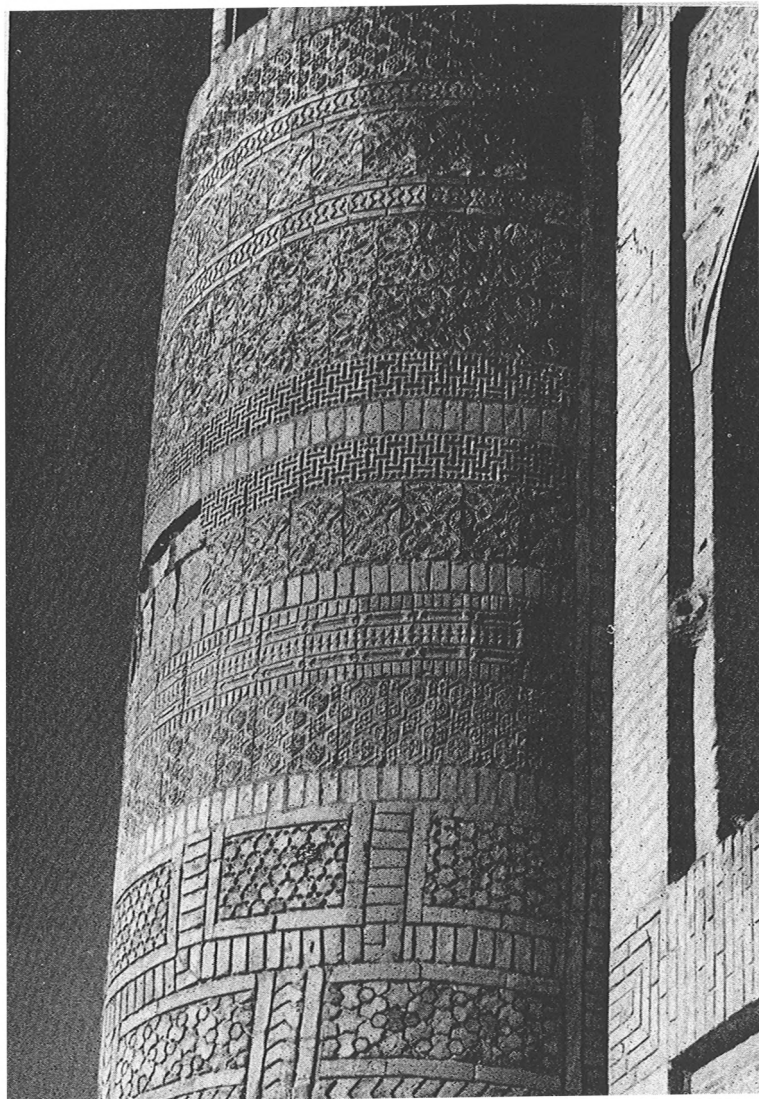
купольной входной группы (дихлиз — мечеть — дарсхана) и четырехъярусного двора, обведенного двумя этажами худжр. Но худжры здесь подразделены надвое, что в свою очередь определяет необычное для хивинских медресе оформление аркадами лоджий всех четырех фасадов (а не только главного).

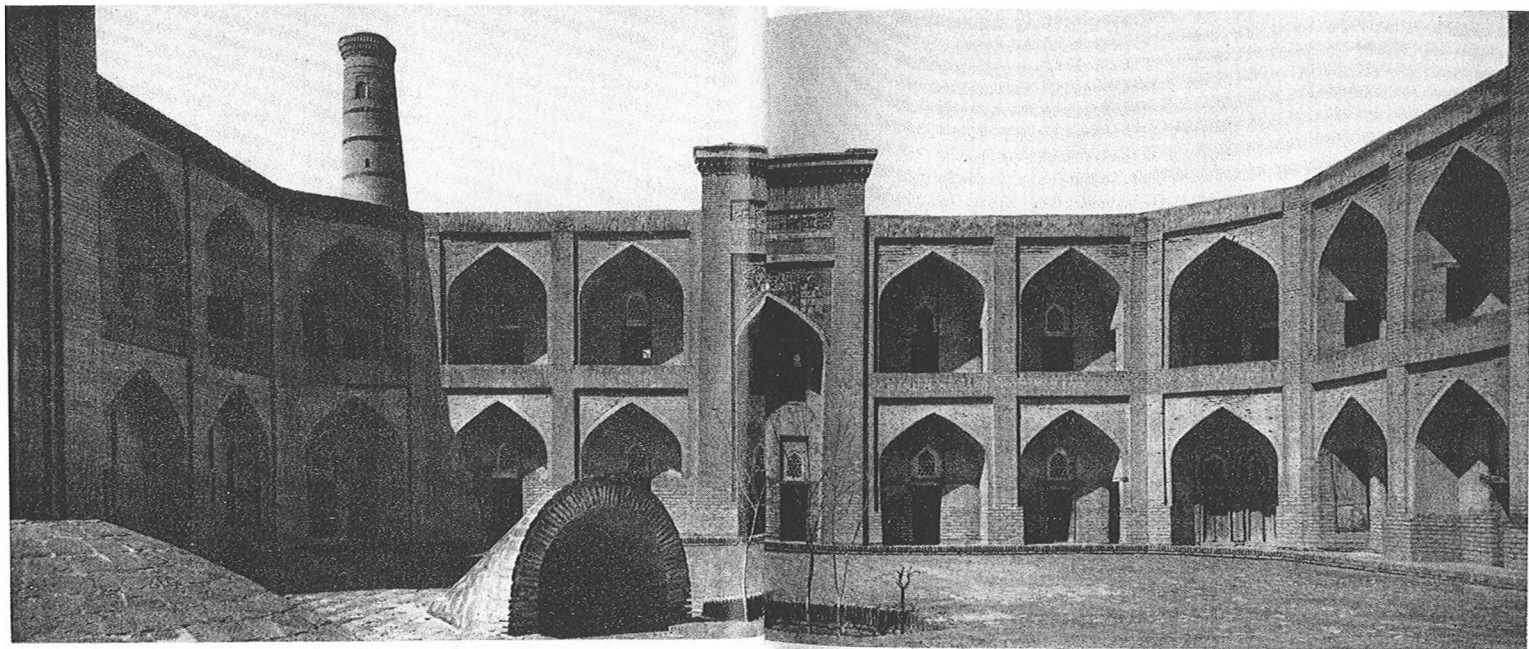
В декоративное оформление главного и дворовых фасадов введены пояса кирпичных мозаик геометрического узора и

майоликовые облицовки с растительной орнаментацией. Особенно эффектны майолики портала — декор его полукупольного свода образован схождением в зените широких узорных лент с крупными фигурными медальонами и переплетающимися спиралевидными растительными завитками.

В медресе интересны дверь, балкон, решетка-панджара; выполненные из дерева, они украшены превосходной резьбой.

100. Медресе Кутлуг-Мурад-инак. Двор

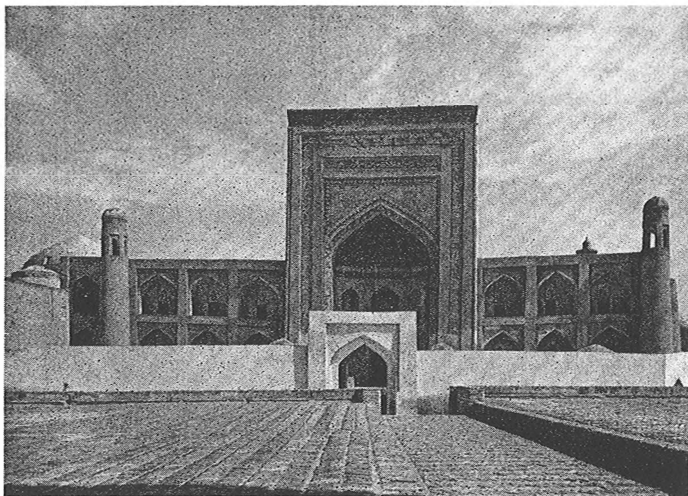
Возле медресе Мухаммед-Амин-хана стоит Кальта-минор; задуманный ханом как самый большой минарет Хивы, он так и остался незавершенным (отсюда его название «короткий минарет»). Массивный (диаметр 14 м, высота 26 м), с утонением кверху, его ствол расчленен широкими и узкими

концентрическими поясами, которые или сплошь, или по сетке геометрического узора облицованы ярко-голубыми глазурованными кирпичами (илл. 123, 124).

Крупных мечетей в Хиве не возводилось; для пятничных молитв вполне достаточно было огромной по площади Джума-мечети. Сооружались в основном мечети гузарные (квартальные). Выделяется среди них Ак-мечеть, заложенная еще в 1657 году; пришедшая в ветхость, в середине

98. Медресе Кутлуг-Мурад-инак. Фрагмент фасада

99. Медресе Кутлуг-Мурад-инак. Фрагмент облицовки

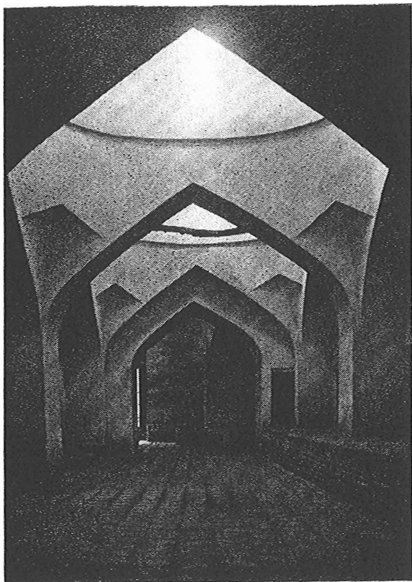

XIX века была заново отстроена на старых фундаментах. Она имеет закрытый зимний отдел и полуоткрытый летний. В композиции господствует центральный объем в виде двух уступами сокращающихся квадратных призм и стрельчатого купола; с трех сторон его обводит айван на стройных деревянных колоннах (илл. 104). В трех проемах навешаны створы резных дверей, сохранивших даты — 1838 и 1842 годы — и имена резчиков (возможно, отца и сына): Каляндара, сына Сейид-Мухаммеда, и Нур-Мухаммеда, сына Адина Каляндара.

Иного рода мечетью в ансамблевом решении является мечеть Сейид-бия, расположенная на территории Дишанкалы, к востоку от ворот Палван-дарваза. Здесь сочетаются зимнее молитвенное помещение и летний колонный айван, дворик, обведенный худжрами, бассейн, тенистые деревья. И над всем господствует высокий минарет традиционной для

102. Тим Аллакулихана

101. Медресе Аллакулихана. 1834/35. Общий вид

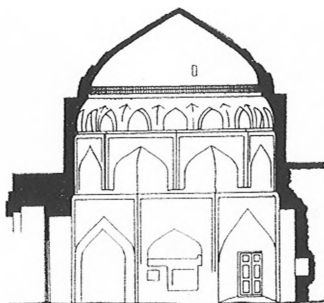

хорезмского зодчества формы — сильно утоняющийся и поэтому особенно стройный.

КОМПЛЕКС ПАХЛАВАН-МАХМУДА. Из мемориальных памятников Хивы самым выдающимся является архитектурный комплекс, сложившийся у погребения известного хивинского поэта Пахлаван-Махмуда (1247—1325). Популярностью среди самых широких масс он был обязан не только прекрасными по форме, созерцательно-философскими по содержанию стихами, но принадлежностью к трудовым слоям. Махмуд был скорняком, а также могучим профессиональным борцом — пахлаваном, не знавшим поражений (отсюда его прозвище). В народе его попросту именуют Пахлаван-ата («отец-

103. Тим Аллакулихана. Разрез

104. Ак-мечеть →

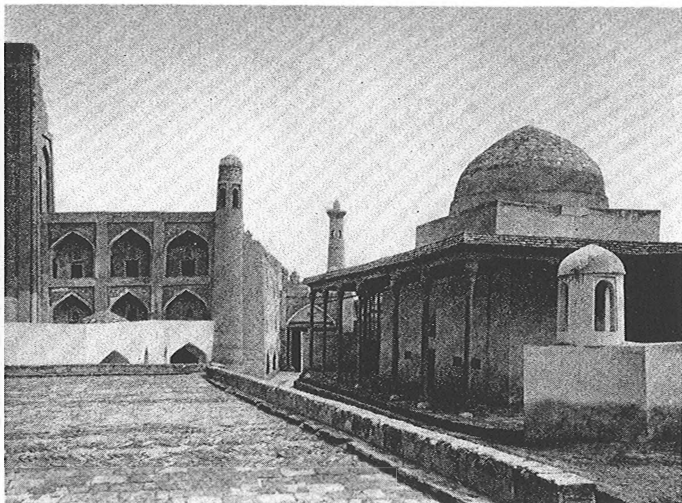
борец»). По смерти Пахлаван-Махмуд был канонизирован мусульманским духовенством как пир — святой покровитель Хивы. Поскольку Пахлаван-Махмуд происходил из племени Кунград, хивинские ханы почитали его и как предка — духовного покровителя своей династии.

Первоначально над его могилой стоял какой-то однокамерный купольный мавзолей, впоследствии рухнувший, о судьбе которого можно было бы сказать стихами самого поэта:

«Создавший свод небес возвел и свод дворца,
Но тотчас стер его с земли лица.
И каждый свод с тех пор, что к небу вознесен,
Назавтра ж в прах земли обрушивает он».

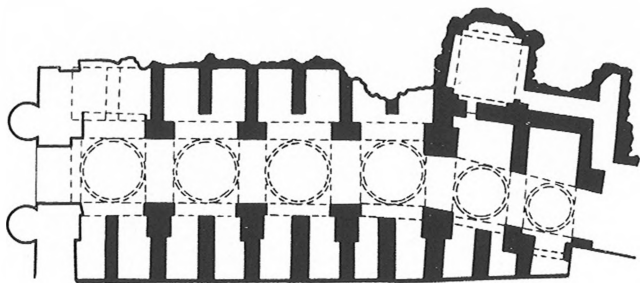
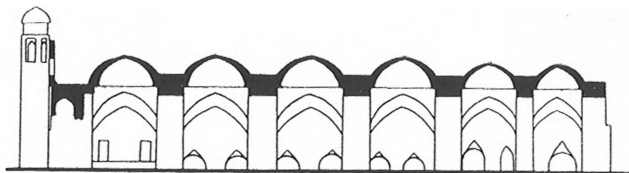
Близ усыпальницы Пахлаван-Махмуда издавна сложилось небольшое внутригородское кладбище для членов ханской фамилии. Вход его был подчеркнут воротами (дарваза-хана), расположенными на оси противоположащего им медресе Ширгазихана. В 1810 году у погребения самого Пахлаван-Махмуда были произведены большие строительные работы, а с конца XIX века по 1913 год оформился ансамбль прилежащих к нему построек, который включил еще и зиаратхану, зимнюю и летнюю мечеть, комнаты для чтецов Корана, приют для слепых и разного рода служебные помещения.

Главная святыня ансамбля включает в себя три смежных объема. В центре возвышается крупное купольное помеще-

ние — его именуют ханакой, но в основе своей это усыпальница, где находятся погребения хивинских ханов: выдающегося историка Абулгазихана (ум. в 1664 г.), Анушахана (ум. в 1681 г.) и в альковной нише напротив входа — Мухаммед-Рахим-хана (ум. в 1825 г., илл. 131). Вход выделен порталом (илл. 126), в его устоях устроены подсобные комнатки. Западное крыло состоит из квадратной купольной гурханы с надгробием Пахлаван-Махмуда, предшествующей ей продолговатой комнаты поминовений — зиаратханы и небольшого проходного помещения — дихлиза. Восточное крыло, возведенное в 1825 году, не имеет сколько-нибудь четкой планировки; в нем есть колонный айван и двухкупольные помещения, в одном из которых находится в нише надгробие Аллакулихана (ум. в 1842 г.).

В общей композиции главного здания господствует не усыпальница Пахлаван-ата, как следовало бы ожидать, но мавзо-

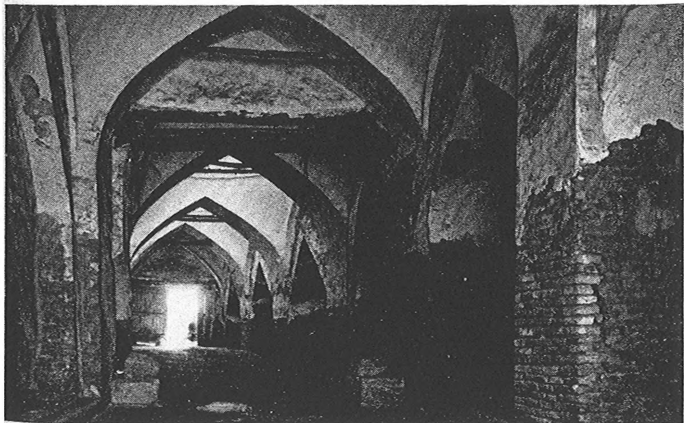
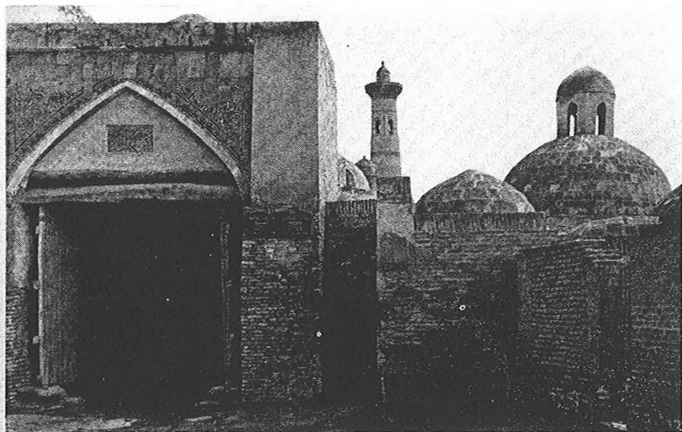
105. Ворота Палван-дарваза. Разрез, план

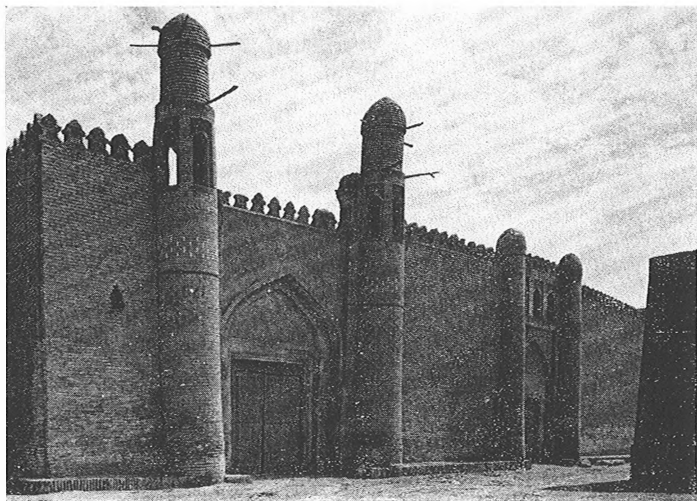
лей хивинских ханов, являющийся здесь центральным элементом (илл. 125). Он выделен порталом и двойным куполом, внешний монументальный объем которого приподнят на восьмигранном барабане. Купол этот облицован ярко-голубыми плитками. Его бирюзовая скупья, наряду с минаретами, царит в силуэте всей Ичан-калы.

В декоре фасадов, обращенных во двор, использованы кладки из шлифованных кирпичей с фигурными поливными «бантиками», а также характерные хивинские майолики. В интерьерах царит сплошной декор из расписных майолик поразительного разнообразия и красоты. Орнамент их строится на

106. Ворота Палван-дарваза. 1832—1835

107. Ворота Палван-дарваза. Галерея

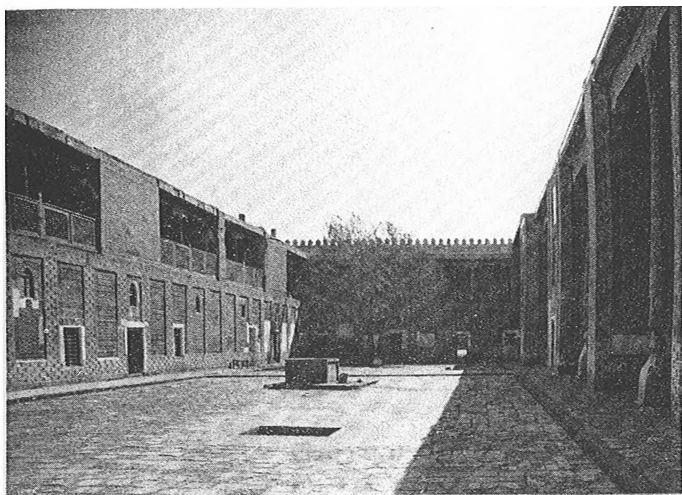

108. Таш-хаули. 1830—1832. Стены

геометрических сетках, но в самом узоре преобладают характерные для хорезмской орнаментики сложные растительные сплетения; местами введена также вязь надписей. Купол расчленен декоративными ребрами наподобие восьмигранного шатра, в секторах которого вырисовываются крупные вазообразные фигуры и картуши, заполненные кружевным узором. Преобладающие цвета — синий (фон), голубой и белый (узор), черный (тонкие контуры узора), в подкупольный восьмигранник введен также желтый цвет.

К созданию архитектурного комплекса Пахлаван-Махмуда были привлечены лучшие хивинские мастера (усто). Общее руководство осуществлял усто Мулло-Адин Мухаммед-Мурад родом из Хазараспа, в отделочных работах участвовал Нур-Мухаммед, сын усто Каляндара (он уже упоминался выше

109. Таш-хаули. Двор гарема

как один из создателей резных дверей в Ак-мечети), Мухамед-Нияз, сын усто Абд-ал-Джабара, и усто Абдулла по прозвищу Джин. Бесподобное мастерство последнего запечатлено в поразительных по красоте облицовках, где в одном из картушей превозносится в горделивых стихах искусство выполнения «этих зеркально блестящих изразцов, возбуждающих удивление, от которых следует путь к духовному миру».

Среди отдельных художественных деталей комплекса выделяется несколько великолепных резных дверей: двери усыпальницы, орнамента которых выполнена инкрустацией элементов, выточенных из ценных древесных пород; двери, ведущие из ханак в зиаратхану (на них сохранилась дата — 1810 г.), тонкая рельефная резьба которых сочетается с накладными деталями из слоновой кости; покрытая узорами

главная дверь ханаки, выполненная в 1893/94 году усто Надир-Мухаммедом, стройные резные колонны летней мечети и другие детали.

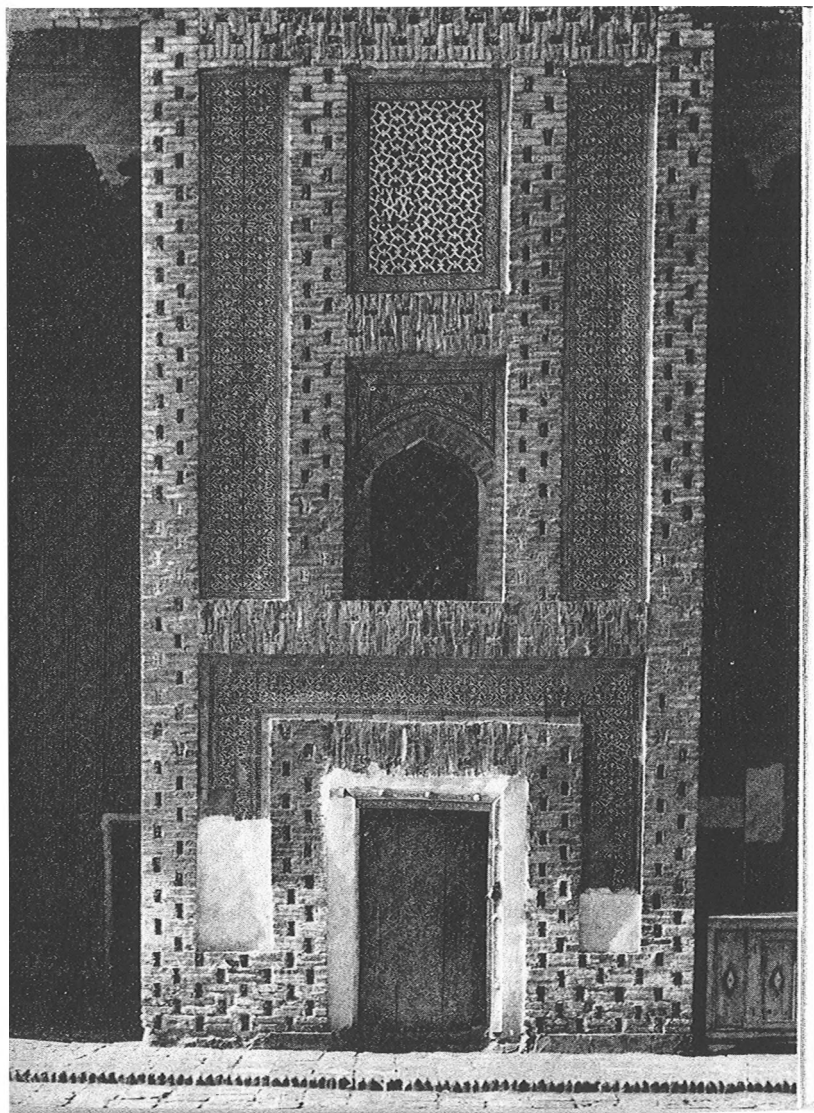
В числе позднейших добавлений к комплексу следует упомянуть двухэтажную корихану (1913), в которой две худжры были использованы в качестве усыпальниц. В одной из них стоят надгробия Архангхана и Латифаханум, жены Абулгазихана, а в другой — матери и сына Асфандиархана.

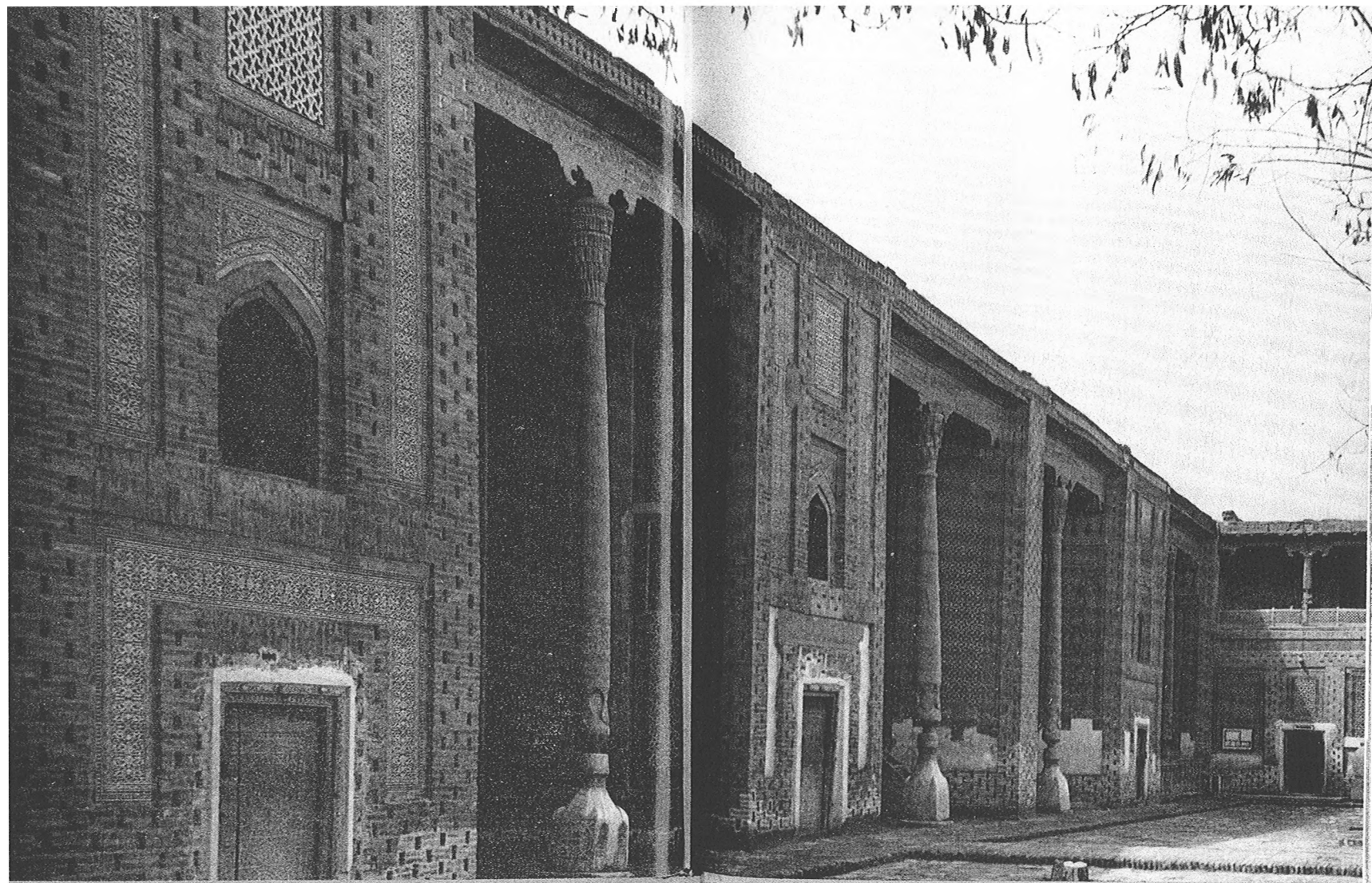
КОМПЛЕКС У ВОРОТ ПАЛВАН-ДАРВАЗА. Характерные постройки Хивы — это торговые и коммунальные сооружения. Целый комплекс их, созданный между 1832—1835 годами, сохранился у восточного въезда в Ичан-калу. В 1830-х годах здесь прежде всего существенно перестроили городские ворота Палван-дарваза. Ворота были взаимосвязаны с городской стеной и получили традиционную форму арочного въезда, над которым высится аркатура бойниц и углы которого фланкированы дозорными башенками. С внутренней стороны к воротам пристраивается длинная многокупольная галерея (илл. 106), где располагаются торговые ряды и смежно с ними строится небольшая баня (илл. 107). При возведении перед этими воротами медресе Аллакулихана, по распоряжению хана, напротив медресе сооружаются тим (торговый пассаж) и караван-сарай (постоялый двор).

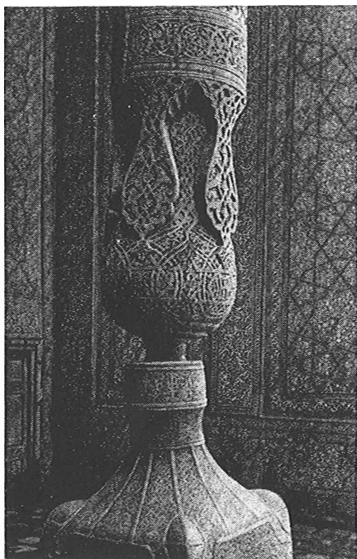
Деловое назначение всех этих построек, отвечавших оборонным, торговым и бытовым запросам столичного города, потребовало от зодчих прежде всего рациональной планировочной организации, учитывавшей как назначение самих зданий, так и движение транспорта и толпы. Строители используют простые, надежные конструкции из жженого кирпича с применением купольных перекрытий. Снаружи комплекс у ворот Палван-дарваза воспринимается как ряды и нарастающие ярусы больших и малых куполов, а внутри — как анфилада сводчато-купольных галерей, где через небольшие оконца и верхние люки льется рассеянный свет и царит прохлада даже в жаркие дни. Все очень просто, рационально, лишено декоративной расточительности, все впечатляет цельностью объемно-пространственного решения.

110. Таш-хаули. Гарем. Облицовка стены.

111. Таш-хаули. Двор гарема. Айваны

112. Таш-хаули. Гарем. База колонны айвана

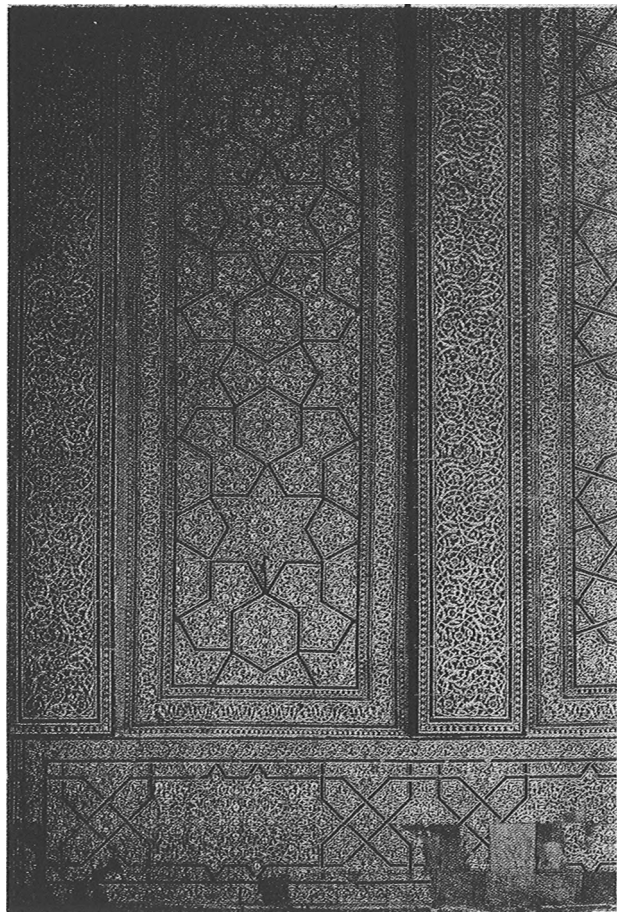
ТАШ-ХАУЛИ. Одно из самых примечательных зданий гражданской архитектуры в Хиве — дворец Аллакулихана, более известный под названием Таш-хаули.

К сооружению дворца был привлечен лучший зодчий того времени усто Нурмухаммед Таджихан. Однако за отказ закончить грандиозное по масштабам строительство в течение двух лет рассвирепевший Аллакулихан приказал посадить несчастного архитектора на кол. После его гибели дворец строился под руководством зодчего Каляндара Хиваки на протяжении почти десяти лет.

Дворец обведен глухими стенами с округлыми башенками, каждая из которых увенчана аронным фонарем и куполком; входы скромны, они лишь выделены арками и не выступают из стены (илл. 108). Вся роскошь дворцовой жизни как бы затаена внутри.

Дворец включает парадную, официальную и интимную части. Они взаимосвязаны между собой небольшими полутемными коридорами и служебными комнатами. Парадная часть дворца — михманхана, ме-

113. Таш-хаули. Гарем. Изразцовая облицовка стены. Фрагмент

сто ханских аудиенций и пиршеств, сооружена в 1832—1834 годах. Центром ее служит квадратный дворик с круглым возвышением для ханской юрты, с колонным айваном, где высился трон, и с двухэтажной обстойкой жилых и подсобных помещений, двери, окна и верхние террасы которых были обращены во двор (илл. 118).

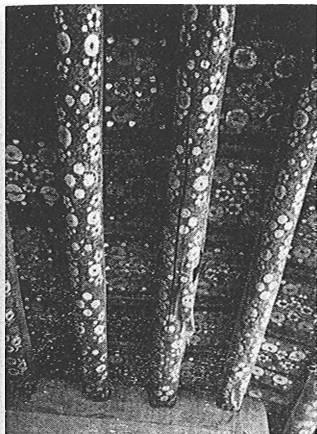
Юго-западный сектор дворца занимает его официально-административная часть — арзхана («судилище», 1837—1838). Здесь имеется несколько двориков, окруженных служебными помещениями. Вокруг главного двора размещено двухэтажное здание с большим и малым колонными айванами.

Третья часть Таш-хаули была возведена ранее всех (1830—1832). Это изолированный гарем с продолговатым двориком (илл. 111), вдоль которого располагаются комнаты для ханских жен и наложниц, обращенные во двор одноколонными айванами и более скромными по отделке помещениями для родственниц и прислуги.

Строители Таш-хаули сумели соединить в целостной композиции множество разнообразных апартаментов, группируя их вокруг дворов и используя в качестве пространственно-соединительных элементов глубокие колонные айваны. Колонны стройные, покрыты резьбой, в больших айванах они основаны обычно на массивных каменных базах, также покрытых орнаментальной резьбой. Узорная роспись украшает потолки и стены помещений, где наряду с геометрическими гирями встречаются лишенные стилизации букеты цветов.

В главных дворах отдельные участки стен покрыты богатыми майоликовыми облицовками, в выполнении которых участвовал уже не раз упоминавшийся усто Абдулла Джин; в орнаментации их преобладают сложные растительные сплетения, вязь надписей, иногда большие, с мелкоузорным заполнением, миндалевидные картуши.

Архитектурные и декоративно-художественные особенности Таш-хаули и других дворцовых сооружений Хивы было бы трудно понять и оценить, не зная архитектуры хивинского народного жилища. Старые хивинские дома имеют два разных в своей основе социально-исторических источника: сельский и городской. Один из них — это загородные усадьбы-хаули, предназначенные для большой патриархальной семьи. В неспокойную эпоху феодальных междоусобиц и грабежей хаули

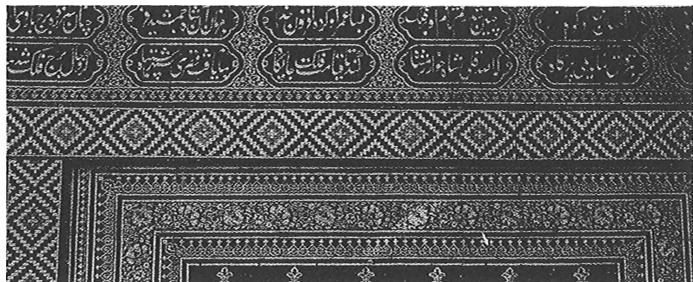
114. Таш-хаули. Роспись потолка галереи михманханы

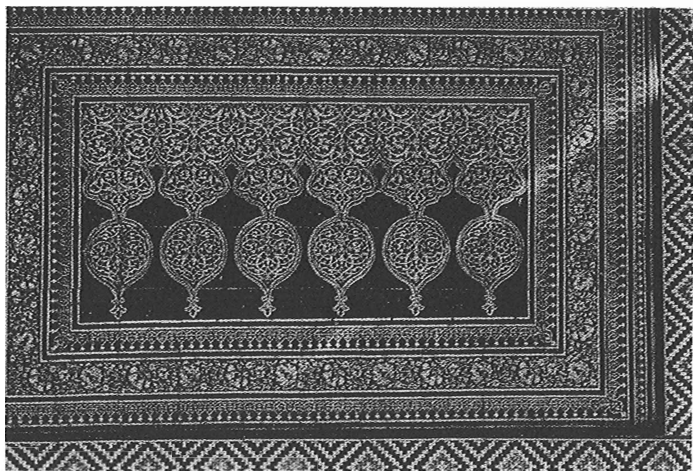
115. Таш-хаули. Настенная роспись в галерее михманханы

строились с расчетом на оборону, являя как бы род небольшой крепости, обнесенной глухими глинобитными стенами с полукруглыми башенками и укрепленными воротами (илл. 135). План их прямоуголен и подразделен на внешний хозяйственный и внутренний бытовой дворы, которые обведены помещениями. Особое внимание уделялось обработке главного фасада хаули, стены и башенки которых нередко покрывали прочерченные или оттиснутые на глине несложные орнаменты, а верх ворот украшали декоративные зубцы.

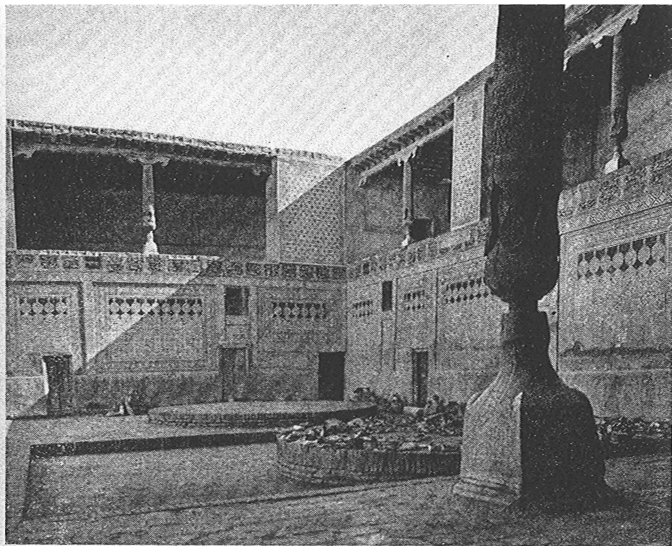
Жилые дома горожан строились не столь капитально, как хаули, и в основном в глинокаркасной системе. Из-за дороговизны внутригородской территории план их очень компактен. Центральным планировочным элементом здесь является колодцеобразный дворик, окруженный жилыми и хозяйственными помещениями (илл. 134); в него обращены два одноколонных айвана — большой (уллу-айван) и малый (терс-айван). Эти айваны как бы расширяют площадь дворика и в

116. Таш-хаули. Михманхана. Изразцовая облицовка стены. Фрагмент

117. Таш-хаули. Михманхана. Изразцовая облицовка стены

118. Таш-хаули. Михманхана. 1832—1834. Общий вид

то же время служат летними помещениями для семьи. Главный айван, как правило, ориентирован на север, его возвышенный объем господствует в композиции дома. Уллу-айваны формируют особый, не встречающийся в иных городах Средней Азии облик хивинских жилых кварталов. Внешний фасад дома нередко имеет выделенный вход с навесом на фигурно обработанных консольных балках или на колонках и орнаментированную дверь. Декора в помещениях нет, основными украшениями служат стройные резные колонны айванов, резные двери, узорные решетки-панджара.

Жилые дома Хивы в лучших своих образцах составляют неотделимый элемент, формирующий красоту архитектурного целого этого неповторимого по своему облику города. Мно-

гие из них насчитывают в своей основе сто и более лет. Переходя из рода в род, они подвергались неоднократным ремонтам, а порой почти полной перестройке, возрождаясь при этом, как феникс, и сохраняя первоначальную композицию, ту же конструктивную основу, старинные резные деревянные детали.

Народное жилище Хивы объясняет архитектуру хивинских дворцов. Зодчие как бы синтезируют в них принципы, характерные для сельских и городских домов, возводя их в квадрат наивысшего мастерства. Глухие высокие стены дворцов с зубцами, с округлыми башенками — это отзвук замкнутых стен хаули, организация же внутреннего пространства вокруг дворов с айванами на стройных колоннах заимствована из планировки городского дома. В крупных масштабах, обогащенное пышным декором, все это приобретает во дворцах новое художественное качество, зримо возвещая не только о роскоши придворной жизни позднефеодального среднеазиатского ханства, но и о взлетах народного гения там, где перед ним открывался простор для творческого воплощения архитектурных идей.

ПАМЯТНИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА. С присоединением Хивы к России (1873), положившим конец внешним военным угрозам и разбойничьим нападениям, монументальное строительство в городе осуществляется в нарастающем темпе, переклестывая за пределы его крепостных ограждений. Но вхождение Хивинского ханства под протекторат царского правительства ничего не изменило ни в нравах двора, ни в положении народа. Об этом в горестных стихах писал выдающийся хивинский поэт Аваз Аттар, который за свое вольномыслие был обвинен в безбожии, избит по приказу Мухаммед-Рахимхана плетью, доведен пытками до бесчувствия, а затем объявлен помешанным и закован в цепи:

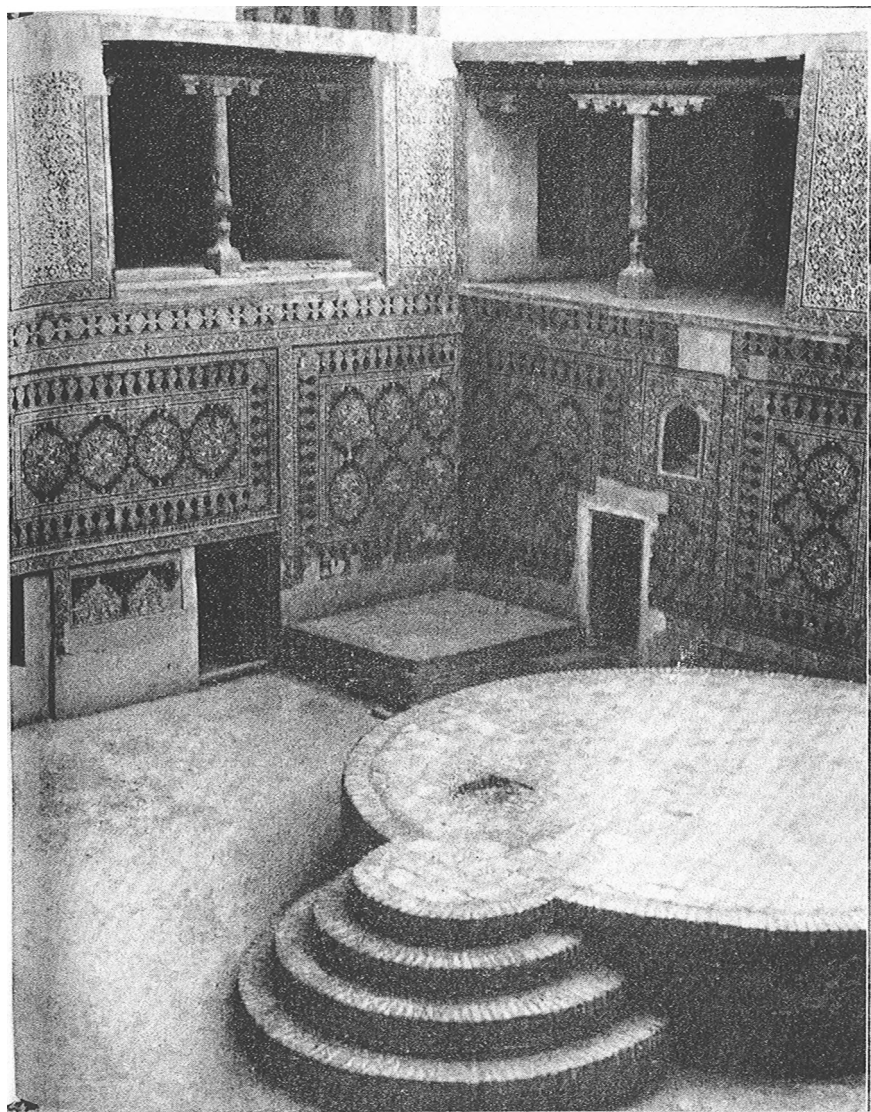
«Кто на земле несчастней нас

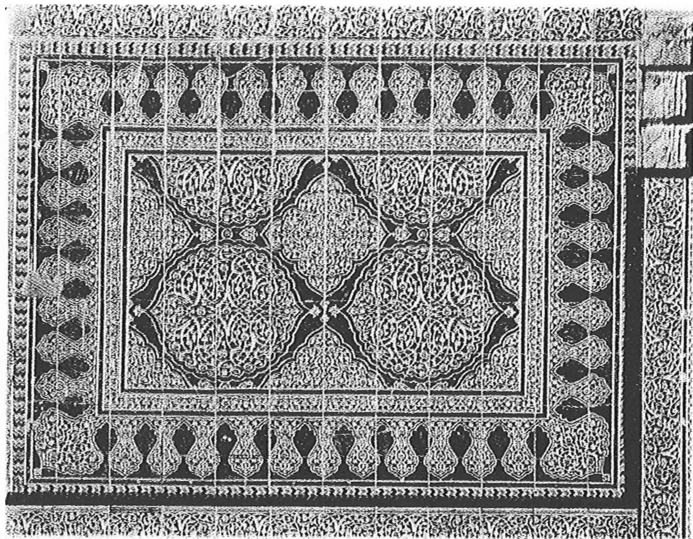
и кто слабее нас, народ?..

Меч угнетенья на куски тебя рассек сейчас, народ.

Доколе несколько невежд тобою будут управлять?

Доколе будешь ты рабом и слезы лить из глаз, народ?»

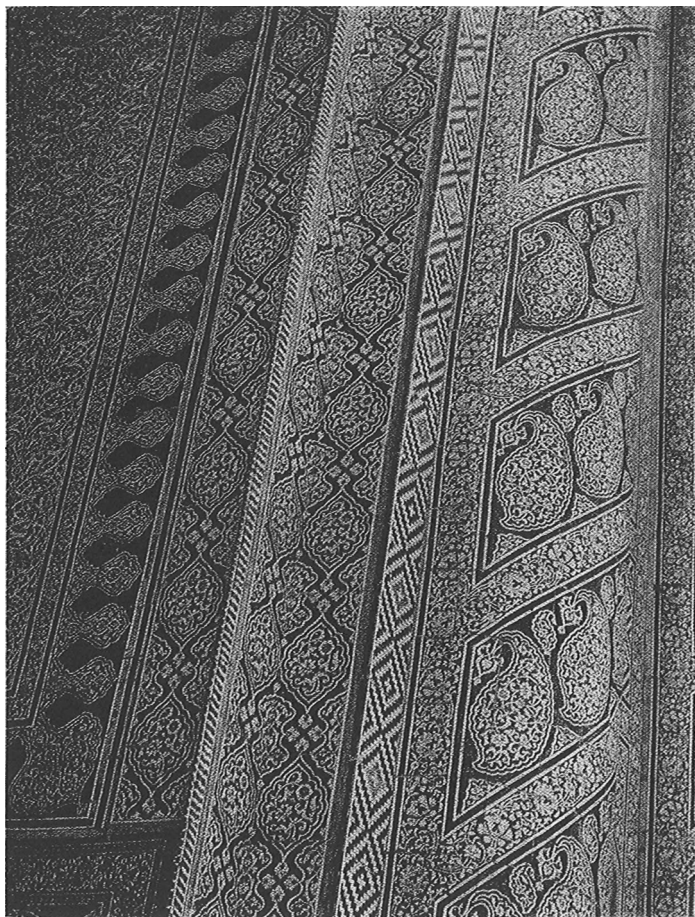

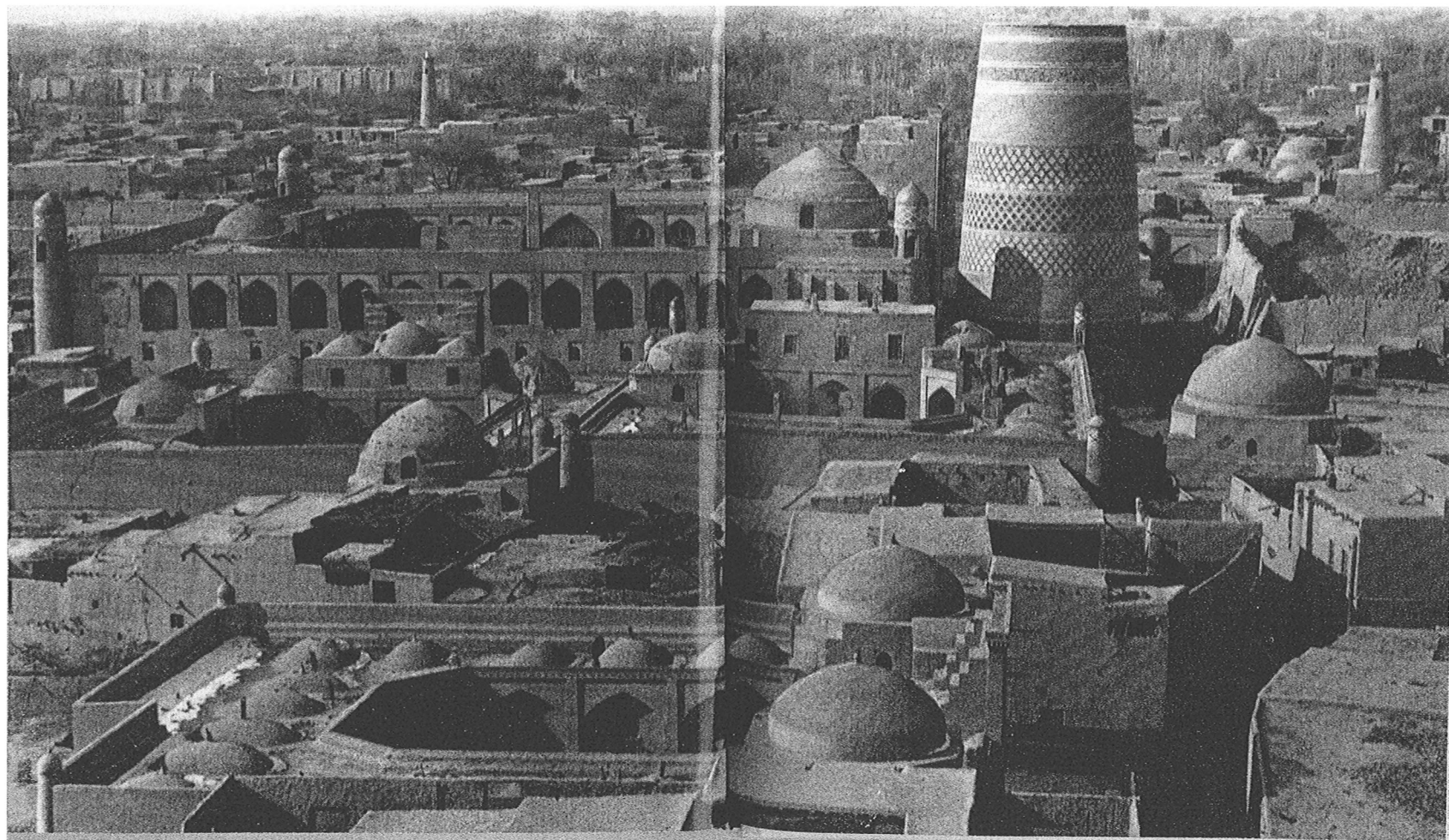

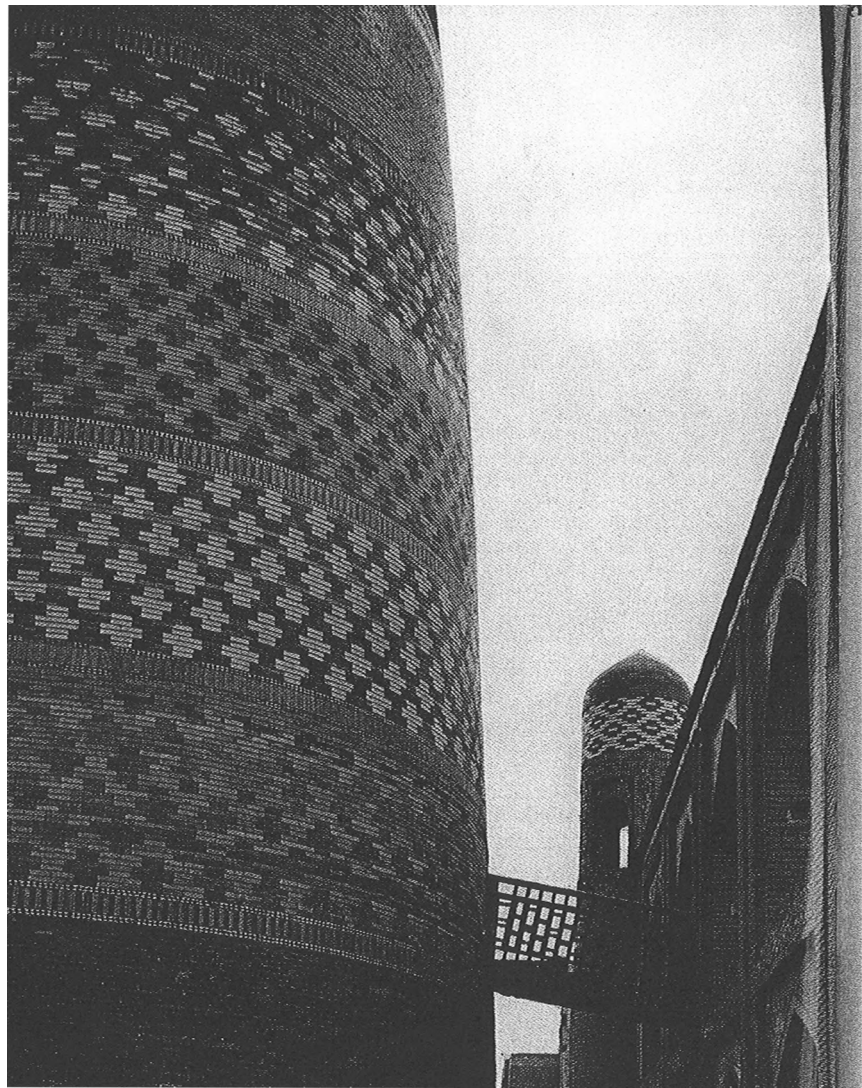
120. Таш-хаули. Арзхана. Изразцовая облицовка стены

Поэт не дожил лишь одного года до свержения Хивинского ханства, когда была основана Хорезмская народная республика (1920), вошедшая затем в состав Узбекской ССР.

Среди памятников Хивы поры правления последних ханов примечательны дворец Нуруллабай, сооруженный в 1906—1912 годах Мухаммед-Рахимханом II для своего наследника Асфандиархана в Дишан-кале, и обширная загородная летняя резиденция Мадраимхана II, завершенная в 1914/15 году (сейчас расположена на территории сельсовета Дашьяк). Они представляют собой комплексы различных сооружений, объединенных целостным планировочным замыслом, сочетающим

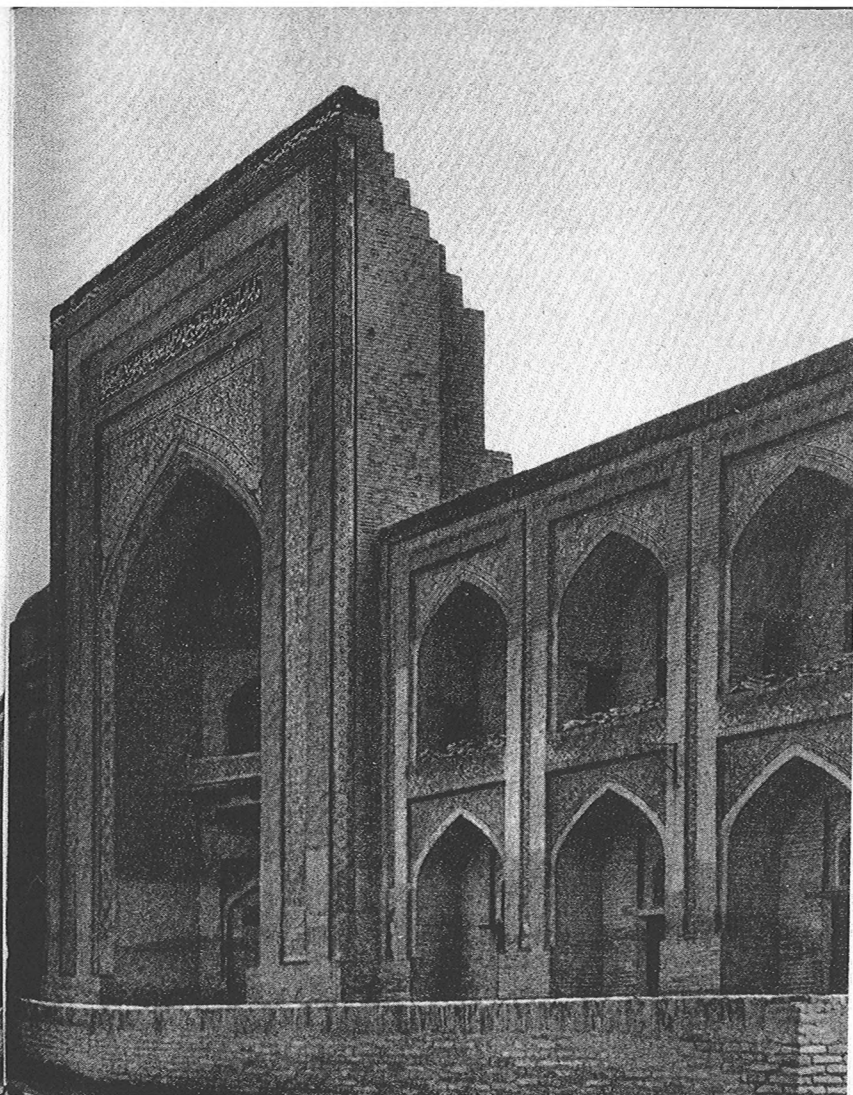
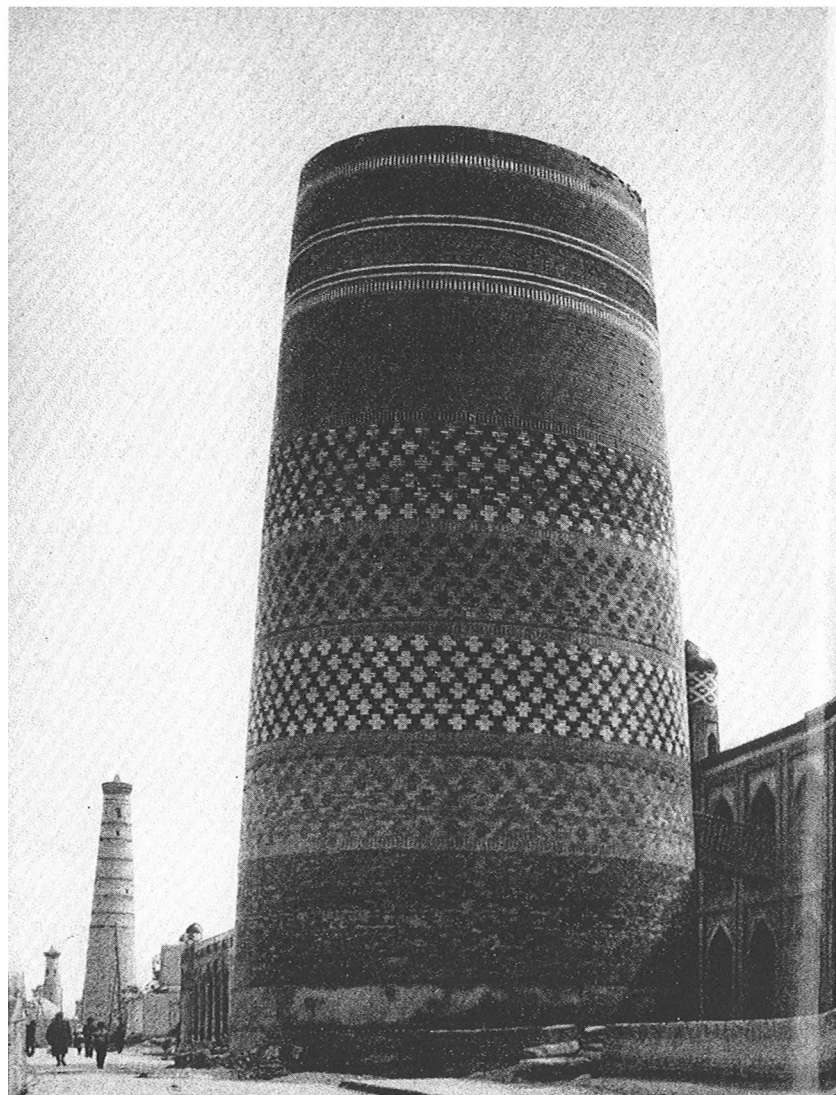

архитектуру с зеленью древесных насаждений и водными устройствами. В обоих налицо соединение оформившихся еще в начале XIX века высоких, но уже застылых принципов монументальной хивинской архитектуры и пышного декора с мотивами европейской архитектуры. Вполне вероятно, что к возведению их привлекались как местные архитекторы, так и русские инженеры из находившегося неподалеку от Хивы Петро-александровска (ныне города Бируни) и проживавшие в поселке близ Хивы немецкие колонисты. Результатом явилась не столько новизна, сколько эклектика отдельных архитектурных форм и композиций. И все же талант строителей, помноженный на общий размах воплощенных ими архитектурных заданий, ставит оба эти дворцовых комплекса в ряд примечательных явлений поздней хивинской архитектуры.

Загородная резиденция Мадраимхана II, именуемая Кублатаза-баг, раскинулась на двух обширных участках. Застройка его комплекса группируется вокруг трех дворов. Именно эти интимные дворики наиболее привлекательны в архитектурном отношении. Они обведены айванами на стройных резных колоннах. В центре основного двора — бассейн.

Главный фасад дворца выделен узорной кладкой из глазурованных синих и белых плиток на фоне строительного кирпича. Его приемным залам присуща холодная официальная пышность. Высокие полуциркульные окна — европейского типа, на стенах — панно резного ганча, в которых хивинские узоры, соединенные с мотивами стиля модерн, покрыты окраской с позолотой.

Дворцовый комплекс Нуруллабай объединяет жилой дворец Асфандиархана с садом, зал аудиенций — курнышхану, возле которой также устроен сад, судилище — арзхану и подсобные строения. Весь комплекс отгорожен от внешнего мира высокой кирпичной стеной с башенками и зубчатый парапетом. За ней расположено четыре двора с периметральной застройкой вокруг них и колонными айванами. Особенно примечательна курнышхана Асфандиархана, аудиенц-зал которой сплошь покрыт резным ганчем с позолотой и росписью. Влияние европейского модерна явственно в самой планировке —

в его план включена восьмигранная угловая ротонда, — в украшении стен огромными зеркалами. В арзхане — при чисто деловом характере ее служебных помещений, соединенных коридорами, — превосходны стройные резные колонны айвана.

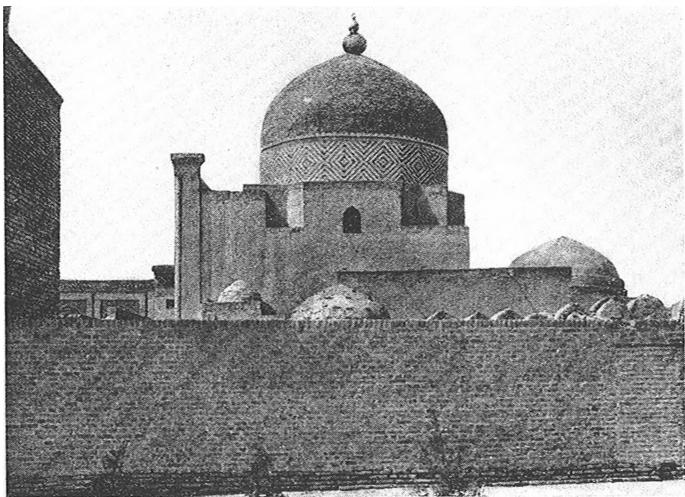
Известны имена хивинских народных мастеров — создателей дворцового комплекса Нуруллабай. Кладки стен возводил каменщик усто Курьяз Бабаджанов, резьбу и роспись по дереву выполняли Бабаджан Каляндаров, Ата Шихов и Исмаил Абдиниязов, резьбу по ганчу — Худайберген Ходжи, усто Нурмат и Рузмат Машарипов, рисунки изразцов выполнял в основном Садыкходжа Маткаримов.

В отделке потолков позолоченными рейками, изготовлении паркетов, оконных рам и дверей участвовали немецкие колонисты. Они принимали участие и в составлении некоторых орнаментальных рисунков для изразцов. Последние выполнялись по заказу на Императорском фарфоровом заводе (ныне — завод им. М. В. Ломоносова).

Культовые постройки Хивы конца XIX — начала XX века целиком следуют ранее выработанным традиционным схемам. Но сами по себе они обогащают ее общий градостроительный аспект. Хиву невозможно представить, например, без медресе и минарета Ислам-Ходжа (1908), сооруженных среди плотной застройки центра Ичан-калы, близ ансамбля Пахлаван-Махмуда.

Медресе невелико — его размеры ограничивал участок застройки. В центре фасада возвышается портал с двухъярусными арочными лоджиями по сторонам и небольшими башенками-гульдаста на углах. В оформлении щедро введены майоликовые ленты и тимпаны. Дворик обстроен одноэтажными худжрами. В углу возвышается купольная мечеть, рядом с ней снаружи стоит минарет.

Минарет Ислам-Ходжа (илл. 133) господствует в композиции не только центра Ичан-калы, но и всей Хивы. Высота его — 45 метров, диаметр основания — 9,5 метров, ствол поднимается вверх с сильным утонением, что придает силуэту особую динамическую устремленность ввысь. Верхушку венчает сквозной фонарь с высоким карнизом и небольшим куполом,

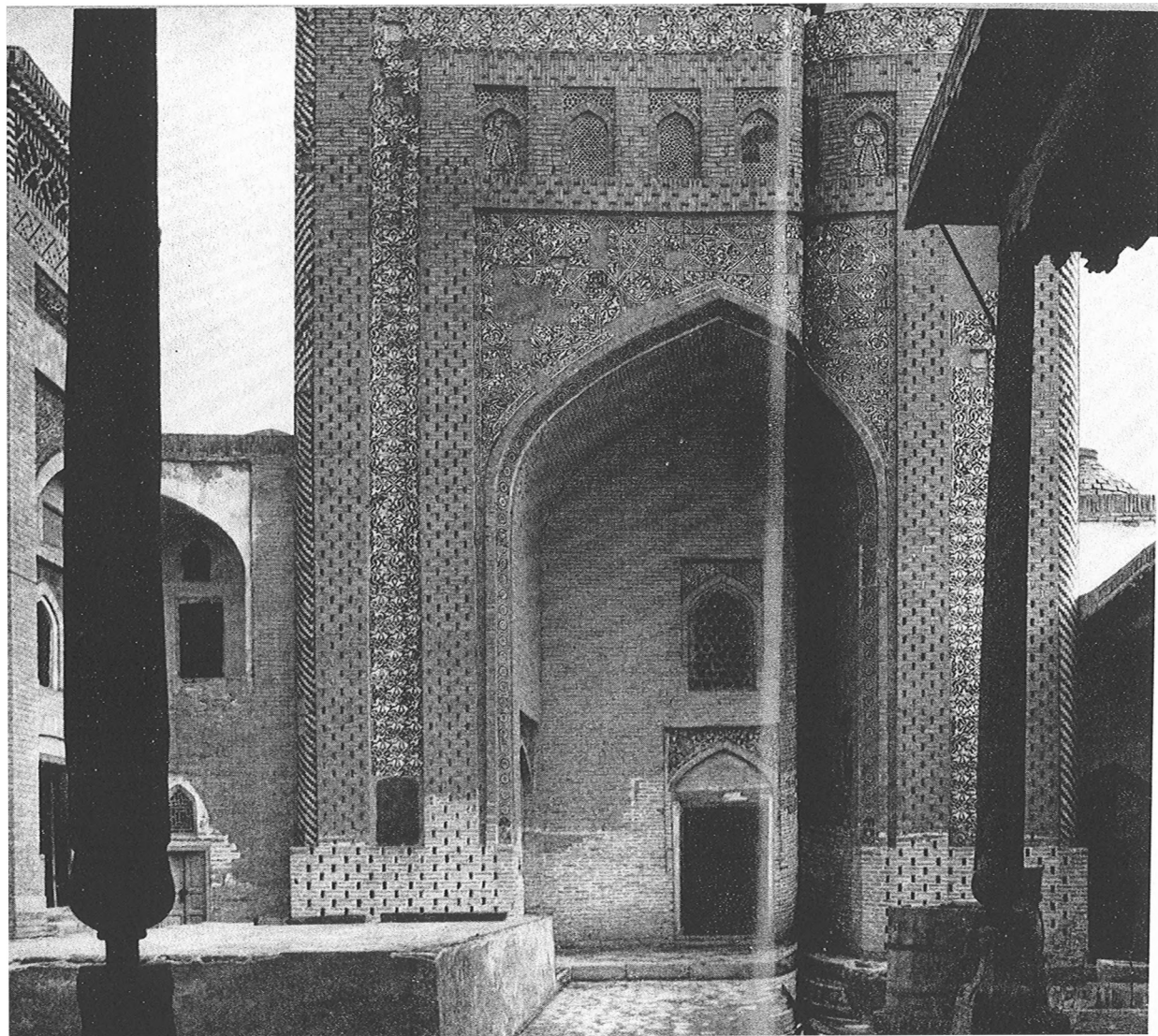

125. Комплекс Пахлаван-Махмуд

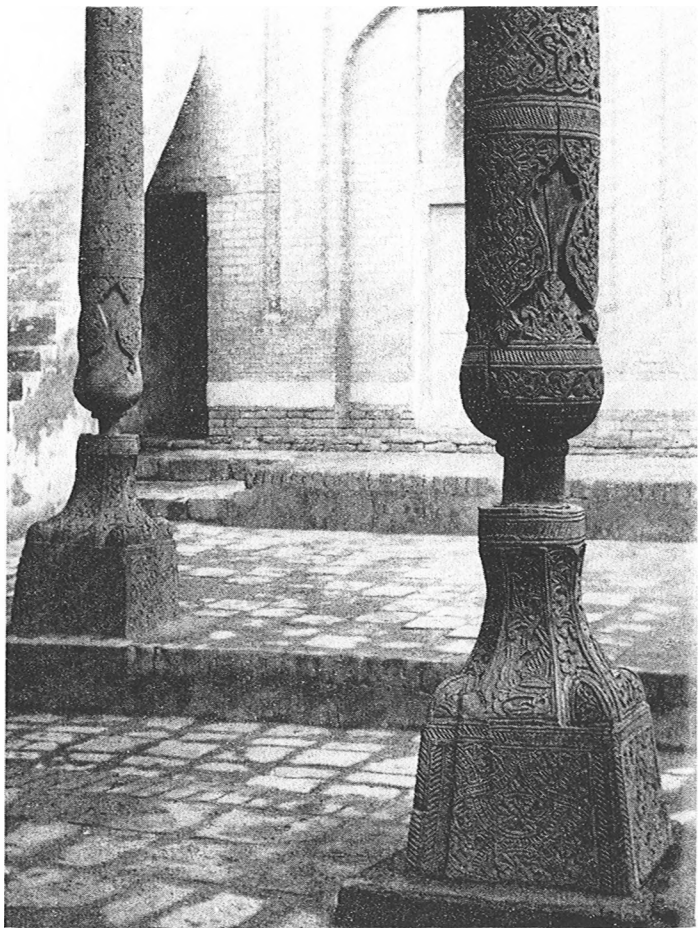
подчеркнутым фигурным заостренным навершием. Минарет расчленен концентрическими поясами, в которых кирпичные кладки перемежаются с майоликовыми лентами. Изразцовые облицовки особенно насыщены цветом у фонаря и карниза.

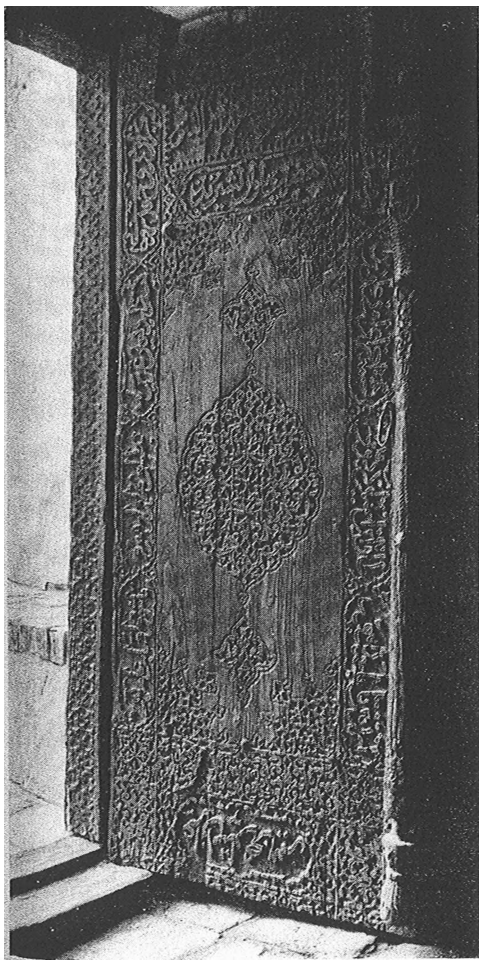
Строителем минарета был мастер Худайберген Ходжи. Изразцовые же облицовки обеих построек Ислам-Ходжи выполнялись мастерами Болта-Ваисовым и Мадаминовым по рисункам Иш-Мухаммед Худайбердыева.

В рассматриваемый период возводится и один из лучших минаретов в Дишан-кале — минарет Палван-кари (илл. 132). Он очень строен, увенчан сквозным фонарем и пышным сталактитовым карнизом, украшен сверху полосами фигурных кирпичных кладок с изразцовыми зелеными глазурованными «бантиками».

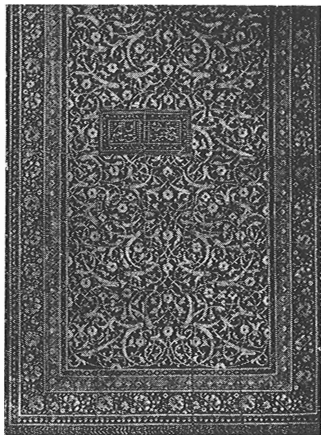
126. Пахлаван-Махмуд. Дворик

127. Пахлаван-Махмуд.
Колонны дворика. Фраг-
мент

128. Пахлаван-Махмуд.
Первая входная дверь

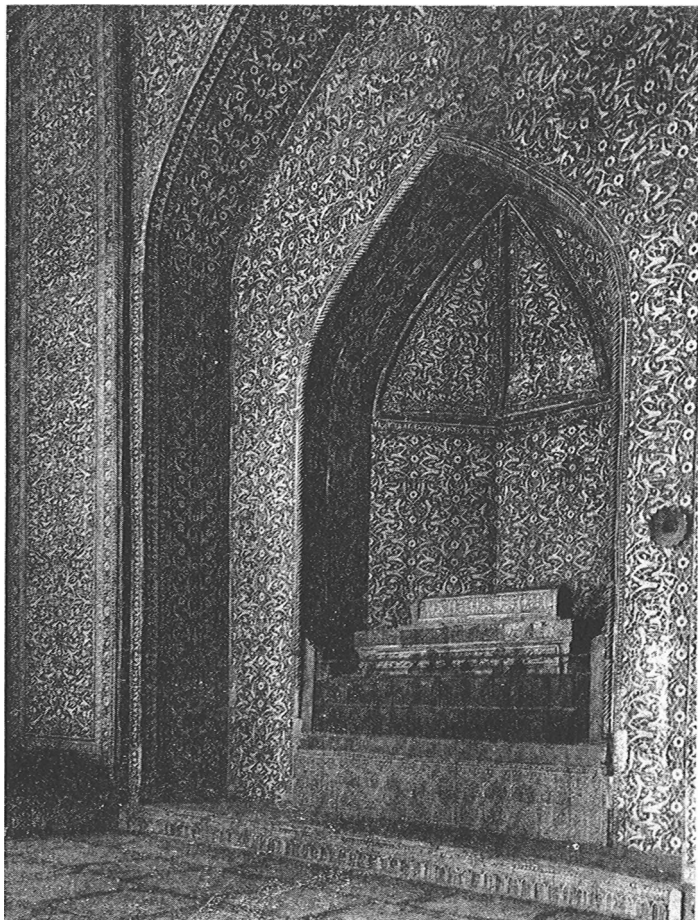
129. Пахлаван-Махмуд. Ханака.
Изразцовая облицовка стены

130. Пахлаван-Махмуд. Ханака.
Купол

В начале XIX века в Хиве появляется, явно под русским влиянием (и, быть может, не без участия русских инженеров), ряд новых зданий гражданской архитектуры. В числе их первая в Хорезме почта (1910) и единственная на все Хивинское ханство больница (1912) — оба здания расположены на территории Дишан-калы; оба используются и поныне.

Почта выстроена в обычных формах хивинской архитектуры — с декоративными округлыми башенками на углах и кирпичной фактурой стен, оживленной майоликовыми вставками. Но кирпич постройке и ряд деталей, например двускатная крыша на стропилах — русского образца. В еще большей мере эклектический стиль казенной европейской архитектуры, наслонившийся на типично хивинские архитектурные формы

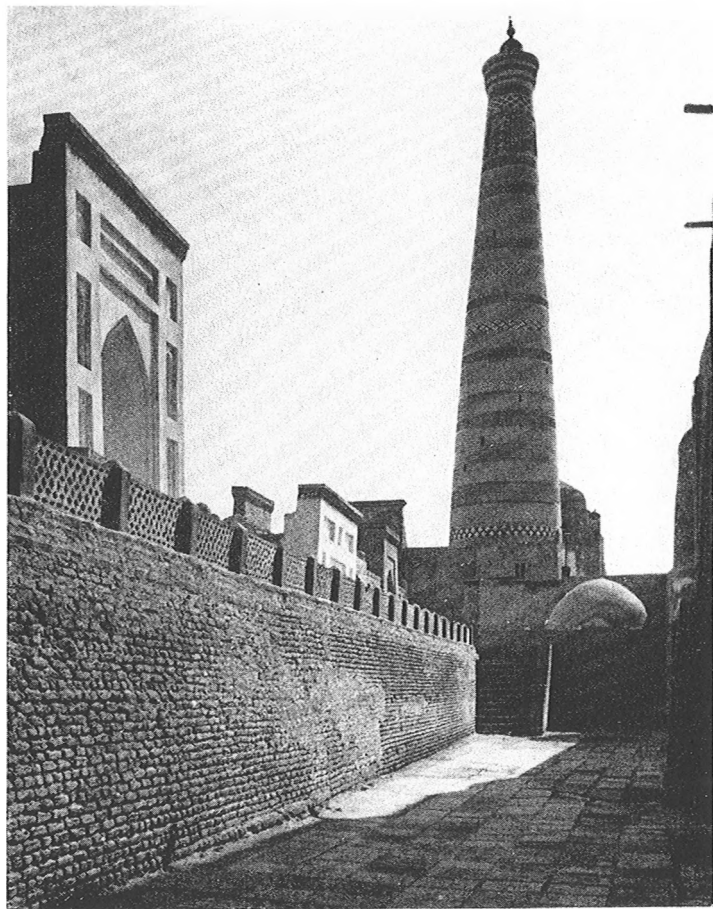

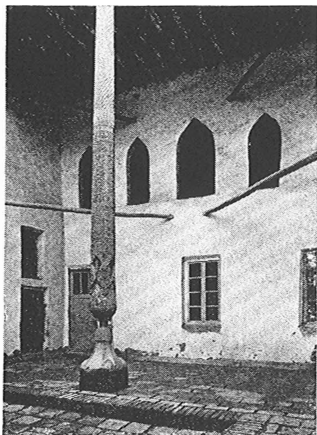
132. Минарет Палван-кари

133. Минарет Ислам-Ходжа.
1908

(угловые башенки, порталные входы) и декор (голубые изразцы по кирпичному фону), заметен в здании больницы. Проект этой больницы был исполнен по поручению главного визира Асфандиархана, Ислам-Ходжи московским архитектором А. М. Ропом в 1911 году. Через год она уже была построена, а в 1913 году приняла первых больных. В декоративном оформлении ее участвовал известный народный мастер Абдулла Болтаев.

Хива — это сложный и целостный архитектурный организм, оформившийся в том виде, в каком мы воспринимаем его в наши дни, на протяжении последних двух столетий. Можно было бы уподобить его густокронному дереву, дающему в процессе роста все новые ветви и отводы, в свободно-асим-

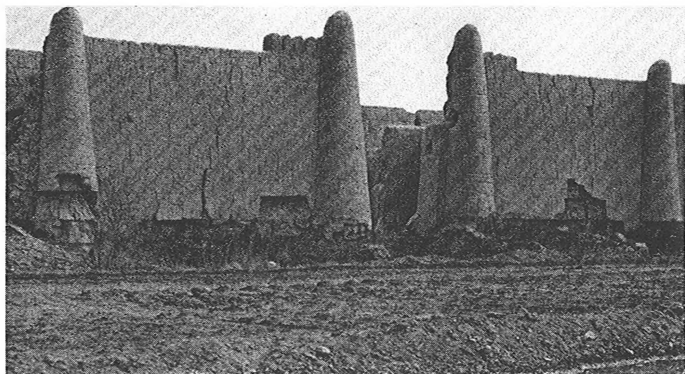

134. Дворик жилого дома. 1871

135. Загородная усадьба (хаули)

метричном расположении которых есть и система и свой особый ритм. При кажущейся запутанности улочек и тупиков, кварталы, архитектурные ансамбли и целые части Хивы воспринимаются как живописно-архитектурное целое. И в этом — свидетельство живой, пульсирующей градостроительной мысли, побуждавшей архитекторов при создании новых сооружений увязывать их с уже существующей застройкой. Сознательно или интуитивно (об этом спорят историки архитектуры), но зодчие решали и эти и более сложные задачи, например формирование городского силуэта. Не случайно вертикали четырех главных хивинских минаретов расположены почти на единой линии, купол усыпальницы «духовного отца» Хивы — Пахлаван-Махмуда — царит над городом, порталы же мечетей и башенки дворцов обрисовывают причудливую игру объемов над гладью крыш и затененными колодцами внутренних дворов жилых домов.

Хивинский заповедник Ичан-калу сравнивают иногда то с опустевшим кинопавильоном, откуда исчезла жизнь, то с покинутым городом, где как бы бродят тени ушедших веков.

Трудно с этим согласиться. Древняя Хива живет своей особой жизнью — иной, чем в эпоху ханств. Быт обитателей Ичан-калы вполне современен, но вместе с тем он тих и размерен, соподчиняясь торжественной тишине величественных зданий, к которым со всего света съезжаются люди на поклон Красоте.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ТЕРМЕЗ

1. Развалины ступа (Башня Зурмала) в Старом Термезе. Первые века н. э.	11
2. Горельеф на тему „Великого чуда“. Камень. I—II вв. Термез, Сухан-Дарьинский областной историко-краеведческий музей.	12
3. Сидящий будда. II—III вв. Найден близ Башни Зурмала в Старом Термезе. Термез, Сухан-Дарьинский областной историко-краеведческий музей.	12
4. Кешк. VI—VII вв. Западная стена.	15
5. Чор-Сутун. IX—X вв. План.	16
6. Кырк-кыз. IX—X вв. Вид со стороны двора.	19
7. Кырк-кыз. План первого и второго этажей.	20
8. Украшение стен из Дворца правителей Термеза. Резьба по ганчу. XII в. Термез, Сухан-Дарьинский областной историко-краеведческий музей.	22
9. Украшение стен из Дворца правителей Термеза. Резьба по ганчу. XII в. Термез, Сухан-Дарьинский областной историко-краеведческий музей.	22
10. Потолочная роспись из Дворца правителей Термеза. XII в. Термез, Сухан-Дарьинский областной историко-краеведческий музей.	23
11. Крылатые львы. Резьба по ганчу. XII в. Дворец правителей Термеза.	24
12. „Див“. Резьба по ганчу. XII в. Дворец правителей Термеза.	25
13. Орнаментальная резьба по ганчу. XII в. Дворец правителей Термеза.	27
14. Средневековый хум. Старый Термез, Сухан-Дарьинский областной историко-краеведческий музей.	28
15. Комплекс Хаками Термизи. XI—XV вв. Общий вид.	31
16. Хаками Термизи. Интерьер ханаки.	33
17. Хаками Термизи. Михраб мечети.	34
18. Хаками Термизи. Галерея мечети.	37
19. Хаками Термизи. Мавзолей. Резной штук. XI—XII вв.	38

20. Хакими Термизи. Мавзолей. Резной штук. XI—XII вв.	38
21. Хакими Термизи. Мавзолей. Резной штук. XI—XII вв.	39
22. Хакими Термизи. Надгробие Хакима. XV в.	40
23. Ансамбль Султан-Саодат. Генеральный план.	42
24. Ансамбль Султан-Саодат. Общий вид со стороны двора.	44—45
25. Султан-Саодат. Главный портал.	46—47
26. Султан-Саодат. Мавзолеи северной группы.	48
27. Султан-Саодат. Мавзолеи южной группы.	49
28. Султан-Саодат. Своды главного портала.	50
29. Султан-Саодат. Угловой парус мавзолея № 1.	51
30. Кокильдора. XVI в. Общий вид.	52
31. Кокильдора. Портал.	53
32. Кокильдора. Боковой коридор.	54

ШАХРИСЯБЗ

33. Ак-Сарай. XIV—начало XV в. Общий вид руин.	61
34. Ак-Сарай. Портал.	63
35. Ак-Сарай. Западный устой.	64
36. Ак-Сарай. Изразцовая облицовка башни. Фрагмент.	66
37. Ак-Сарай. Изразцовая облицовка башни. Фрагмент.	67
38. Ак-Сарай. Изразцовая облицовка портала. Фрагмент.	68
39. Генеральный план сооружений в юго-западной части Шахрисябза	70
40. План ансамбля зданий XIV—XV вв. в юго-западной части Шахрисябза. Реконструкция.	71
41. Устой мавзолея Джехангира (1379,80—1404) и купол мечети Хазрет-Имам (XIX в). Общий вид со стороны улицы.	73
42. Мавзолей Джехангира и мечеть Хазрет-Имам. Общий вид.	74
43. Мавзолей Джехангира. Общий вид.	75
44. Мавзолей Джехангира и айван мечети. Фрагмент.	76
45. Дверь мавзолея Джехангира. Конец XIX в. Фрагмент.	78
46. Купол в интерьере мавзолея Джехангира.	79
47. Сталактиты в интерьере мавзолея Джехангира.	79
48. Дворик у мечети Хазрет Имам.	80
49. Галерея мечети Хазрет Имам.	81
50. Минарет во дворе мечети Хазрет Имам.	81
51. Склеп Тимура.	82
52. Картуш с надписями в склепе Тимура.	83
53. Склеп Тимура.	84—85

54. Кок-Гумбаз. Общий вид.	87
55. Мавзолей Шамседдина Куляля и Гумбази-Сейидан.	88
56. Кок-Гумбаз. Портал.	89
57. Кок-Гумбаз. Изразцовая облицовка портала. Фрагмент.	90
58. Купол в интерьере Кок-Гумбаза.	92
59. Гумбази-Сейидан. Интерьер.	93
60. Дверь мавзолея Шамседдина Куляля.	94
61. Дверь мавзолея Шамседдина Куляля. Фрагмент.	95
62. Чорсу. План.	96
63. Чорсу. Купол в интерьере.	98
64. Чорсу. Общий вид.	99
65. Мечеть. XX в.	100
66. Дворик жилого дома. 1870-е гг.	101
67. Дворик жилого дома. Конец XIX в.	102
68. Дворик жилого дома. Конец XIX в.	102

ХИВА

69. Ичан-кала. Общий вид.	112—113
70. Ичан-кала. План.	114
71. Ворота Бакча-дарваза.	117
72. Ичан-кала. Стены.	118—119
73. Улочка у медресе Кутлуг-Мурад-инак и Таш-хаули.	121
74. Улочка Ичан-калы.	122
75. Джума-мечеть и минарет. 1788-89. Общий вид.	124
76. Джума-мечеть. Интерьер.	125
77. Перекрытие в интерьере Джума-мечети.	126
78. Колонна в интерьере Джума-мечети. Фрагмент.	127
79. Мавзолей Сейида Алауддина. Начало XIV в. Общий вид.	128
80. Надгробие-сагана в интерьере мавзолея Сейида Алауддина. XIV в. Фрагмент.	129
81. Мечеть Багбанлы. 1809. Общий вид.	130
82. Входная дверь мечети Багбанлы. Мастер Руз Мухаммед.	132
83. Колонна айвана мечети Багбанлы. XIV—XV вв. Фрагмент.	132
84. Капитель колонны айвана мечети Багбанлы.	133
85. Куня-Ари. Курныш-хана. 1804—1806.	135
86. Курныш-хана. Изразцовая облицовка айвана. Фрагмент.	136
87. Курныш-хана. Айван.	137
88. Дверь в Тронный зал Курныш-ханы.	138
89. Роспись потолка Тронного зала Курныш-ханы. Фрагмент.	139

90. Курмыш-хана. Тронный зал.	139
91. Куня-Арк. Летняя мечеть.	141
92. Летняя мечеть. Михраб. Изразцовая облицовка. Мастера Ибадулла и Абдулла Джин.	142
93. Летняя мечеть. Изразцовая облицовка айвана. Мастера Ибадулла и Абдулла Джин.	143
94. Летняя мечеть. Изразцовая облицовка айвана. Мастера Ибадулла и Абдулла Джин. Фрагмент.	144
95. Генеральный план ансамбля у восточных ворот Ичан-калы.	146
96. Медресе Кутлуг-Мурад-инак. 1804--1812. Портал.	149
97. Медресе Кутлуг-Мурад-инак. Общий вид.	150—151
98. Медресе Кутлуг-Мурад-инак. Фрагмент фасада.	152
99. Медресе Кутлуг-Мурад-инак. Фрагмент облицовки.	153
100. Медресе Кутлуг-Мурад-инак. Двор.	154—155
101. Медресе Аллакулихана. 1834-35. Общий вид.	156
102. Тим Аллакулихана.	157
103. Тим Аллакулихана. Разрез.	158
104. Ак-мечеть.	159
105. Ворота Палван-дарваза. Разрез, план.	160
106. Ворота Палван-дарваза. 1832—1835.	161
107. Ворота Палван-дарваза. Галерея.	161
108. Таш-хаули. 1830—1832. Стены.	162
109. Таш-хаули. Двор гарема.	163
110. Таш-хаули. Гарем. Облицовка стены.	165
111. Таш-хаули. Двор гарема. Айваны.	166—167
112. Таш-хаули. Гарем. База колонны айвана.	168
113. Таш-хаули. Гарем. Изразцовая облицовка стены. Фрагмент.	169
114. Таш-хаули. Роспись потолка галереи михманханы.	171
115. Таш-хаули. Настенная роспись в галерее михманханы.	171
116. Таш-хаули. Михманхана. Изразцовая облицовка стены. Фрагмент.	172
117. Таш-хаули. Михманхана. Изразцовая облицовка стены.	172
118. Таш-хаули. Михманхана. 1832—1834. Общий вид.	173
119. Таш-хаули. Арэхана. 1837—1838. Общий вид.	175
120. Таш-хаули. Арэхана. Изразцовая облицовка стены.	176
121. Таш-хаули. Арэхана. Изразцовая облицовка пилоны айвана. Фрагмент.	177
122. Панорама Ичан-калы.	178 179
123. Минарет Кальта-минор. Фрагмент.	180 199

124. Медресе Мухаммед Амин-хана и минарет Кальта-минор.	182	183
125. Комплекс Пахлаван-Махмуд.		185
126. Пахлаван-Махмуд. Дворик.	186	187
127. Пахлаван-Махмуд. Колонны двора. Фрагмент.		188
128. Пахлаван-Махмуд. Первая входная дверь.		189
129. Пахлаван-Махмуд. Ханак. Изразцовая облицовка стены.		190
130. Пахлаван-Махмуд. Ханак. Купол.		190
131. Пахлаван-Махмуд. Ханак. Ниша с надгробием Мухамед-Рахим-хана.		191
132. Минарет Палван-хари.		192
133. Минарет Ислам-Ходжа. 1908.		193
134. Дворик жилого дома. 1871.		194
135. Загородная усадьба (хаули).		195

LISTE DES ILLUSTRATIONS

TERMEZ

1. Ruines du stupa (la tour de Zourmalà). La Vieille Termez. I-II siècles.	11
2. „Le Grand miracle“. Pierre, haut-relief. I-II siècles. Termez, Musée.	12
3. Bouddha assis. II-III siècles. Trouvé près de la tour de Zourmalà dans la Vieille Termez. Termez, Musée.	12
4. Keuchk. VI-VII siècles. Mur ouest.	15
5. Tchar-Soutoun. IX-X siècles. Plan.	16
6. Kyrk-kyz. IXe siècle. Vue du côté de la cour.	19
7. Kyrk-Kyz. Plan du rez-de-chaussé et du premier étage	20
8. Décor mural du palais des gouverneurs de Termez. XIe siècle. Termez, Musée.	22
9. Décor mural du palais des gouverneurs de Termez. Termez, Musée.	22
10. Peintures des plafonds du palais des gouverneurs de Termez. XIe siècle. Termez, Musée	23
11. Lions ailés. Sculpture sur gantch. XIIe siècle. Palais des gouverneurs de Termez.	24
12. Un „dive“. Sculpture sur gantch. XIIe siècle. Palais des gouverneurs de Termez.	25
13. Sculpture ornementale sur gantch. XIIe siècle. Palais des gouverneurs de Termez.	27
14. Un khoulm. La Vieille Termez, Musée.	28
15. Hakimi Termizi. XI-XV siècles. Vue d'ensemble.	31
16. Hakimi Termizi. Intérieur de la khanakah.	33
17. Hakimi Termizi. Le mihrab de la mosquée.	34
18. Hakimi Termizi. La galerie de la mosquée.	37
19. Hakimi Termizi. Mausolée. Stuc sculpté. XI-XII siècles.	38
20. Hakimi Termizi. Stuc sculpté. XI-XII siècles.	38
21. Hakimi Termizi. Stuc sculpté. XI-XII siècles.	39
22. Hakimi Termizi. Monument funéraire de al-Hakim.	40
23. Ensemble architectural de Sultan-Saodat. Plan général: 1. 2 - mausolées des X - XI siècles; 3. 4 - mausolées	

du XVe siècle; 5 — mausolées des XV–XVIIes siècles; 6 — mausolée du XVIIe siècle; 7 — aïvan; 8 — mausolée des XVI–XVIIes siècles; 9 — aïvan des XVI–XVIIes siècles; 10 — mausolée des XVI–XVIIes siècles; 11, 12 — les soufes des XVI–XVIIes siècles; 13, 14 — mausolées des XVII–XVIIIes siècles; 15, 17 — mausolées du XVIe siècle; 16 — édifice à portail du XVIe siècle; 18, 20 — mausolées des XVI–XVIIes siècles; 19 — édifice à portail des XVI–XVIIes siècles.	42
24. Ensemble de Sultan-Saodat. Vue générale du côté de la cour.	44–45
25. Sultan-Saodat. Portail principal.	46–47
26. Sultan-Saodat. Mausolées du groupe Nord.	48
27. Sultan-Saodat. Mausolées du groupe Sud.	49
28. Sultan-Saodat. Voûtes du portail principal.	50
29. Sultan-Saodat. Construction de la voûte du mausolée n° 1.	51
30. Kokildora. XVIe siècle. Vue d'ensemble.	52
31. Kokildora. Portail.	53
32. Kokildora. Corridor latéral.	54

SHAHR-É SIABZ

33. Ak-Sérail. 1380–1404. Vue d'ensemble.	61
34. Ak-Sérail. Portail d'entrée.	63
35. Ak-Sérail. La tour d'Ouest.	64
36. Ak-Sérail. Revêtement en céramique de la tour. Détail.	66
37. Ak-Sérail. Revêtement en céramique de la tour. Détail.	67
38. Ak-Sérail. Revêtement en céramique du portail d'entrée. Détail.	68
39. Plan général des constructions dans la région Sud-Ouest de la ville: 1 — Kok-Goumbaz; 2 — mosquée d'été du XXe siècle; 3 — mausolée de Shams-ed-din Koulal; 4 — Goumbazi-Selydan; 5 — mosquée de XVIIe siècle; 6 — la mosquée de Hazret Imam; 7 — La crypte de Djehanguir.	70
40. Plan de l'ensemble des édifices des XIV–XVes siècles dans la région Sud-Ouest de la ville. Reconstitution. I — Dar-at-Tiliavat avec le mausolée de Taragai (2e moitié du XIVe siècle — 1ère moitié du XVe siècle); II — Dar-as-Siyadat (fin du XIVe siècle); III — tombeaux de la noblesse timouride; IV — le jardin et la cour; I — la mosquée d'Oulougбек 1435 (Kok-Goumbaz); 2 — le mausolée de Shams-ed-din Koulal; 3 — femakbarat des descendants d'Oulougбек 1437,38 (Goumbazi-Selydan); 4 — le tombeau de Shams-ed-din (1434/35); 5 — le mausolée de Djehanguir. Années 70 du XVIe siècle. (Hazret Imam); 6 — tombeau	

des descendants de Timur; 7 — mosquée; 8 — la gourkhana et la crypte de Timur; 9 — miyon-sérail.	71
41. Le mausolée de Djehanguir. 1379-80—1404. Vue d'ensemble du côté de la rue.	73
42. Le mausolée de Djehanguir. Vue d'ensemble.	74
43. Le mausolée de Djehanguir. Vue d'ensemble.	75
44. Le mausolée de Djehanguir. Détail.	76
45. La porte du mausolée de Djehanguir. Fin du XIXe siècle. Détail.	78
46. La coupole d'intérieur du mausolée de Djehanguir.	79
47. Stalactites de l'intérieur du mausolée de Djehanguir.	79
48. La cour de la mosquée de Hazret Imam.	80
49. La galerie de la mosquée de Hazret Imam.	81
50. Minaret dans la cour de la mosquée de Hazret Imam.	81
51. La crypte de Timur.	82
52. La cartouche aux inscriptions de la crypte de Timur.	83
53. La crypte de Timur.	84—85
54. Kok-Goumbaz. Vue d'ensemble.	87
55. Le mausolée de Shams-ed-din Koulai et Goumbaz-Selydan.	88
56. Kok-Goumbaz. Portail.	89
57. Kok-Goumbaz. Revêtement en céramique du portail. Détail.	90
58. Kok-Goumbaz. Intérieur. La coupole.	92
59. Goumbazi-Selydan. Intérieur.	93
60. La porte du mausolée de Shams-ed-din Koulai.	94
61. La porte du mausolée de Shams-ed-din Koulai. Détail.	95
62. Tcharsou. Plan.	96
63. Tcharsou. Intérieur. La coupole.	96
64. Tcharsou. Vue d'ensemble.	99
65. La mosquée du XXe siècle.	100
66. La cour d'une maison d'habitation. Années 70 du XIXe siècle.	101
67. La cour d'une maison d'habitation. Fin du XIXe siècle.	102
68. La cour d'un maison d'habitation. Fin du XIXe siècle.	102

KHIVA

69. Itchan-kala. Vue d'ensemble.	112—113
70. Itchan-kala. Plan:	
1 — la mosquée de la medersa de Selyd-bai; 2 — la medersa d'Alla-Kouli khan; 3 — la medersa de Koutloug-	

Mourad-Inak; 4 — les bains d'Anoucha khan; 5 — le caravansérail et le tim d'Aïla-Kouli khan; 6 — Tash-havli; 7 — Ag-masdjid; 8 — Djouma-mosquée; 9 — le mausolée de Selyd Alla-ed-din; 10 — la médessa de Mohammed Amin khan et le minaret Kalta minar; 11 — Kounya-Ark; 12 — la médessa de Mohammed-Rakhim khan; 13 — la médessa de Chir-Gazi khan; 14 — la médessa d'Arab khan; 15 — l'ensemble de Pahlavan-Mahmoud; 16 la mosquée de Bagbanly; 17 — la médessa et le minaret d'Islam Hodja; 18 — le puits Khelvan; 19 — la porte de Bagtcha darvazeh; 20 — la porte de Palvan darvazeh; 21 — la porte de Tach darvazeh.	114
71. Porte de Bagtcha darvazeh.	117
72. Itchan-kala. Enceinte fortifiée.	118—119
73. Ruelle de la médessa de Koutloug-Mourad-Inak et Tash-havli.	121
74. Ruelle d'Itchan-kala.	122
75. Djouma-mosquée et son minaret. 1788-89. Vue d'ensemble.	124
76. Djouma-mosquée. Intérieur.	125
77. Djouma-mosquée. Recoupement.	126
78. Djouma-mosquée. Colonne. Détail.	127
79. Le mausolée de Selyd Alla-ed-din. Début du XIV ^e siècle. Vue d'ensemble.	128
80. Le mausolée de Selyd Alla-ed-din. Sagana, monument funéraire. XIV ^e siècle. Détail.	129
81. La mosquée Bagbanly. 1809. Vue d'ensemble.	130
82. La mosquée Bagbanly. Porte d'entrée. Détail. Par le Maître Rouz Mohammed.	132
83. La mosquée Bagbanly. Base de la colonne de l'aïvan. XIV—XV ^e siècle.	132
84. La mosquée Bagbanly. Chapiteau de la colonne de l'aïvan.	133
85. Kounya-Ark. Kouknych-khana. 1804—1806. Vue générale de la cour.	135
86. Kournych-khana. Revêtement en céramique de l'aïvan. Détail.	136
87. Kournych-khana. Aïvan.	137
88. Kournych-khana. La porte.	138
89. Kournich-khana. Salle du trône. Plafond. Détail.	139
90. Kournich-khana. Salle du trône.	139
91. Kounya-Ark. Mosquée d'été.	141
92. La mosquée d'été. La niche du mihrab. Céramiques des Maîtres Ibadoulla et Abdoulla Djin.	142
93. La mosquée d'été. Céramiques de l'aïvan. Par les Maîtres Ibadoulla et Abdoulla Djin.	143

94. La mosquée d'été. Céramiques de l'aïvan. Par les Maîtres Ibadoulla et Abdoulla Djia. Détail.	144
95. Ensemble près de la porte Est d'I'tchan-Kala, plan général: 1 — Ak-masdjid; 2 — la médersa de Hodjam-Berdy-bai; 3 — les bains d'Anouchd-khan; 4 — la porte de Païvan Darvazeh; 5 — la médersa de Koutloug-Mourad-Inak; 6 — Tach-havli, palais d'Alla-Kouli khan; 7 — le caravan-sérail d'Alla-Kouli khan; 8 — le tim d'Alla-Kouli khan.	146
96. Médersa de Koutloug-Mourad-Inak 1804—1812. Portail.	149
97. Médersa de Koutloug-Mourad-Inak. Vue d'ensemble.	150—151
98. Médersa de Koutloug-Mourad-Inak. Détail de la façade.	152
99. Médersa de Koutloug-Mourad-Inak. Détail.	153
100. Médersa de Koutloug-Mourad-Inak. La cour.	154—155
101. Médersa d'Alla-Kouli khan, 1834/35. Vue d'ensemble.	156
102. Le tim d'Alla-Kouli khan.	157
103. Le tim d'Alla-Kouli khan.	158
104. Ak-masdjid.	159
105. Porte de Païvan darvazeh.	160
106. Porte de Païvan darvazeh, 1832—1835.	161
107. Porte de Païvan darvazeh. Galerie.	161
108. Murs de Tach-havli. 1830—1832.	162
109. Tach-havli. La cour du harem.	163
110. Tach-havli. Harem. Revêtement en céramique de l'aïvan du khan.	165
111. Tach-havli. La cour du harem. Les aïvans.	166—167
112. Tach-havli. Harem. Base de la colonne de l'aïvan du khan.	168
113. Tach-havli. Harem. Revêtement en céramique. Détail.	169
114. Tach-havli. Peintures du plafond de la galerie de la mikhmankhana.	171
115. Tach-havli. Peinture murale de la galerie de la mikhmankhana.	171
116. Tach-havli. Mikhmankhana. Revêtement en céramique. Détail.	172
117. Tach-havli. Mikhmankhana. Revêtement en céramique.	172
118. Tach-havli. Mikhmankhana. 1832—1834. Vue d'ensemble.	173
119. Tach-havli. Arzkhana. 1837—1838. Vue d'ensemble.	175
120. Tach-havli. Arzkhana. Revêtement en céramique.	176
121. Tach-havli. Arzkhana. Revêtement en céramique d'un pylône de l'arzkhana. Détail.	177
122. Panorama d'I'tchan-kala.	178—179
123. Le minaret Kalta-minor. Détail.	180

124. La mēdersa de Mohammed-Amin-khan et le minaret Kalta-minor.	182-183
125. Pahlavan Mahmoud. Vue d'ensemble.	185
126. Pahlavan Mahmoud. La cour.	186-187
127. Pahlavan Mahmoud. Les colonnes de la cour. Détail.	188
128. Pahlavan Mahmoud. Première porte d'entrée.	189
129. Pahlavan Mahmoud. Khanaka. Revêtement en céramique des murs.	190
130. Pahlavan Mahmoud. Khanaka. La coupole.	190
131. Pahlavan Mahmoud. Khanaka. La niche au monument funéraire de Mohammed-Rahim-khan.	191
132. Le minaret Palvan-kari.	192
133. Le minaret d'Islam Hodja. 1908.	193
134. La cour d'une maison. d'habitation. 1871.	194
135. Résidence de campagne (havli).	195

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА (5)

ТЕРМЕЗ

Город (9); памятники буддизма (13); Кешк, мечеть и минарет (18); Кырк-Кыз и дворец термезских правителей (23); архитектурный комплекс Хакими Термизи (30); Султан-Саодат (41); Кокильдора (52).

ШАХРИСЯБЗ

Город (59); Ак-Сарай (62); склеп Тимура и мавзолеев Джехангира (75); мазар Шамседдина Кулляля, Кок-Гумбаз, Гумбази-Сейидан (91); Чорсу (103); баня (103); мечеть Казы-Гузар (104); ханак Малик-Аждара (104); жилые дома (104).

ХИВА

Город (109); Джума-мечеть (115); мавзолеев Сейида Алауддина (117); мечеть Багбанлы (123); медресе Ширгазихана (123); архитектура позднефеодальной Хивы (128); стены Ичан-Калы (131); Куня-Арк (134); медресе (145); мечети (155); комплекс Пахлаван-Махмуда (157); комплекс у ворот Палван-Дарваза (164); Таш-хаули (168); жилые дома (172); памятники начала XX в. (174).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ (196)

LISTE DES ILLUSTRATIONS (200)

Галина Анатольевна
Пугаченкова

ТЕРМЕЗ
ШАХРИСЯБЗ
ХИВА

Редактор Е. Н. Галкина, Художественный редактор Е. Е. Смирнов, Технический редактор В. У. Борисова, Корректоры Н. Н. Прокофьева и Г. И. Солова. Сдано в набор 20/XII 1974 г. Подписано к печати 23/I 1976 г. А10025. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага мелованная. Усл. п. л. 9,1. Уч.-изд. л. 9,734. Издат. № 20528. Тираж 50 000 экз. Заказ тип. № 9085. Цена 1 р. 48 к. Издательство «Искусство» 103051. Москва, Цветной бульвар, 25.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 3 им. Ивана Федорова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 196126. Ленинград, Звенигородская, 11.